

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛЯРНАЯ

ЗВЕЗДА

№9 2018

ISSN 0130-8173

№9 2018

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал.
Издается с 1956 года.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Правительство РС(Я).

Главный редактор — В.С. ДОЛЛОНОВ

И.И. Иннокентьев, зам. главного редактора
Г. И. Попов, худож. редактор
И. Г. Попова, отв. секретарь
М.В. Никитина, редактор отдела публицистики

Редколлегия:
А.А. Борисова,
Л.И. Левин,
Н.А. Лугинов,
И.В. Мигалкин,
Ю.В. Спиридонов,
В.Н. Федоров,
А.Е. Шапошникова,
Р.Н. Юзмухаметов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
Автономное учреждение РС(Я)
«Сахапечать».
Генеральный директор — Ф. П. ПЕСТРЯКОВ.
тел.: 34-39-17 (приемная)
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.

Формат 84x108 1/16, 96 с.
Объем 6 физ.п.л.
Тираж 800 экз.

Дата выхода в свет 29.09.2018 г.

Отпечатан с готовых
диапозитивов в ОАО
«Медиа-холдинг «Якутия».
г. Якутск, Вилюйский пер. 20.

Свидетельство о регистрации
ПИ №19-0486 от 10 марта 2004 г.
выдано Саха-Якутским территориальным
управлением Министерства РФ
по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 677000,
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.
Телефон: 42-21-96
E-mail: polarstarsakha@mail.ru
«Полярная звезда»

Мнение авторов публикуемых
материалов может
не совпадать с мнением редакции.

Цена свободная

Литературоведение

Анатолий Бурцев

Повести и рассказы Н. ГАБЫШЕВА как объекты исторической памяти

4

Проза

Алексей АМБРОСЬЕВ
– Сиэн МУНДУ

Анджелина Джоли живет в Якутии

9

Память

Альфред КУЛАЧИКОВ

ГАЗЕТУ ОН свершал

17

Поэзия

Елена ВАХГОЛЬЦ

«Вся свобода, которой
грезила,
Вольным словом летит
со страниц!..»

24

Литературоведение

Саргылана НОЕВА

**КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ
«ГОРОДСКОГО» ТЕКСТА
В ЯКУТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

46

Проза

Дмитрий НАУМОВ

Рассказы

28

Проза

Майя ТОБОЕВА

**ТАЙНА
ЛЕСНОЙ
ПОЛЯНЫ**

(Школьная повесть)

56

Поэзия

Ольга ПАШКЕВИЧ

«Почему даже
жизнь чужая
Больше
мне, чем моя,
открыта?..»

43

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Владимир ПЕСТЕРЕВ

**В БОРЬБЕ ЗА ПРАВДУ
– ПОИСК ИСТИНЫ
Судьбы красного
командира
Ионса СТРОДА
и белого генерала
Анатолия ПЕПЕЛЯЕВА
на фоне гражданской
войны в Якутии**

83

Анатолий БУРЦЕВ,
доктор филологических наук,
профессор

Повести и рассказы Н. ГАБЫШЕВА как объекты исторической памяти

Николай Алексеевич Габышев (1922–1991) – творческая личность широкого диапазона, журналист и писатель, талантливый переводчик, фольклорист и критик. Наиболее существенный вклад он внес в искусство малой прозы, хотя в его активе есть и ряд повестей.

По образованию Н. Габышев – филолог, окончил литературный факультет Якутского учительского института (1940) и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького в Москве (1975). Трудовую деятельность

начал в качестве учителя Чокурдахской школы в Аллаиховском районе. В 1946 году участвовал в Индигирской этнографической экспедиции, занимался сбором фольклорного материала. Н. Габышев одним из первых осознал, какое богатство содержит фольклор Русского Устья. Он обошел пешком, объехал на собачьих упряжках, проплыл на лодке весь обширный Аллаиховский район, чтобы записать и сохранить для потомков песни, сказки, частушки, легенды, бытовавшие в среде русских старожилов. Правда, собранный им фольклорный и этнографический материал долго пролежал без движения, и только в 1986 году Институт Русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) выпустил сборник «Фольклор Русского Устья», содержащий уникальные памятники

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ Н. ГАБЫШЕВА КАК ОБЪЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.

народного творчества. Эта книга стала, по общему признанию, «поэтической исповедью, самосказанием таинственной русской души». Позднее не без участия Н. Габышева поездку на Колыму и Индигирку совершил В.Распутин, в результате в его замечательной книге «Сибирь, Сибирь» появилась обширная глава, посвященная Русскому Устью.

Н. Габышев и потом, работая в Якутском книжном издательстве и в редакции журнала «Хотугу сулус», часто бывал в Заполярье, многие его повести и рассказы посвящены людям северного края, который стал для него родным и близким.

Первое произведение Н. Габышева – очерк «Юкагиры» – появилось в 1946 году, и с этого времени он стал регулярно печататься на страницах республиканских газет и журналов. В его творчестве представлены самые разные жанры.

Существенный вклад писатель внес в развитие жанра повести. В первом ее образце – «В далеком Амычане» («Ыраах Амычаанна», 1951) – на фоне происходящих на Крайнем Севере преобразований воспроизведена хорошо знакомая автору школьная среда. Он сразу же зарекомендовал себя как знаток человеческой, в частности детской, психологии, создатель глубоко индивидуализированных характеров. В следующей повести «Пламя голубого камня» («Күөх таас чолбоно», 1957) вслед за Н. Якутским писатель обратился к индустриальной теме – в ней изображен нелегкий труд геологов, разведчиков алмазных месторождений. «Северная повесть» («Хотугу сэнэн», 1961), подобно «Беде» Н. Мординова, раскрывает поведение людей в трудный час: герои попадают в сильный шторм, терпят крушение, но выдерживают все испытания, оказавшись в безлюдной тундре. Повесть «Цветы Колымы» («Халыма сибэ-ккилэрэ», 1967), тоже посвященная Северу, содержала морально-этическую проблематику, в ней показывались взаимоотношения отцов и детей, связь поколений. В еще одной повести «Осенняя радуга» («Күһүннү кустук», 1988), носящей автобиографический характер, Н. Габышев поведал о перипетиях научной экспедиции, обнаружившей скелет мамонта.

Попыткой создания крупной эпической фор-

мы явилось оставшееся незавершенным произведение «Любящим взором» («Таптыыр харахпынан»). По авторскому замыслу, оно было задумано как роман, но его незаконченный вариант, построенный как хроникальное повествование, а не как изображение широкой панорамы жизни общества, скорее всего представляет собой документальную повесть. Она тоже, как и «Осенняя радуга», во многом носит автобиографический характер и воссоздает судьбу довоенного поколения и историю современника – молодого учителя, мечтающего стать писателем.

Главный герой Максим Мандаров, выпускник двухгодичного Учительского института, продолжает учебу в Якутском педагогическом институте, но в связи с материальными проблемами вынужден перейти на заочное отделение. В одно время с ним на литературном факультете учился Софрон Данилов, да и большинство его однокурсников, скорее всего, имели реальных прототипов. Захар Куйарский со школьных лет начал печататься и уже в 17 лет стал редактором районной газеты. Знаток античной мифологии, поклонник Гомера, всегда одетый по моде, он привлекал всеобщее внимание. Ким Чахов успел получить известность как переводчик, его заветная мечта – перевод на родной язык «Мертвых душ» Гоголя. Тонкий ценитель фольклора, он называл своим кумиром старого олонхосута Говорова, которого ставил рядом с Д. Джабаевым и С. Стальским. Никон Кириллин, самый старший по возрасту среди однокурсников, успел поработать учителем, много читал, в том числе труды Гегеля и Шопенгауэра. Он тоже вынужден прервать учебу и уехать в сельскую глубинку, чтобы работать директором школы и заботиться о своей старой матери.

В повести возникает образ Якутска того времени: студенческие общежития на Сэргэляхе, знаменитый пятый корпус, не менее известная пельменная на Романовке, Залог, Сайсар, Якутский театр, Центральная библиотека, Никольская церковь, улицы имени Белинского, Короленко, Попова. В городе много молодежи, студенты пединститута общаются со своими друзьями из кооперативного, медицинского, финансового техникумов. Воссозданы эпизоды культурной жизни

города: в театре ставится спектакль по драме Суоруна Омоллоона «Кузнец Кюкюр», идет фильм «Поднятая целина» по роману М. Шолохова. В тексте упоминается целый ряд реальных фигур – писатели Амма Аччыгыя, Суорун Омоллоон, Элляй, политик Емельян Ярославский, красные партизаны Гаврил Егоров и Кеша Алексеев, генерал Анатолий Пепеляев.

«Приметами» времени являются также идущая в кинотеатрах города документальная лента «Линия Маннергейма» или эпизоды уничтожения архивов «врагов народа». На комсомольском собрании обсуждается персональное дело студентки, не проявившей бдительность и не разоблачившей своего отчима, объявленного «врагом народа». Студенты спорят о международном положении, о «мирном» договоре с Германией. Они понимают, почему с осени 1940 г. было введено платное обучение и прекращена выплата стипендии.

Н. Габышев глубоко раскрыл умонастроения и чаяния молодежи предвоенной поры, их стремление к культуре, жажда знаний, патриотизм, несмотря на материальные трудности и другие тяготы жизни в то сложное время. Максим Мандаров происходил из бедной семьи. Отец погиб, когда ему было пять лет, мать больная. Он добывает хлеб насущный случайными заработками: переводит рассказы русских писателей для Радиокомитета, нанимается грузчиком, в крайнем случае, скрепя сердце, продает свои книги. Каждую свободную минуту использует для чтения. Так как герой выступает в роли alter ego автора, по кругу его чтения можно судить о литературно-критических взглядах самого писателя.

Прежде всего обращает на себя внимание широта читательских интересов Мандарова. Его внимание постоянно приковано к зарубежной классике, начиная с античной литературы (Гомер, Сапфо, Овидий), включая писателей эпохи Возрождения (Данте, Шекспир, Сервантес), нового времени (Руссо, Шиллер, Гюго, Твен) и кончая таким малоизвестным тогда автором, как Конрад. Широко представлена в списке его чтения русская литература: Гоголь, Тургенев, Гончаров, Толстой. Из советских писателей герой отдает предпочте-

ние Горькому, Шолохову, Фурманову. Наконец, в поле его зрения находятся представители родной якутской литературы – С. Кулачиков-Элляй, Д. Сивцев-Суорун Омоллоон, И. Винокуров-Чагылган, Н. Павлов-Тыасыт, Е. Сивцев-Таллан Бюрэ и другие. Упоминается также некий Антин Айалов, всегда небрежно одетый, известный своим несуразным поведением, но очень талантливый молодой поэт. Можно предположить, что речь шла о И. Слепцове-Арбите, авторе знаменитой поэмы «Волны» («Долгуннар»), которая тогда получила распространение в рукописи. Однажды юному Максиму случайно попала напечатанная в журнале «Чолбон» повесть-предание П. Ойунского «Кудангса Великий», и он был поражен мощью и трагическим величием легендарного героя.

По своему пафосу и содержанию к повести «Любящим взором» близка еще одна повесть Н. Габышева «Студент погиб на войне» («Студент сэриигэ элбүтэ», 1976). Она была посвящена памяти молодого поэта Васи Иванова и имела документальную основу. В 1939–1940 годах автор учился вместе с ним в Якутском учительском институте. В повести использованы письма и стихотворения В. Иванова и их однокурсников.

Василий Наумович Иванов, уроженец Кюкейского наслега Сунтарского района, родился в 1923 году в бедной, многодетной семье. Окончил Элгэйскую семилетнюю школу. Уже в школьные годы его стихотворения печатались в пионерской газете «Бэлэм буол» («Будь готов»), наряду со стихами С. Данилова, И. Эртюкова, П. Тобуркова, Т. Сметанина. В 1938 году В. Иванов приехал в Якутск и поступил в техникум связи. Там царил атмосфера, напоминавшие нравы, описанные Помяловским в «Очерках бursы», поэтому через год он стал студентом отделения якутского языка литературного факультета Учительского института. Н. Габышев учился тогда на отделении русского языка, они жили в одной комнате Сергеляхского общежития. Студенты очень тепло отзывались о своих преподавателях: историке П.У. Петрове, философе А.Е. Мординове, литературоведе В.В. Яковлеве, преподавателе якутского языка, будущем профессоре Л.Н. Харитонове, декане факультета Т.А. Шубе, с именем которого была связана

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ Н. ГАБЫШЕВА КАК ОБЪЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.

популярная шутка – перефразированные слова Ф.Достоевского о “Шинели” Гоголя: “Все мы вышли из шубы Теодора Абрамовича”.

Тогда в институте и на рабфаке учились С. Васильев, Н. Заболоцкий, И. Чагылган, Г. Вешников-Баал Хабырыыс, Г. Боескоров. Уже приобрели известность Семен и Софрон Даниловы, Л. Попов, И. Эртюков. В институте действовал литературный кружок под руководством К. Урастырова, издавался рукописный журнал “Күөрэгэй” (“Жаворонок”), его редактором был В. Чиряев. В журнале была опубликована поэма “Волны” Ивана Арбиты, который в предвоенные годы снискал широкую популярность.

В институте, и особенно в общежитии, постоянно происходили оживленные дискуссии о русской и родной литературе. Студенты смело обсуждали произведения “сброшенных с парохода современности” А. Кулаковского, А. Софронова, Н. Неустроева, репрессированного П. Ойунского. Вася Иванов в письме Н. Габышеву, отправленном в мае 1941 года, прямо поставил вопрос об отношении к наследию классиков: “Ама Кулаковскай, Софронов, Неустроев, Ойуунускай, Күндэ улахан суруйааччылар буолбатахтар дуо? Итинник дьоннорунан киэн туттубаппыт дии билигин. ИҺэптитигэр тэпсэбит, сырдык ааттарын хараардабыт» [1]. Позднее Семен Данилов в стихотворении “Моим однокашникам” (“Бииргэ үөрэммиттэрбэр»), посвященном Н. Габышеву, назвал пединститут «нашим лицеем». То есть, еще в довоенные годы, до выхода работы Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя», в среде якутской интеллигенции, студенческой молодежи складывалось объективное мнение об основоположниках национальной литературы.

Н. Габышев позволял себе роскошь не быть злободневным, избегать назидательности и публицистического пафоса. Но будучи современником таких эпохальных событий 20-го столетия, как Великая Отечественная война и самоотверженный труд советских людей в тылу, он не мог игнорировать их в своем творчестве, но делал это не прямо, а опосредствованно, в художественном преломлении.

Как признавался сам писатель в повести «В

поисках мамонта», он испытывал определенный комплекс в связи с тем, что не участвовал в войне, хотя и по состоянию здоровья, и по официальной броне был освобожден от призыва на фронт [2]. К тому же в годы его творчества тема Великой Отечественной войны из конкретно-исторической постепенно превращалась в историко-нравственную, служащую как источником национального опыта и памяти, так и мерилем общественных и человеческих ценностей. Как бы то ни было, великое эпическое событие века незримо присутствует во многих произведениях Н. Габышева. В рассказе, посвященном писателю-фронтовику С. Саввину-Кюн Джирибинэ, упоминается служивший герою талисманом на войне старый торбасик его маленькой дочери, который он хранит как зеницу ока («Детский торбасик»).

Война наложила отпечаток на судьбу Татьяны Мандаровой, героини рассказа «Серебряная береза»: ее братья погибли на фронте, сама она уже шестнадцать лет ждет пропавшего без вести любимого человека. Герой рассказа «Миша и Плисада» после войны уехал на Север, благополучному городскому существованию под боком ставшей мещанкой подруги юности он предпочел образ жизни одинокого «тундрового медведя». Старая Варвара, участница Чурапчинского переселения, увезла с собой в далекий Булунский район щепотку земли с родного аласа и в трудную минуту вдыхала ее запах («Родная земля»). Так в рассказах Н.Габышева возникает образ целого поколения, опаленного войной и поэтому получившего название «потерянного» поколения.

В нескольких произведениях писателя нашли отражение события Гражданской войны в Якутии. В рассказе «В Алазее» («Алаһыйга») воспроизведен один из эпизодов того времени. Начальник местной милиции по поручению председателя ревкома должен по пути в соседний улус заглянуть в затерянный среди тундры большой дом, служивший ночлегом для путников. С некоторых пор в нем будто бы завелись «злые духи», и люди перестали там ночевать. В рассказе представлен глубокий анализ такого экзистенциального чувства, как феномен страха. Его испытывает мужественный человек с «говорящей» фамилией

Орлосов. Оказавшись в пустом доме, он с самого начала ощутил, что кто-то в нем есть, но обойдя все комнаты, никого не обнаружил. Потом приказал себе «не труситься», стал собирать дрова и растапливать печь. Поужинав, начал раскладывать спальный мешок. Когда в соседней комнате раздался громкий скрип, он невольно вздрогнул, потом снова с винтовкой в руках обошел весь дом.

Только стал укладываться спать, как в дальней комнате что-то упало и покатилося. Тут же раздался ужасный, отвратительный крик. У Орлосова волосы зашевелились на голове, он судорожно сглотнул сухоту в горле. Вдруг растворилась дверь, и из глубины комнаты на него пополз черный гроб, нечеловеческий хохот заставил сердце Орлосова задрожать. Из гроба медленно поднялся невероятно бледный старик с мутными, почти белыми глазами в длинной черной рубахе. Выкрикнув что-то, Орлосов нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало – винтовка вдруг оказалась незаряженной. Старик вышел из гроба и двинулся прямо к нему, подняв руки с длинными костистыми пальцами. На его лице застыла какая-то невиданная, жуткая улыбка, и он снова расхохотался.

От страха Орлосов уже ничего не соображал, сердце колотилось где-то в горле. Промелькнула мысль, что надо бежать. Но вместо этого он отшвырнул винтовку, выхватил из кармана пистолет и дважды выстрелил. Старик закричал страшным голосом, попятился и, споткнувшись, упал в гроб. «Человек!» – только и подумал Орлосов с невероятным облегчением... Оказалось, что роль нечистой силы до поры до времени успешно исполняли скрывавшиеся от красных белые офицеры. Они обосновались в подвале пустого дома и ждали наступления весны, чтобы перебраться в Америку.

Исторический контекст проступает и в рассказе «Незванные гости» («Ынгырыллыбатах ыалдыытар»). Автор-повествователь приезжает в Русское Устье и встречается с потомком русских переселенцев из Центральной России Семеном Шкулевым. Он рассказал историю американского торговца Гарри, который в годы Гражданской войны наведывался к ним и за бесценнок скупал пушнину

у местных охотников. Это был жестокий и наглый человек, из жадности устранивший своего компаньона. Шкулев даже показал могилу того американца, которого тогда убил Гарри.

Таким образом, многие произведения Н. Габышева имеют реальную жизненную основу и могут рассматриваться как тексты индивидуальной памяти автора. Вообще художественная литература «нередко выступает в качестве места памяти» и становится «особым хранилищем», «убежищем» памяти. Она содержит благодатнейший материал для воссоздания исторической и культурной памяти народа. В этом отношении повести и рассказы Н. Габышева служат объектом «репрезентации и восприятия прошлого в авторской интерпретации» [3].

Таким образом, Н. Габышев зарекомендовал себя как один из самых искусных художников слова в национальной литературе, очень взыскательно относившийся к собственному творчеству. Известно, что он отверг три варианта повести «Любящим взором» и собирался заново переписать «Звезду голубого камня» и «Северную повесть». Его произведения отличаются глубоким психологизмом, нравственно-философским пафосом, сюжетно-композиционной завершенностью, сочным языком.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Разве Кулаковский, Софронов, Неустров, Ойунский, Кюндэ не являются большими писателями? К сожалению, сегодня мы не гордимся ими. Наоборот, смешиваем с грязью, искажаем их светлые имена». См.: Н. Габышев. Таптыыр харахпынан: Роман, сэхэннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – С. 215.
2. Габышев Н. Таптыыр харахпынан: Роман, сэхэннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – С. 176.
3. Романова Л.Н. «Воспоминания» А.Я. Уваровского как место памяти // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 4 (17). – С. 56.

Алексей АМБРОСЬЕВ
– Сиэн МУНДУ

Анджелина Джоли живет в Якутии

*Невероятная история
о свидании якутского коневода
с суперзвездой Голливуда*

*Старшему брату моей Наденьки
Семёну ОСИПОВУ посвящается*

...Радио лишь шипело и ничего не ловило. Никаких каналов! Семен меньше всего ожидал этого от нового дорогого приёмника, который ему подарили в прошлом году на юбилей. Серебристого цвета, с длинной телескопической антенной и множеством цифр в окошке передней панели он выглядел очень солидно и всем своим видом говорил, что уж он-то точно будет транслировать сигналы всех радиостанций планеты Земля.

Еще раз прокрутив ручку настройки от начала и до конца, и понажимав все возможные кнопки, Семён озадаченно почесал затылок. Семь лет назад, переправляясь через Амгу, он утопил старенький радиоприёмник, который служил ему верой и правдой почти полтора десятка лет. Случайно купленный, тот оказался на редкость неприхотливым, а, главное, чётко ловил все нужные деревенскому жителю каналы. Прежде все-

го, программу Республиканского радио. Тогда по неосторожности моториста из лодки выпал целый мешок с вещами. Там много чего было, но больше всего Семён жалел о потере своего радиоприёмника.

С тех пор ему на приёмники вообще не везло. Магазины в Якутске, Чурапче и его родном Мындагае были заполнены множеством китайских моделей. Но они все, стоило лишь отъехать от деревни на два десятка километров, переставали ловить сигналы. Да и частенько ломались без видимой причины. «Чёртовы китайцы!» – ругался Семен и покупал новый. Тоже китайской сборки, но немного другой модели. В надежде, что ему в этот раз повезёт.

Но надежды не оправдывались, и очередной забракованный приёмник отправлялся к своим собратьям в сарай – их там у него накопилась целая полка. Хуже всего было то, что при проверке в магазине они все исправно работали, и удостовериться в их несостоятельности можно было лишь добравшись до конебазы. Или охотничьей заимки, расположенной вообще за тридевять земель – на границе Чурапчинского и Усть-Майского улусов.

...«Sony», который сейчас держал в руках Семён, подарил племянник, занимающийся перегонкой машин из Владивостока. Сказал, что стоящая вещь – сделана в самой Японии, и он приобрёл ее по совету своего однополчанина, живущего в Находке. Изделие, видимо, не предназначалось для экспорта, и поэтому в паспорте были одни иероглифы. Они Семёну ничего не говорили, но внушали уважение и доверие. Но сейчас, как выяснилось, «японец» не желал ловить никаких сигналов...

* * *

Пока Семён курил и думал о том, что ему вновь не повезло с радиоприёмником, вдали послышался шум трактора. Значит, надо подбросить дров в костёр и разогреть ужин. Ребята ехали со второй сегодня ходки на деляну, где они валили деревья для строительства изгороди.

АЛЕКСЕЙ АМБРОСЬЕВ – СИЭН МУНДУ. АНДЖЕЛИНА ДЖОЛИ ЖИВЕТ В ЯКУТИИ.

Семён издали наблюдал, как «Беларусь» едет вдоль заранее выкопанных ям и его работники сбрасывают с прицепа будущие столбы и жерди. Работники – это его зять Саша, дальние родственники Семёна братья Гоша и Петька и тракторист Андрей.

«Хорошо сегодня поработали. Еще три рейса – и доставим все материалы, а затем ошкурим и до десятого июня закончим изгородь», – мысленно подвёл он итоги рабочего дня.

Семён с ребятами строит конезащиту. Вся его жизнь была связана с мохнатыми якутскими лошадами. Сначала в сельском кооперативе, а потом в своём личном хозяйстве. Семён, кажется, знал про удивительных якутских лошадей все. Он всегда говорил, что эти мохнатые и симпатичные существа – очень искренние и открытые животные, и если быть внимательным, то они расскажут вам всё о своих чувствах и мыслях.

В прошлом году он вышел на пенсию. И ему, как заслуженному члену кооператива, стоявшему у истоков его создания, достался пай в виде маленького табунчика. Там были семь кобыл во главе с воинственным серым вожаком с мохнатой, как у льва, гривой. Для них он и затеял всё это строительство и торопился закончить его как можно скорее. До начала целой вереницы ысыахов – наслежных, улусных, а затем и республиканских, оставалось не так уж и много времени...

А еще Семён подумал о том, что ребятам надо бутылку выставить – заслужили. И он, прихрамывая, пошел к ближайшей опушке. Там, в небольшом погребе под старой раскидистой лиственницей, они хранили продукты, а также весь неприкосновенный до поры до времени алкогольный запас. Семён насчитал семь бутылок водки, тщательно завернутых в газеты. Сначала он взял две бутылки, но потом, немного подумав, еще одну и положил их в холщовую сумку. «Четыре оставим на последний день, – сказал он сам себе. – Ну, пойду парней обрадую...»

Семён тщательно прикрыл брезентом яму и накидал сверху ветвей. Когда разогнулся, вдруг неожиданно почувствовал, как закружилась голова и гулко-гулко забилось сердце. Стоя на полусогнутых ногах, он оперся на лиственницу.

Высокого роста, широкоплечий, с круглым красным лицом с небольшими, но всё замечающими зеленоватыми глазами, он сейчас был похож на медведя, который по-хозяйски оглядывает свою территорию – всё ли в порядке...

Семена окружал незатейливый пейзаж – классический якутский алаас с озерцом посередине и рощицей скромных берёзок. Вечернее заходящее солнце осветило малиновым цветом белые пушистые облака. Они словно приплыли из детства или ранней юности Семёна. Вокруг буйство зелени короткого якутского лета. Лёгкий ветерок, гуляющий по еще не скошенному лугу, время от времени приносит неизъяснимо-чудесный запах разнообразных трав – запах родины.

Тишина. Слышно лишь, как вдали тарыхтит «Беларусь», а рядом с ним в траве от цветка к цветку перелетает неутомимый и невидимый шмель...

Он всю жизнь провёл на природе и любил её – неосознанно, невыразимо. Но только три года назад, после перенесённого инсульта, стал острее чувствовать свою связь с родной землёй. Ему тогда несказанно повезло – у них гостила его родная сестра, врач по образованию, которая приехала из города с коллегами на выходные. С классической программой для маленькой тёплой компании – искупаться в красавице Амге, позагорать, половить рыбку и набрать чудесной земляники... Надя сразу правильно поставила диагноз и, оставив коллег в Мындагае, доставила брата санрейсом в Якутск. Вовремя. И теперь только хромота напоминала о том, что он перенёс ишемический инсульт и был на волосок от тяжёлой инвалидности...

...Семён постоял ещё минуту, опершись на лиственницу и глядя на эту красоту, будто запоминая её, а потом зашагал к парням.

* * *

...Ребята уже заглушили трактор и заносили в избушку матрасы и спальные, вынесенные утром для просушки. Они хорошо «прожарились» на солнышке за день и теперь даже

АЛЕКСЕЙ АМБРОСЬЕВ – СИЭН МУНДУ. АНДЖЕЛИНА ДЖОЛИ ЖИВЕТ В ЯКУТИИ.

сквозь одежду можно почувствовать приятное тепло.

Увидев заветную холщовую сумку в руках Семёна, ребята оживились. «Хата бүгүн убаайка биһигини күндүлүүр буолбут!» («Сегодня старший брат решил нас угостить» – прим. авт.). Скоро нехитрый, но чрезвычайно сытный и вкусный ужин – лапша с мясом – был водружён на стол. Первый тост был за Семёном. «Молодцы! Сегодня хорошо поработали. Я тут прикинул... В общем, до десятого изгородь надо закончить. А там уже наследный ысыях, у вас у всех хозяйства, родные заждались, наверно. Скоро, глядишь, жёны ругаться начнут – мол, Семён до седьмого пота вас эксплуатирует... Хе-хе! Ну, за хорошую работу!» – произнёс он, отмахиваясь от комаров. Все чокнулись и дружно запрокинули кружки.

...Через полчаса, когда застолье было в самом разгаре, Семён вдруг вспомнил о радиоприёмнике и посетовал, что ему опять не повезло. «Ну-ка, сейчас мы его посмотрим...» – сказал Андрей и принёс транзистор из домика. Покрутив ручку и понажимав все кнопки, он также не смог его настроить. Гоша посоветовал найти провод и удлинить антенну. «У него же своя крутая антенна», – сказал было Семён, но кто-то уже принёс проволоку. Не успел Андрей воткнуть старый алюминиевый провод в одно из гнезд на задней панели, как радио заговорило!

«Сегодня, 4 июня, День рождения отмечает главная голливудская красавица актриса Анджелина Джоли. Она родилась в 1975 году в 9 часов 9 минут утра. Место рождения Анджелины – «город Ангелов» – Лос-Анджелес, Калифорния, США ...» – это было первое, что они услышали от неожиданно ожившего приёмника. «Ты смотри! Не будь это старого провода, мы бы так и не узнали, что сегодня у Анджелины Джоли день рождения, – засмеялся Гоша. – Ну, давай за неё выпьем!»

Ребята с радостью подняли кружки за актрису. Потом, по предложению Семёна, выпили за его приёмник: «Пусть хорошая вещь служит тебе много лет!»

* * *

...Николай нервничал. Он сидел в кафе с видом на Кремль, курил сигарету за сигаретой и смотрел в окно. Даже отсюда было видно, как от раскалённой брусчатки Красной площади поднимались потоки горячего воздуха, и в этом мареве, как призрачные видения, колыхались Спасская башня, Мавзолей Ленина и древние кирпичные стены. И так же были призрачны перспективы Николая на удачный исход «проекта судьбы», как он назвал деловое предложение, поступившее ему от сопредседателя компании «Sony Pictures» Эми Паскаля. По крайней мере, к этому моменту, когда он смотрел на главную площадь страны, у него в голове никаких идей не было.

«Sony Pictures» решили презентовать шпионский триллер «Солт» с Анджелиной Джоли в главной роли в крупнейших городах мира. В том числе и в Москве. Планировалось, что в столице России актриса проведет всего лишь сутки. По мысли Паскаля, именно здесь, во многом до сих пор загадочной для Запада стране, с Энджи должно произойти что-то необычное. Надо было придумать какой-то нестандартный рекламный ход, который бы привлек к ней, а соответственно и к их новому проекту, повышенное внимание со стороны всей мировой прессы. Это, естественно, отразилось бы на кассовых сборах картины. Собственно говоря, именно с таким предложением он и вышел на Николая, которого как хорошего продюсера, человека с фантазией, ему порекомендовали друзья из Восточной Европы.

...И вот теперь Николай сидел и нервничал, постоянно и без надобности поправляя очки. Прошла целая неделя после телефонного разговора с Эми Паскалем, а он до сих пор ничего путного не придумал.

* * *

...Солнце уже давно село, а вечернее застолье на будущей конебазе продолжалось. Когда была выпита третья бутылка, парни уговорили

Семена достать ещё одну. К заветному погребку отправили самого молодого. Пока Колобок, такая у Петьки была кличка в деревне, ходил за заветной водкой, Сашка взял в руки приёмник. Вскоре он наткнулся на знакомые позывные «Маяка». После выпуска новостей ведущие канала затеяли разговор о свиданиях. Надо было позвонить и сказать, кого бы они пригласили на романтическое свидание или просто с кем бы хотели встретиться.

Радиослушатели звонили. Они особой оригинальностью не отличались и в основном, конечно, хотели пригласить на свидание любимых девушек. Но были и весьма трогательные рассказы. Например, один житель Казани, дозвонившийся до студии, сказал в прямом эфире, что пригласил бы любимую жену: «Мы с моей Людмилой прожили вместе 15 лет. У нас трое детей. Так вот я хотел бы пригласить Милу на свидание, на то самое место, где мы в первый раз встретились...»

– А я бы Анджелину Джоли пригласил на свидание... – вдруг произнес Семён.

– Ты смотри – а убаайка-то не промах! Только красавиц и приглашает! – засмеялись парни.

– Так у неё же сегодня День рождения... Вот я и поздравил бы её... – улыбаясь, сказал Семен.

– От имени всех якутов, а также коневодов России, – неожиданно серьёзным голосом добавил он.

Ребята на секундочку удивлённо замолчали, и тут Сашка предложил Семёну позвонить на радио: «А у нас же телефон есть... Ну-ка, Андрюха, тащи сюда свой аппарат – сейчас убаайка с Москвой разговаривать будет!»

Семёновская конебаза находилась всего в 18 километрах от Ожулуна, и здесь сотовые телефоны довольно уверенно ловили сигнал. Семён только отмахнулся, но ребята его даже слушать не стали. Андрей сбегал к трактору и принес оттуда свой телефон.

– Какой там номер? – спросил он.

– Подожди, сейчас скажут... – сказал Сашка со знающим видом.

Он действительно это знал – как-никак пять лет проработал на Республиканском радио. Ведущие были обязаны время от времени повто-

рять телефон прямого эфира. Действительно, вскоре повторили телефон студии, и Андрей незамедлительно набрал номер. «Парни! Вызывает! – вдруг вскричал он. – Говори!» И он сунул трубку Семёну. Тот опешил.

– Что говорить-то?

– Как что!? Ты же хотел Анджелину Джоли на свидание пригласить!

– Алло! Мы вас слушаем! Вы в прямом эфире «Маяка». Мы вас слушаем... Алло, Алло! Откуда вы звоните?

– Я это, того... Из Ожулуна, ээ... А, из Якутии! Из Якутии звоню... – запинаящимся от неожиданности голосом ответил Семён.

В это время появился Петька-Колобок. Он только было хотел что-то сказать, но ребята дружно шикнули на него. Колобок так и замер с открытым ртом – у костра, окружив раскрасневшегося пуще прежнего Семёна с телефоном в руке, стояли три парня и внимательно слушали, что он говорит. А тем временем Семён взял себя в руки и со всей серьёзностью поздравил Анджелину Джоли с Днём рождения, сказал, что они в Якутии любят фильмы с её участием, пригласил летом на национальный праздник народа саха Ысыах и пожелал ей крепкого здоровья и долгих лет жизни.

* * *

... Вчера вечером над Москвой нависла огромная туча, раскаляя и без того душный воздух мегаполиса. Но на землю благодатный дождь так и не пролился – каменный город, словно сковородка на печи, испарил всю влагу ещё до границы МКАДа. Уже без четверти три часа ночи, но у Николая сна ни в одном глазу – он с содроганием ждёт наступления неминуемого рассвета с такой же неминуемой жарой, пришедшей откуда-то с запада.

АЛЕКСЕЙ АМБРОСЬЕВ – СИЭН МУНДУ. АНДЖЕЛИНА ДЖОЛИ ЖИВЕТ В ЯКУТИИ.

Он, слушая по привычке радио, уже в который раз прокручивал в голове разговор с Эми Паскалем. Хуже всего было то, что заказчик никаких пожеланий не высказал, не расшифровал, в каком направлении ему направить полёт своей фантазии. Ему предстояло плясать от сказанной ему по телефону фразы «сотворить что-нибудь оригинальное»...

Вдруг он услышал в эфире радиостанции прямое включение из Якутии, и голос какого-то коневода, поздравлявшего Анджелину Джоли с Днём рождения. Неизвестный радиослушателям якут приглашал суперзвезду Голливуда посетить якутский национальный праздник.

«О Боже! – подумал Николай. – Какой только чепухи этот «Маяк» не передаёт. Я бы их давно разогнал к чёртовой матери...» Но тут же в его голове что-то щёлкнуло: «Погоди-ка, погоди-ка... Якутия... Коневод... Анджелина Джоли... Встреча...» Через мгновение он дико заорал и вскочил на ноги. Его восторгу не было предела – он только что нашёл оригинальный ход, который станет украшением сценария пребывания звезды в Москве. Оставалось только найти этого самого коневода в Якутии, привезти в Москву и устроить его встречу с Энджи. Но это были уже детали, которые выполнит его команда, главное – он придумал изюминку сценария. Николай был уверен, что его идея устроителям турне Энджи обязательно понравится.

...Команда Николая знала, что делать. Пара звонков – и вскоре весть о том, что звонили из Москвы и ищут какого-то коневода, который поздравил в прямом эфире Анджелину Джоли с Днём рождения, разнеслась по всем министерствам Якутии, улусам и наслегам. Просьба, больше похожая на задание, была одна – найти этого коневода, ибо его хотят пригласить в Москву на презентацию фильма «Солт» с участием американской кинодивы.

* * *

...Семёна в Москву провожали как национального героя. Сначала в родном Мындагае,

потом в улусном центре, а затем и в Якутске. Он постепенно оброс всевозможными подарками, которые должен был передать Анджелине Джоли от имени бесчисленного количества дарителей: начиная от СХПК «Чурапча», администрации Чурапчинского улуса, Министерства сельского хозяйства, Министерства культуры Якутии и заканчивая народными мастерами с эксклюзивными национальными украшениями. В аэропорту трёхкратный перевес багажа после пререканий между представителями двух министерств – культуры и сельского хозяйства, оплатило СХПК «Чурапча».

...Представители продюсерского центра Николая, коими оказались две симпатичные длинноногие девушки, встретили Семёна в аэропорту «Внуково». Им было поручено встретить и сопроводить гостя из далёкой Якутии до гостиницы, а также подготовить его к главной цели его приезда в столицу – к ужину с голливудской звездой в одном из лучших ресторанов Москвы. Согласно идее Николая, коневод в национальной одежде ужинает с Энджи, признаётся ей в любви и рассказывает о том, как в далёкой холодной Якутии обожают смотреть фильмы с её участием. Кроме того, Семён должен был обязательно вставить реплику о том, что картину «Солт» планируют посмотреть все жители далёкой холодной республики. Вся сцена в ресторане, которую будут снимать десятки телекамер, должна завершиться словами: «Вы так же красивы, как наши знаменитые якутские алмазы!» Эту фразу придумал сам Николай и гордился ею. Он понимал, что фраза затаскана и где-то уже пошловата, но успокаивал себя тем, что это только в пределах России. «В конце концов, – убеждал себя Николай, – кто и когда мог сказать Энджи такие слова?»

Девушки искренне удивились обилию багажа Семёна. Ещё больше удивились, когда узнали, что это всё подарки для Анджелины Джоли. «Он что – на «Поле чудес» приехал?» – как-то весьма несерьёзно хихикнула белокурая Лана. Тёмненькая Татьяна приснула в кулак. Семён, как им показалось, пропустил это мимо ушей. Тем не менее, все коробки и пакеты с подарками были

аккуратно размещены в микроавтобусе, где они заняли несколько задних рядов. Рассудив, что копчёная рыба Анджелине Джоли вряд ли понадобится, Семён царским жестом вскрыл одну из коробок Минсельхоза и подарил девочкам, а также водителю, по одной рыбине.

Пока ехали до гостиничного комплекса «Измайлово», заметно повеселевшие девушки наперебой рассказывали Семёну, как он должен себя вести и что должен говорить. Они дали ему листок с несколькими фразами, которые он обязательно должен сказать во время разговора.

– А когда мне их говорить то? – спросил слегка озадаченный Семён. Он ещё не подозревал, что ему отведена роль ряженого, и все его слова расписаны заранее.

– Да хоть когда! – сказала Лана. – Мы не нужно вырежем, а эти слова смонтируем потом.

– Как это? – удивился Семён.

– Понимаете, ролик, который будет снят и смонтирован по итогам вашей встречи с Энджи, в эфире займёт всего несколько секунд. И именно в эти секунды и будут вставлены эти фразы, которые вы должны выучить и произнести...

– А я же хотел поздравить её от имени коневодов Якутии, пригласить на наш национальный праздник, – тихо, но твёрдо сказал Семён. Было видно, что он начинает нервничать, на его щеке вздулись вены, а лицо покраснело.

Лана только хотело было открыть рот, но Татьяна перебила подругу. «Балаболка!» – подумала она сердито. Татьяна сообразила, что коневод не так прост, как они себе его представляли, и ещё неизвестно, что он может выкинуть. Так можно и встечу сорвать, а за это будут такие последствия, что им мало не покажется.

– Ну что вы, Семён Дмитриевич, какие разговоры! Конечно, вы должны сказать свои слова, ведь вы же готовились, а мы всё снимем, – мягким голосом произнесла Татьяна.

– А, ну тогда, конечно, – успокоился Семён.

– Вы тут пока переодевайтесь, – сказала Татьяна. – Примите душ, а через полчаса мы придём и немного порепетируем. А заодно и свой национальный костюм нам покажете. Вы ведь привезли его? Может, надо будет погладить его...

– Конечно, привёз! – засуетился Семён, и хотел было сразу достать костюм, но девушки сказали, что они подойдут через полчаса.

...К удивлению девушек, репетиция прошла успешно. Семён Дмитриевич никаких хлопот им не доставил – он прочитал написанный для него текст лишь пару раз и с акцентом, но ясно и отчётливо повторил его.

Наконец дело дошло до костюма. Когда Семён, переодевшись в национальную одежду, вышел к девушкам, те просто ахнули. Мужской кафтан, сидящий как влитой, сшитый из натуральных материалов – кожи, замши, меха домашних животных, богато украшенный орнаментальными вставками, бисером, металлическими украшениями и подвесками, производил сильное впечатление. Вся эта красота ручной работы дополнялась шикарным кожаным поясом, украшенным серебряными пластинами. Якутский нож был тут же.

– Ух, ты! – выдохнули девушки.

Довольный произведённым эффектом, Семён достал женские серебряные украшения, которые ему велели передать Энджи. Это были традиционные якутские нагрудные украшения – илин кэбиһэр, а также серьги. У девушек загорелись глаза. Они долго вертелись перед зеркалом, примеряя по очереди то серьги, то илин кэбиһэр.

Нехотя расставшись с украшениями, Татьяна сказала, что он до пяти часов следующего дня свободен.

– До этого можете сходить по магазинам, купить подарки жене, детям. Вы ведь женаты? – спросила она. – Если надо, мы можем предоставить вам машину...

Семён обрадовался и тут же достал список и показал ей. Та пробежалась глазами по списку, забрала его с собою и сказала, что машина будет в десять утра, и они поедут по магазинам, а список ей нужен для того, чтобы составить маршрут. Татьяна определённо понравилась Семёну – она была рассудительна и чётко знала свою работу.

– Погодите, – сказал Семён. – Я ведь много деликатесных продуктов привёз... Как бы не испортились они... В холодильник бы их...

АЛЕКСЕЙ АМБРОСЬЕВ – СИЭН МУНДУ. АНДЖЕЛИНА ДЖОЛИ ЖИВЕТ В ЯКУТИИ.

Девушки исчезли и вскоре пришли с миловидной горничной. Она попросила Семёна проследовать за ней с продуктами.

– Ну, пока-пока! – оживилась заскучавшая Лана. – До завтра! Смотри, много не пей!

Не думавшему до этого об этом Семёну тут же захотелось выпить...

* * *

... В назначенный час в своём роскошном национальном костюме Семён сидел в ресторане. Ничего из привезённых им подарков, кроме нагрудного украшения и серёжек, охранники Энджи пронести с собой не разрешили. Также они весьма тактично попросили Семёна снять нож и сдать им на хранение.

Ближайшие столики были убраны, и всё пространство вокруг было заставлено камерами и мониторами. По полу змеились разноцветные кабели, а по периметру зала стояла многочисленная охрана, которая к месту съёмки никого из желающих поглазеть на Анджелину Джоли не подпускала, хотя таковых, как заметил Семён, и вовсе не наблюдалось. Видимо, подумал он, их отсекали ещё на дальних подступах.

Когда Семёну уже надоело смотреть по сторонам, по залу пронеслось едва уловимое движение. И вот появилась она. На ней был брючный костюм, выгодно подчёркивающий достоинства её фигуры. Впереди шли два здоровенных темнокожих парня, которые просканировали взглядом весь зал, затем молча расступились и словно растворились в воздухе. Семён поднялся навстречу. К столу Анджелины Джоли подошла вместе с переводчицей, которая представилась как Ольга.

Семён поздоровался, Анджелина тоже. Быстрым и всё замечающим взглядом охотника он рассмотрел пухлые губы, чётко очерченные скулы, достаточно высокий лоб и великолепные зеленоватые глаза женщины, по которой сходят с ума миллионы мужчин во всём мире. А сейчас она стоит перед ним. На расстоянии вытянутой руки. Семён и Анджелина стояли друг напротив

друга. Они были одинакового роста, но за счёт туфель на высоких каблуках она казалась выше. Джоли посмотрела на костюм Семёна с нескрываемым интересом. Она спросила, откуда он и как его зовут.

...Через минуту Семён чувствовал себя так, как будто он был знаком с голливудской звездой много лет. Он произнёс вначале заранее заготовленную фразу о том, что все якутяне будут смотреть фильм «Солт», где Джоли играет главную роль, но тут она перебила его и попросила рассказать о том, чем он занимается. Семён переспросил переводчицу – может, ослышался, но Ольга с мягкой улыбкой повторила вопрос – чем вы занимаетесь?

...К концу первых тридцати минут Семён успел рассказать Анджелине о том, что он с детства любил лошадей, и всегда мечтал создать в Якутии племенную ферму по разведению породистых скаковых лошадей. Ольга время от времени уточняла некоторые специфические термины, а Семён продолжал своё повествование. Он поведал о том, что в своё время дважды ездил в Кабардино-Балкарию за опытом, а заодно приобрел там породистого скакуна, а также посетил Краснодарский край и Киргизию, где на знаменитом Ыссык-Кульском конезаводе приобрёл молодого жеребца.

Анджелина Джоли давно и не понаслышке знакомая с конным спортом, слушала Семёна с большим интересом.

За следующие тридцать минут Семён спел песни на семи разных языках народов бывшего Союза, с представителями которого он вместе служил в армии. Анджелина была в восторге, попросила шампанское и спросила Семёна, что он будет пить. Он сказал, что коньяк. Семён не имел музыкального образования, но, тем не менее, обладал редкостным слухом. Он поразительно верно чувствовал и улавливал ту мелодию, которая звучит не только в его душе, но и в душах других людей. И он так задушевно и искренне пел, что это доходило до всех независимо от национальности. Джоли исключением не стала.

Вскоре раскрасневшийся Семён достал разрешённые охраной подарки. От имени всех ко-

неводо́в Якутии он подарил Анджелине серебряное нагрудное украшение и, как истинный кавалер, преподнёс серьги переводчице Ольге.

Продюсерская группа Николая была в ужасе. Они даже боялись представить себе, сколько ещё это может продлиться, ведь они рассчитывали максимум на 15 минут записи. Потом Николай махнул рукой – звезда довольна, а они всё равно потом вырежут и оставят только то, что было задумано по сценарию. Первым не выдержала Татьяна. Она написала фломастером на бумаге обязательные слова, которые Семён должен был сказать в кадре с Джоли, и встала перед ним так, чтобы он их увидел. Семён честно произнёс написанные слова, группа выдохнула с облегчением, а он продолжил своё повествование...

* * *

...Самолёт разогнулся и взлетел. Командир корабля напомнил пассажирам, что они летят по маршруту Москва – Якутск и время в пути составит 6 часов 10 минут. «Скоро вам будут предложены прохладительные напитки», – закончил он своё обращение.

Семён сидел у иллюминатора, смотрел на землю и облака и вспоминал вчерашнюю встречу с Джоли, которая вместо положенных 15 минут продлилась почти два часа. Все стороны были довольны, Эми Паскаль лично похвалил Николая за нестандартное и оригинальное решение, и пригласил его на другой совместный проект в Голливуде. От радости Николай лично отправился провожать Семёна в гостиницу и подарил ему от избытка чувств свои дорогие наручные часы.

«Действительно красивая женщина», – думал Семён об Анджелине Джоли. И тут же вспомнил свою ненаглядную Аню. Вспомнил, как ещё до армии выстроил для себя образ своей будущей жены. Он ещё в шутку сказал тогда друзьям – как только встречу девушку с длинными до колен волосами, тотчас женюсь на ней. И что удивительно – сразу после армии он встретил такую

девушку. У Ани были длиннющие до колен волосы, гибкий девичий стан, загибающиеся ресницы и чёрные-чёрные глаза, в уголках которых затаилась улыбка.

«Аня – вот моя Анджелина Джоли!» – подумал с нежностью Семён, погружаясь в сон. Он летел, и ему снилось, как он взял впервые с собой Аню на охоту, когда они были совсем молодыми, и у них ещё не родилось пятеро детей.

... Осень. Они любят брусничными рассветами, тугунковыми туманами и, сидя в скрадке на утиной охоте, видят ажурную паучью сеть, высветленную косыми лучами восходящего солнца. На другом конце озера послышалось долгожданное кряканье, и сердце радостно ёкнуло. Но затем вновь наступила тишина, нарушаемая лишь редким всплеском рыб. Постепенно утренний туман растаял, открывая рощицу скромных берёзок на той стороне алааса, с озера потянуло запахом тины...

Сейчас Семён летит на высоте 9 тысячи метров и душа его переполнена щемящей нежностью к любимой Анне, простой красоте родных мест, и эта непередаваемая волшебная картина останется в его сердце навсегда...

АЛЕКСЕЙ АМБРОСЬЕВ – СИЭН МУНДУ. АНДЖЕЛИНА ДЖОЛИ ЖИВЕТ В ЯКУТИИ.

Альфред КУЛАЧИКОВ,
ветеран журналистики

ГАЗЕТУ ОН свершал

*«...Моё богатство,
моё святое ремесло».*
Каролина Павлова.

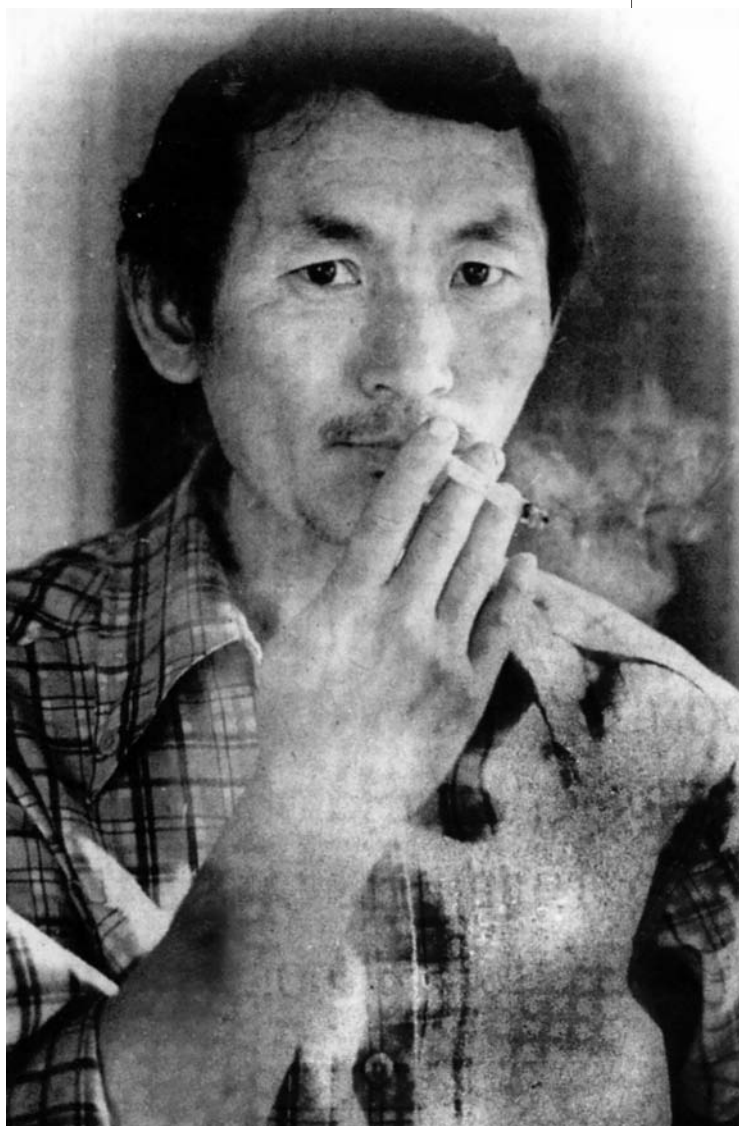
Художник начинался с сироты...

Его в «Молодёжи Якутии» звали «Художником Борей». Потом к имени прибавилось слово «дядя». А официально он назывался Борисом Николаевичем Васильевым.

Мне раньше не приходилось встречать такого покладистого и преданного парня. На мои просьбы он отзывался сразу, без слов. Вставал, и ни о чём не спрашивая, шёл. Будто знал, что там он нужнее...

И сегодня я не стану искать новых выражений для воспоминаний о мастере Боре. А воспользуюсь старыми, ставшими верными в те далёкие, незабываемые времена...

Он остался наедине с войной. Его отец-артиллерист погиб в осажденном Ленинграде. Как-то в День Победы «молодёжкинцы» попро-

сили его вспомнить об отце. Боря долго стоял и вдруг... заплакал. Оказывается, Николай пал в неравной схватке, в дуэли с немецкими «юнкерсами». Словом, его жизнь стала сиротской. В Нюрбинском детском доме воспитатели удивились, что мальчик сызмальства запоминает предметы и людей. И даже, не глядя, рисует их. Поэтому, как одарённого, его направили в Якутское художественное училище. Там худо-

ГАЗЕТУ ОН СВЕРШАЛ. АНДЖЕЛИНА ДЖОЛИ ЖИВЕТ В ЯКУТИИ.

жественные мастера тоже поразились невозрастным познаниям паренька о тонкостях избранной профессии. После окончания учёбы Боря начал работать в «Эдэр коммунисте». А потом навсегда перешел в «Молодёжь Якутии».

Он был маленький, как мальчик. С большими, похожими на локаторы, ушами. Весь аккуратный и чистенький – от причёски до туфель. С острым, горящим взглядом. Иногда улыбчивый, и вдруг лукавый – с какой-то потаённой грустинкой. Женщины почитали его и считали своим.

Дядя Боря одевался изысканно и просто. В своём художественном стиле. Тёмная полосатая рубашка со шнурком, стильные брюки, чёрные туфли лодочкой. И на серебряной цепочке, открывающиеся, швейцарские часы. Боря был бесребреником. И мог желанному человеку отдать и рубашку со шнурком, и часы с цепочкой ...

Он был трогательным к своим друзьям-художникам. Собакин, Засимов, Капитонов и другие творили в мастерских недалеко от «Молодёжки». Они приходили в редакцию, рассказывали о себе и своих творениях.

Сам Боря неповторимо рисовал на любой бумаге. Его рисунки смотрелись не слабее работ знаменитого художника-однофамильца Валерьяна Васильева. Его талант шёл к вершинам графики. Но не был вовремя воспринят и по достоинству оценен...

В душе – мгновения

Когда я приходил на работу, он обычно один сидел под лампой. Как одинокий газетный художник, как сирота. Пером или карандашом быстро чертил линии. Работал каждый мускул, каждый нерв. И он стал мастером! Но каким! На миг вглядывался в образ. Потом ещё раза два-три. И снова писал – мгновения. Летел с карандашом по свершению. И «чик-чирик». Шедевр готов!

Мнилось, что кроме черт он ничего не видит. Но в нём жила непостижимость бегущих линий,

энергия письма. Она горела в Борином сиротстве, в его одиночестве.

Дядя Боря всегда успевал сделать «как надо!» И никогда не подводил редакцию «Молодёжки». Когда завершал работу, бросал кучу штрихов на стол. В этом жесте был весь он. Улыбаясь, говаривал: «Мои! Для газеты!» Он давал почувствовать свою близость, любовь к искусству. Поэтичность исходила из сердца художника. Он как бы приглашал людей. И каждый с надеждой вглядывался в Борины рисунки...

В холода у дяди Бори появилось модное демисезонное пальто с большими карманами. Во внутренний он помещал сувенирную коньячную бутылочку с крепким вином. И из неё символически, по глотку, угощал своих друзей. Они весело шутили. Но на его писания всегда отзывались проникновенно, тепло.

Мастер писал Харбалах

Нас познакомили в шестидесятых. А нам казалось, что мы знакомы давно. Я навсегда запомнил нашу первую командировку. Она состоялась после моего второго рабочего дня в газете. Редактор Александр Петров отправил нас, ещё «совсем зелёных», в Амгу. На строительство первого в Якутии агрогородка Харбалах. Видимо, хотел проверить: на что мы способны. Мы, молча, поехали за газетным разворотом. Мастер Боря уже привык к таким поездкам. Поэтому заранее приготовил карандаш и блокнот с ватманом. Заходил на стройку или на ферму, будто раньше уже бывал здесь. Вставало – священнодействие...

Мгновенные взгляды на людей и предметы. И бегущие линии, линии. Карандаш мастера летел и писал. Поскрипывал, оставляя чуть заметный след, который превращался в плоть. Так похожую на образ. «Откуда это у тебя?» – спрашивал я. «Запоминаю... – отвечал Боря, – я

ГАЗЕТУ ОН СВЕРШАЛ. АНДЖЕЛИНА ДЖОЛИ ЖИВЕТ В ЯКУТИИ.

вижу, чую рисунок пред собою». Ложились на ватман интересные люди и стройки. А вокруг них читались байки о юности Харбалеха.

Боря всматривался в меня, словно хотел сказать: «Не переживай, Аля! Что-нибудь привезем». Оказалось, не «что-нибудь», а ценное. Мы привезли то, что помогло газете стать более читаемой и «смотрябельной».

За постижением себя

«Молодёжкинцы» привыкли к тому, что Эдуард Волков и Борис Васильев были вместе на портретных фотоснимках. То улыбаются, то курят, то победно смотрят в объектив. На коллективных съёмках – тоже рядом. Какая-то приятельная приверженность друг к другу у них была. Поэтому и тянулись к постижению себя и своей газеты.

Семёныч из командировок привозил шедевры. Они начинались с сильной фразы. Боря тоже стремился к этому в своём творчестве. Он не просто запоминал людей и вещи, но находил главное для своего шедевра. Он мог двумя-тремя линиями очертить человека. В нём загоралось мастерство художества.

Стилист и художник жили преображением газеты, и шли за постижением себя.

Дядя Боря хотел жить лучше. Поэтому отправлял разным чиновникам просительные письма о выделении его семье жилья. Но тщетно! Его просьбы в горисполкоме не рассматривались. И он с Волковым вынуждены были спастись на столах «Молодёжки».

Как-то редактор Александр Петров по этому поводу горько заметил: «Он любил свой город, который не ответил ему взаимностью».

Любимым Бориным стихотворцем был Сергей Есенин. Уже перед поездкой на есенинскую родину, в Константиново, Боря знал об Есенине многое. О маленькой избушке и рavenских

березах, о колосистых полях и старинной Руси. Очень увлечённо расспрашивал он есенинских гидов о жизни поэта. И так трепетно шёл по тропинке, которая вела к калитке Анны Снегиной. Боря жил поэзией Есенина и своим художеством.

Когда он рисовал, вспоминал стихи талантливых поэтов Светлова, Межирова, Твардовского и других. С Дмитрием Грачёвым сошёлся, когда он пришёл работать в «Молодёжку». Грачёв также любил поэзию. Мог до утра говорить о поэтах, об их стихах. И Боря слушал его, и тоже вспоминал их яркие строки.

Разве художник Боря не любил свой родной город? Как он обнимал малышей, как дарил им что-нибудь «вкусненькое»? Разве не рисовал новую «Молодёжку» на Октябрьской? Как принимал близких людей газеты и своих друзей-художников! Разве не любил поэта Эллы за поэзию и удивление. Как светился сам, создавая свои лучшие творения. По сути, Боря думал о своём городе, о хорошей жизни его людей.

Парень увидел себя

Он владел не только классической, но и новаторскими формами изображения. У него было многожанровое письмо. Он уходил в своих поисках за рутину, дальше чужих канонов. В его рисунках вершился закон художества. Казалось, он мог писать всегда похоже и неповторимо.

Из случаев Бориного художества мне запомнилась поездка на 25-титонном «КамАЗе» из карьера «Мир». Мы везли алмазную руду на обогатительную фабрику. Дядя Боря на ватмане рисовал молодого водителя. Тот разговаривал со мной и не замечал, что его пишет мастер. Когда подъехали к гостинице, Боря протянул ему свершение. Парень поначалу опешил, но взглядевшись в портрет, изумился. На нём был

он. «Спасибо! Это же я!» – восхитился молодой водитель. «Приспособлю рисунок в комнате сына. Пусть смотрит на отца. И радуется!»

Такие рисунки художник дарил разным людям. Шоферам, журналистам, пилотам, ученым, поэтам, художникам. Дарил и улыбался. Если их собрать, то получится длинная галерея героев.

У дяди Бори люди были обыкновенными и интересными. В графике, в её мышлении ему виделось новаторство художества. Человеку нужно было только иметь характерные черты. А художнику запомнить и передать их. И линиями, и поэзией. Боря создавал своё художество – с выражением незабываемого образа.

Сегодня каждого человека удивить просто невозможно. А вот тронуть его за живое удаётся не каждому. Дяде Боре это удавалось. Что вложишь в росток, то и получишь. Он вкладывал душу. Потому и выходила душа.

Горячая ода времён Элляя

В 1924 году Серафим Кулачиков стал редактором газеты «Хотугу ыччат» («Молодёжь Севера»). Помнит: тогда шёл снег. И он, как зачинатель песен молодости, шёл в типографию с набором первого номера газеты. Работать приходилось за корреспондента, корректора и выпускающего издания. Но он выпустил первую комсомольскую газету.

Через полвека мы уже в цвете печатали красочный объединённый номер «Эдэр коммуниста» и «Молодёжи Якутии». Перед его выходом художник Боря познакомился с поэтом Серафимом Элляем. Его поразил литературный лексикон стихословца.

Друзья поэта Леонид Попов, Семён Руфов, Георгий Васильев и Николай Глазков запомнили его оригинальные выражения. Особенно самобытные рифмы стихов.

Хотел «проникнуть» в язык поэта и мастер Боря. Но как?! Элляй же непредсказуем. Он удивлял всех. Своими высказываниями и улыбчивыми рифмами. В общении поэта и мастера я увидел главную находку. В глубине глаз сверкали алмазы, и удивительная палитра поэта продолжалась у мастера. Родился шедевр с раскрытой книгой. Получилась горячая ода времён Элляя.

Рисунки разных чувств

Я был приятно удивлён выставками Бориных работ в холле третьего этажа Якутского Дома Печати. Откуда у их организаторов столько рисунков на разные темы? Ведь художник многое из нарисованного просто дарил людям. Но, видимо, что-то оставалось в альбомах...

И каждый гость просто трясся от взрывного смеха. И от юморных причуд мастера. То ёжик с огромными очками Александра Петрова, то лысая голова на памятнике Эдуарда Волкова, то забавный лев в клетке с удивленными глазами, то пылкая – с изящной сигаретой – Инна Феоктистова, то я с длинным носом, то углубленный в работу и никого не слышащий, весь в себе, редактор Левин. И всё это так походило на жизнь «Молодёжки» по Октябрьской, нарисованную мастером дядей Борей.

Я не художник, но не встречал ничего подобного. Это рисунки самых разных человеческих чувств. наших страстей, представлений и фантазий.

Может, поэтому иногда из них слышится музыка. Борины рисунки – свидетельство возможности невозможного. Так на единстве чувств рождается единение наших душ.

Волей-неволей хочется отгадать эту непостижимую тайну искусства. И я, грешный, видимо, не избежал тяги разгадать эту тайну. Были и есть художники со своими открытиями.

ГАЗЕТУ ОН СВЕРШАЛ. АНДЖЕЛИНА ДЖОЛИ ЖИВЕТ В ЯКУТИИ.

И мастер Боря не исключение, он к этому идёт. Ведь отгадал же в Инне Феоктистовой привязчивую и пылкую душу. Она полна чувств и не знает: куда ей пойти дальше. В длинном полосатом пальто и высокой шапке. Её увидишь – и не забудешь! Она запоминается навсегда.

Особую значимость в своём творчестве художник придавал оригинальности плакатов. Он часто подмечал: «Какой плакат – такая и газета». Поэтому и боролся за своё авторство с самого начала издания. Плакаты увлекали газетчика Борю.

Сам мастер на рисунках былых времён не раз представлял себя главным персонажем. Вспомните знаменитую картину Репина «Письмо запорожцев турецкому султану». Боря – в центре, с оттопыренными ушами и гусиным пером. Он весь увлечён посланием. Интересно задуман шарж на картину. Вместо храбрых, весёлых воинов – «молодёжкинцы». Здесь Левин, Кузьмина, Селезнёва, Доброхотов, Волков, Петров, Грачёв и другие. Все прониклись важностью письма и вождельно думают о нём. Каждый похож на себя. Все не просто похожи, а повторяют себя.

Особенно на выставке в холле поразил рисунок головы Владимира Маяковского. Она была пробита пулей. И словно гудела – как выстрел, как крик эпохи. Там были и другие поэтические рисунки, трогательные душу.

Лидер об искусстве

Как-то в Благовещенске прошла Дальневосточная газетная конференция. На ней состоялся сатирический конкурс на лучший юморный рисунок. В нём первое место занял мастер из журнала «Крокодил» Шукаев, а второе – художник из «Молодёжи Якутии» Васильев.

Лидеры подружились. И художнику Боре не раз доводилось встречаться с Шукаевым в его

московском доме. «А-а, Боря!» – восторженно встречал огромный мастер маленького друга и заносил на руках домой...

В тот раз Шукаев любезно провёл «Час искусств». Он представил коллекцию обыкновенных рюмок. Старинные сосуды отличались от сегодняшних и формой, и особым изяществом. «К сожалению, – задумчиво произнёс Шукаев, – искусство уходит от нас. Посмотрите на эти вчерашние рюмки. В них уже нет того старинного великолепия, которое украшало наши праздничные столы. Его нет ни в хрустале, ни в узорах, ни в полыхании вина. Ушла изысканность, ушла из старых рюмок. Жаль, но «пламенное» искусство старины не вернётся...»

Старый мастер Шукаев говорил это ещё молодому художнику Боре. О российском великолепии, которым всегда жила и славилась Россия. Он думал о том, что красота поможет вернуть новаторство художества. И каким-то шестым чувством давал возможность почувствовать любовь к себе, своему творчеству.

Отметины о дяде Боре

К дяде Боре приходили друзья из Якутского художественного училища. Много знал о поэзии живописи Николай Иннокентьев. А мастером акварелей был Анатолий Шавлов. Каждый май он охотился на Лене за весенним светом. И любителям художества дарил свои новые этюды. Один с первой проталины он подарил и мне.

Со стены в квартире Петровых смотрела пронзительная Борина картина. На ней внук Павка обнимает своего деда Василия Спиридоновича. Вот она, настоящая любовь начинающего жить к пожилому человеку. На таких шедеврах надо учесть завтрашних наших мастеров кисти.

Однажды районный газетчик попросил дядю Борю быстро сделать рисунки. Даже черновики

вынул из папки. Художник взялся за рисование. И за время похода парня в магазин за трапезой выдал ему заказ! Газетчик заплатил дяде Боре баснословный гонорар. Мастер поразился: никогда раньше он таких денег не получал. Гонораром были шокированы и «молодёжкинцы».

Дядя Боря тоже хотел иметь свой псевдоним. Им мог стать «Очизаров». Красиво звучит: «Очи зари». Но красота осталась на бумаге. Художник не приемлил громкой славы. И, видимо, поэтому не стал подписывать псевдонимом свои рисунки.

Как я ждал этот новый костюм! И вот мы с дядей Борей за ним пошли в магазин. Вскоре оказались в секции верхней одежды. Дядя Боря перебрал несколько костюмов, подходящих мне по размеру, и остановился. «Вот этот бери!» – уверенно сказал он. Мне костюм понравился. Тем более, что подошёл безупречно. «О, так быстро!» – улыбаясь, изумилась кассирша. Знала бы она, что костюм выбрал сам художник дядя Боря. Я долго работал ответсеком в «Молодёжке». И долго носил тот ладный костюм.

Однажды читатель попросил мастера написать лошадь. Дядя Боря взял карандаш и ватман. Но рисовать начал почему-то не как обычно, с головы, а с... копыта. Читатель удивлённо всмотрелся в рисунок. Линии бежали и бежали, передавая плоть животного. Конь выходил очень похожим. Последними дядя Боря быстро начертил гриву и хвост. Лошадь смо-трелась на славу, как живая.

Как-то Иван Иннокентьев и Борис Васильев побывали в Кобяйском районе. И там Боря потерял наброски к рисункам: «Как быть!? Нигде их нет ...» Тогда дядя Боря достал карандаш и ватман. И снова взялся за работу. Продолжилось священнодействие. Побежали линии, линии. И каждая на мгновение останавливалась, чтобы закончить рисунок. Так воскресали шедевры. А художник в главном повторял себя.

Дядя Боря стал оформителем первой поэтической книги Алексея Михайлова «Снег». В ней стихи снежной дороги – бесконечны. И ты никак не можешь остановиться. Снега падают всюду: и на машину, и на дорогу. Они, как свершения, для завтрашних сборников поэта.

В «контору» часто приходили гости. Тогда у нас был праздник. Дядя Боря рисовал взрослых и дарил им портреты. А малышам находил что-нибудь «вкусненькое». Гости подолгу не расставались с добрым художником.

Свети – выше и выше...

Мне не доводилось видеть, чтобы Борино творчество рассматривалось на художественных советах. О нём забыли. Но почему?! Ведь Боря создавал неповторимые плакаты и рисунки.

Не зря же его именем учреждена премия за профессиональное мастерство. А республиканские издания признали газетного художника Бориса Васильева лучшим.

Он начинал «Молодёжку» из себя, из беды своего сиротства, из своих бегущих линий, из своих мгновений и таланта. Небесный полёт одинокого журавля возвышал нас. Он светил – всё выше и выше. Будто светало его «богатство», его «святое ремесло». Неповторимыми творениями, которые не прощались ...

ГАЗЕТУ ОН СВЕРШАЛ. АНДЖЕЛИНА ДЖОЛИ ЖИВЕТ В ЯКУТИИ.

Е

лена Витальевна Вахгольц родилась и выросла в Якутии, в шахтерском поселке Сангар, на реке Лене. Любовь к литературе и поэзии у неё со школы, тогда же начала писать стихи и рассказы. Окончила филологический факультет Якутского государственного университета, работала корреспондентом, а затем и заведующей отделом промышленности и экономики Кобяйской районной газеты.

С 2009 года проживает в г. Иркутске. Плодотворно сотрудничает с юношеским альманахом «Первоцвет», где печатаются подборки её стихов и юмористические рассказы. Продолжает поддерживать тесные творческие связи с родной Кобяйской «районкой» – газетой «Дабаан». Вместе со своей сестрой Ирэн Дрозд, автором стихов и песен, принимает участие в создании поэтического «Сангарского цикла». На несколько стихов Елены Вахгольц якутской мелодисткой Марианной Макаровой написаны песни. Сейчас заканчивает работу над сборником стихов «Я буду Буддой».

ЕЛЕНА ВАХГОЛЬЦ. «ВСЯ СВОБОДА, КОТОРОЙ ГРЕЗИЛА, ВОЛЬНЫМ СЛОВОМ ЛЕТИТ СО СТРАНИЦ!..»

Елена ВАХГОЛЬЦ

«ВСЯ СВОБОДА, КОТОРОЙ ГРЕЗИЛА, ВОЛЬНЫМ СЛОВОМ ЛЕТИТ СО СТРАНИЦ!..»

А где мой дом?
Дороги и поля,
Леса и степи,
Горные вершины,
Моря бездонные,
Бурлящие стремнины...
А где мой дом?
Дороги и поля...

А где мой храм?
Погосты у церквей,
Кладбища старые,
Могильные надгробья,
Да у покойника
Свеча у изголовья...
А где мой храм?
Погосты у церквей...

А где мой бог?
Церковный перезвон,
Январь рождественский,
Морозные колядки,
И крест утерянный
В гадания на святки...
А где мой бог?
Церковный перезвон!

Десять грехов

8.01.10

Десять грехов...
Десять стихов –
В стол!
Ты от нее,
Да не ко мне ль
Шел?
Небо в раю
Перекрою...
Враз!
Станет простым
Мой о тебе
Сказ!
Осени лист –
Ярок, игрист
Пал!
Бог ведь не мне,
Жизни сто лет
Дал!
Лягут снега
На берега
Стыть...
Нечем тебе,

ЕЛЕНА ВАХГОЛЬЦ. «ВСЯ СВОБОДА, КОТОРОЙ ГРЕЗИЛА,ВОЛЬНЫМ СЛОВОМ ЛЕТИТ СО СТРАНИЦ!..»

Мой дорогой,
Крыть...

Душа-ветер

Нет сложней ничего
И труднее на свете,
Быть как ветер самой,
И удерживать ветер...

Быть не ветреной, нет!
А всего лишь свободной,
Или теплой как бриз,
Иль как вьюга – холодной...

Ни одна из стихий
Человеку не властна,
И вода и огонь –
Все бывает опасным!

Белокрылую птицу
Силой я поднимаю,
Пусть летит, куда хочет.
Долетит ли? Не знаю.

Знаю только одно,
Что душа моя – ветер,
Никогда никому
Не поймать меня в сети...

Его осенний фрак так старомоден

Заполыхал костер из жёлтых листьев,
И солнце дерзкое светит во все глаза,
Осенний шлёт привет художник-мистик
Печалью прошлого... И катится слеза!

Он догорит, природу не обманешь,
И от костра останется лишь дым,
Ты быть моим любимым перестанешь,
В одно мгновенье станет всё чужим...

И в ночь осеннюю луна чужая всходит,
И город спит: холодный и пустой!
Его осенний фрак так старомоден,
В изысканности древней и простой.

Капитаны

Бросьте якорь, капитан,
Бросьте якорь!
Трезвый будет нынче пьян,
Или плакать.
В вашу гавань всем судам
Путь намолен,
И снуют туда-сюда,
В свою волю.
Все бросают якоря
У причала,
А потом... Опять в моря,
Все с начала...
А потом поют ветра
Злые песни,
Жизнь в объятьях гроз остра,
Интересней!
Гаснут звезды поутру,
Догорая,
Что ж, земля не по нутру –
Ищем рая!
В океанах и морях,
В дальних странах
Чьи ржавеют якоря?
Капитанов!

Нетканное полотно любви

Под прозрачностью неоновой
В блеске звезд лик лунный светится,
И играет ветер кронами,
Назначает время встретиться...
В чистом поле палантиновом
Зелень в травах распускается,
И под свисты соловьиные
Все желания сбываются.

Умывает утро свежее
Все цветы росой туманною,
Нить любви – нежнее нежного,
Полотно ее нетканое,
Полотно нерукотворное
Новый день приветит ласково,
Льется жизнь, звучит мажорами,
И сияет дивной краскою!

Осенний джаз

Оркестр из деревьев
Осенний джаз лабает,
И ветру – дирижеру
В лицо листву швыряет!

Швыряет звуки-знаки,
Безотно и бесстыже –
Пылающие фраки,
К оранжевому ближе.

А дирижер как жахнет!
Fortissimo – прелестно!
И полетели фраки...
И лысо пол-оркестра!

Поцелуи пахнут снегом

В небе блин луны, а рядом,
Тот, с кем ночи коротала,
В позах, ритмах, звуках, взглядах
От поэзии немало,

Но от прозы даже больше,
Близость не решает дела,
И в отчаянии горше
Терпкий, липкий привкус тела.

Поцелуи пахнут снегом,
Невесомы, словно иней,
Жизнь по кругу, сколь ни бегай,
А в итоге лишь унынье!

Бабий век в цветастом ситце
Так короток, так недолог,
Чтоб успеть простить... проститься,
С теми, кто любим и дорог...

Сангарская шпана

Присело детство беспризорное
На крышу старенькой хибары,
И память пялится в озерные
Глазищи нашего Сангара...
Между распадками и сопками,
Природа-мать сокрыла уголь,
А меж берез и между соснами
Шли дни шахтерские на убыль.
И крепи славные традиции,
Отцы гордились шахтой истоиво,
А кто-то бегал от милиции,
И хулиганисто насвистывал!
Под три аккорда на гитарочке,
На чердаках, в балках, сараях,
И в кирзачах у «Северяночки»
Шпана гуляла с Первомаем.
Как велика дворов Вселенная!
И коридоры общежитские!
На стадионе пиво пенное
Лилось под говорок мужицкий.
И было время ледоходное,
Горбатый лёд сопел, сутулился.
Да кто ж не ведал жизнь походную,
Жизнь на реке, а не на улицах?
Ловились в озере голянички,
А в Лене осетры, как здрасьте!
Да на песочке и на галечке
У каждой лодки свои снасти.
«Казанки», «Крымы» желтобрюхие
По глади водной рассекали.
А в это время лопухие
Мальцы дрова в костры таскали.
Так и взрослела с приключениями,
Шпана сангарская, особая!
А если есть в душе сомнения,
То ты вернись, сюда, попробуй!
Где ночи вовсе не кончаются,

ЕЛЕНА ВАХГОЛЬЦ. «ВСЯ СВОБОДА, КОТОРОЙ ГРЕЗИЛА,ВОЛЬНЫМ СЛОВОМ ЛЕТИТ СО СТРАНИЦ!..»

Такие белые и знойные,
Волною Ленскую качаются
Года советские, застойные.
Кто был рожден иль рос в Сангаре,
Ты в доску свой, присядь со мной,
На крышу старенькой хибары
Со всей сангарскою шпаной.

Скань и чернь

Ах, встаньте, девоньки, в хоровод,
Я нынче замуж собралась, вот!
Мне скоро песен не голосить,
И косы длинные мне не носить!

По первоснегу, по первольду
Я на гулянье уж не приду!
На санках с горок не прокачусь,
И в дом к подружкам не постучусь!

Как скань – в колечко, так чернь – в избу,
Печаль преданий вплелась в судьбу...
И девки красной уж больше нет!
Старуха! Рядом – болезный дед!

СТИХИ-Я

Ветер рвёт паруса – стихия!
Не уйти бы сейчас на дно!
Так, похоже, пишу стихи я,
С богом, с чертом ли заодно?

Как волна накрывает судно,
Так желания – только б жить!
Сердце настезь, и я безрассудно,
Душу миру спешу обнажить!

Если ты из пугливых, значит,
Не глотать тебе соль морей,
В непогоду пусть дождик плачет,
А вот мачты поют кораблей!

Моя лочия – мир поэзии,
Мой фарватер не знает границ!
Вся свобода, которой грезила,
Вольным словом летит со страниц!

Дмитрий НАУМОВ

РАССКАЗЫ

КОНОВЯЗЬ ОТЦА

Вдовам войны

Моя матушка была среднего роста женщиной с широкими ясными глазами и вечно цветущей светлой улыбкой на круглых щеках. Она успела родить нас с братом Мэхэсом до того, как отец ушел на войну. Говорят, он пропал без вести.

Под старость мать рассказывала: “Я была уверена, что он жив. Всегда его ждала. Он бы обязательно вернулся даже с одной конечностью. Никого на свете он так не перевозносил, никого так не любил, как меня. Бедняжка, наверняка его так тяжело ранило, что он не помнит ни прошлого, ни настоящего, вот и не может вернуться, – эта мысль крепко засела в моей голове. Слышала от людей, что есть такие дома, где присматривают за теми несчастными, которые на войне память от ранений потеряли. Мечтала накопить денег и объехать те места, чтобы найти моего родимого. В райвоенкомате работала моя родственница, попросила ту девушку написать в несколько мест. Отовсюду был ответ один: “Разыскиваемый вами... не значится”. Только с одного места написали: “В нашем доме есть трое, кто не помнит, откуда он”.

С тех пор у меня было одно желание: доехать до того места, найти и привезти родимого друга и разделить с ним его боль, облегчить его

муки. Но для этого нужно было накопить денег. А мне, простой доярке, кроме своей работы, нигде было их заработать. Сильно я печалилась. Надо было и вас воспитать, вырастить. Когда ты училась в третьем классе, весной, в конце марта, судили за растрату жену Чомойора, продавщицу Нату. Описали у нее все имущество, саму на три года в тюрьму посадили. Молодую, чернобоковую с белым хребтом нетель отдали в колхоз. Видно, были какие-то счеты...

Нетель я назвала Чомойоровной. Скоро она отелилась, родила хорошенькую телочку. По всему было видно, что будет славной коровой, удойной. Рожки торчат прямые, сложена прекрасно, молочко жирное, сама несется над землей – ничто ей не преграда. Не корова – чистый ангел! Стала я рассчитывать, что пойдут у меня высокие надои, будут хорошие показатели – начислят мне много трудодней, стану знатной дояркой. И все эти мои надежды были связаны с Чомойоровной. Хорошо присматривала и за ней, и за телятами, лелеяла их. Но все же третий отел я упустила, родила она прямо в поле.

Несколько дней искал их наш пастух, Артамыан. Так и не смог найти, это удалось его помощнику Никите, сыну Даайыс. Но Чомойоровна его чуть не забодала насмерть, не подпуская к теленку. Сказал мне тогда Артамыан, что “еле парня спас, чуть не убила его”, а я мимо ушей пропустила. Но заметила, что в глазах ее какой-то хищный огонь появился, да и сама она словно одичала. Рожденный в тот год бычок пал от поноса. Шкурку его я повесила у яслей, где привязывала свою корову. И пока она шкурку не лизнет, не давала доиться. А Никиту она стала преследовать, бедная, наверное думала, что это он виноват в смерти ее сыночка.

Однажды, когда заводили коров во двор, я услышала испуганные детские крики и повернулась в ту сторону. Чомойоровна гналась за Никитой. Я заорала и бросилась к мальчику. Догнали его мы с коровой одновременно. Толкнув ребенка на землю, навалилась на него, прикрывая собой. Кричала изо всех сил, но корова не переставала накидываться, чтобы поддеть рогами парня подо мной. Прибежали люди, еле отогнали. Но,

ДМИТРИЙ НАУМОВ. РАССКАЗЫ.

голубушка моя, так меня ни разу и не задела. И своего злодея-детоубийцу, горемыку Никиту, тоже, хотя у него был лишь один заслон – мое платье. С тех пор она прослыла лютой, бодливой коровой, которая за детьми гоняется.

Через несколько дней я так же укрыла под собой Даайысову дочку Маппыс, за которой корова гналась только из-за того, что она вышла во двор в камзоле брата Никиты, чтобы помочь матери загнать коров. Будто обезумевшую корову, которая опять, выставив рога, бросалась на прижатую подо мной к земле девочку, еле смог отогнать Артамыан. И в тот раз, голубушка моя, меня ни разу не задела. На летней ферме случился большой переполох. Приняли все меры, чтобы осадить бодливую корову. Отпилили рога. Бригадир Иван Саввич даже постучал по ним. Собрали коллектив фермы. На собрании бригадир внес предложение забить корову. А я просила за нее: она моя лучшая корова, и самая удойная, и приплод у нее хороший, она станет родоначальницей лучшего скота в нашем колхозе, чтобы не забивали ее, и плакала, плакала... Бедная Даайыс тоже прослезилась, пожалела меня, промолвила: “Не убивайте...”

Все согласились. Я попросила пастуха Артамыана, чтобы он, только пригнав её во двор, сразу загонял в сарай. Голубчик, он всегда выполнял мою просьбу. Заводил ее летом в сарай, зимой в коровник и там привязывал. Добрый был человек. Хорошая корова – дар природы, кровь её не должна теряться. Лучшее всегда порождает лучшее. Мои труды, мои заботы не прошли даром. От Чомойоровны, от ее дочек пошла моя слава лучшей доярки. Жила в чести и почёте. И все эти годы я копила деньги, чтобы поехать на юга искать моего Маппыя. Ждала, когда дети вырастут. Думала, они найдут своего отца. Я твердо была уверена в том, что он жив. Но с некоторых пор, всего несколько лет как, появились мысли, что его уже нет. Сколько ему, видно, пришлось горевать, тосковать, мучиться, пока он покинул этот солнечный мир. Он точно жил. С этой верой вот и я состарилась,” – таков был рассказ моей бедной матушки.

Всегда были те, кто зарился на её красоту и

добрый нрав. Говорят, несколько раз сватались. Никого к себе не подпустила. Очень добрый, и лицом недурной, немногословный Артамыан, бедняжка, чтобы быть ближе к нашей матери, даже уволился с МТС и устроился на нашу ферму пастухом. Пробыл он там несколько лет, и зашел как-то вечером попрощаться. Молча посидел, вздохнул глубоко, поцеловал меня:

– Ну вот, Джебджей, я уезжаю в район к сестре, буду в своем МТС работать. Живите хорошо. Будет какая нужда, напиши. Приеду, помогу. Если только жив бедный Маппый, то, наверно, только твоим терпением, твоей любовью. Ну, прощай, – сказал он и тихо вышел.

Матушка молча заплакала. Я плакала тоже. Я очень хотела, чтобы он стал мне отцом. Артамыан умер пять лет назад, незадолго до того, как нас покинула моя мать, так и прожив всю жизнь бобылем. Когда я училась, все время деньги присылал. Старшему брату ружье подарил. И когда он умер, брат сам все, что требуется, исполнил, сам его земле предал. Мне казалось, что он был ближе всех к сердцу матери, но замуж за него она не пошла. Такова вот судьба человеческая.

Мать была лучшей дояркой колхоза, а затем и совхоза. Чистая, аккуратная, умела она трудиться, работа будто сама с радостью спорилась в ее руках. Коровы её всегда были удойней всех коров, телята всегда были упитанней всех телят. Как женщина одинокая, она и с хозяйством управлялась с умом, не хуже мужиков. С правой стороны усадьбы возвели большой, красивый дом. Когда сколотили забор, закончили все работы, она повела за собой на улицу дядю и брата и указала место, чтобы там соорудили коновязь на три столба. Брат удивился было:

– Никто сейчас на лошадях не ездит, зачем гордить бесполезное...

Но дядя не дал договорить:

– Отец твой всегда хотел здесь поставить коновязь, значит, сделаем, – сказал, как отрезал.

Та коновязь и сейчас стоит, с надеждой ожидая своего хозяина, хотя ни одного коня никогда к ней не привязывали. Стоит, как памятник вдовой доле, пролитым слезам и верной любви моей матери...

АКЫМ

Акым – ездовой конь знаменитого коневода Басылайкана. У него всегда аккуратно подстриженная грива, гладко расчесанный, словно коса у знатной женщины, густой и длинный хвост. Басылайкан то и дело с усердием подправляет гриву Акыма. С правой, подплечной стороны, на уровне всегда упитанной холки, стрижет так, чтобы грива торчала. А с левого бока оставляет недлинные мягкие волосы. Хвост никогда не подрезает ровно. Сначала хорошенько расчешет, а потом с кончика вверх подстрижёт так, чтобы хвост был немного с острием. Ноги у Акыма, как их описывает велеречивый табунщик Куола, “прямые, словно городская модница в туфельках на каблучках стоит”. Копытца прозрачные, с еле заметными прожилками, холеные, словно ногти у той же модницы. “Только лаком что не покрыты”, – смеётся Куола.

Но вся красота Акыма – в его пегости. Сам он светло-саврасый. Но от спины по бокам и дальше к передним и задним ногам простирается, становясь похожим на чулки, белое пятно. Когда он, неторопливо подкидывая тщательно подстриженную чёлку, чуть загнув длинную шею с крепкой холкой, поглядывая широкими ясными глазами на пасущихся в поле лошадей, несется рядом легкой рысью, сверкая своими чулками – любо-дорого на него смотреть. У всегда опрятно одетого Басылайкана длинное, дочерна загорелое добродушное лицо, но голос его такой глухой и тихий, что не каждый его услышит, поэтому Акым всегда держит уши остро и следит за каждым движением слегка натянутой узды. Акым – конь табунщика, его крылья, его крепкая опора, его преданный друг. Другой коневод, Опоня, который всегда седлает горячих, необъезженных коней, как-то пожаловался мне во время острига лошадей:

– Все лошади в аласе безошибочно узнают топот копыт Акыма и даже не пытаются убежать. А от меня убегают, только завидев. И Басылайкан ругается, что я до пота лошадей гоняю. Был бы у меня такой конь, как у него... И смотри, какой у

старика острый нож, вот этих двух лошадей он подстриг, словно ножницами у него получилось, а вот наша поскакала – гребень за гребнем, как доска стиральная, – повиснув на изгороди, качает головой и показывает на лошадей, которые начали собираться в стадо.

– Что конь, что хозяин – не угнаться нам за ними, – заключает Опоня.

Акыма знает вся деревня, да что деревня, даже в центральной усадьбе все до единого знают.

Я впервые увидел его в тот год, когда меня направили сюда работать: он стоял под окном, привязанный перед конторой отделения. Я надел шапку, вышел к нему и стал ходить вокруг, разглядывая. Я его не очень-то и заинтересовал. Он только шевельнул пару раз ушами, мол, что за тип в треухе ходит кругами. По сравнению с нашими бедными клячами он выглядел как небесное создание. Хоть и был немного взмыленный, но в моих глазах это никак не умаляло его красоту.

– А что это ты, друг, уставился на моего коня?

Оглянувшись на голос, узнал старшего коневода, которого на днях видел на заседании месткома.

– Меня зовут Басылайкан. А ты, верно, наш новый зоотехник.

– Да, меня Митэрэй зовут. Добрый у тебя конь.

– Не жалуюсь. Старееет уже. Но и сейчас ни одной лошади не упустит. А ты, кажись, разбираешься в лошадях, глаз у тебя наметан.

– Ну, я же на коне вырос, как истинный сын якута. Красиво ты ему хвост обрезал. А вот у Басылая, Ньюкулая ровно и коротко хвосты у коней подстрижены, некрасиво смотрится.

– У Басылая занятие – мастерить щетки для пола, там и использует, наверно, – засмеялся мой собеседник, показав ровные зубы.

Он отчитывался только перед нашим руководством. Долго и серьезно просматривали отчет. Управляющий все проверял, стуча костяшками счетов. Басылайкан был малограмотным. Поэтому управлял ручкой неуклюже, мозолистыми пальцами выводил большие цифры на

листе отчета. Не дыша, наблюдал за тем, как начальник его проверял. Тихим голосом отвечал на вопросы. Когда заканчивали, с улыбкой расписываясь размашистым почерком и отдавал бумаги мне – чтобы внести все в общий отчет отделения.

Как-то осенью шли мы с управляющим по улице, и он мне говорит:

– Смотри-ка, неужели в этом доме Басылайкан водку пьет, наверно, кобылиц пригнал, что-то рановато.

Я спросил:

– А как ты про это узнал? Из-за того, что там Акым стоит?

– Если Акым стоит, сомкнув все четыре ноги и весь вытянулся, словно вслушивается, значит, старик пьянствует. Вот сейчас он только выйдет, и они на одном дыхании пустятся домой, конь к этому готовится, – ответил мне управляющий.

Так это и забылось. Хотя про себя я удивился, промелькнула мысль: как это он на улице, привязанный к коновязи, узнаёт о том, что хозяин в доме пьянствует.

По весне шел я домой и увидел, как у дома начальника дремлет у коновязи Акым. Вспомнил я тогда осенний разговор и залетел в дом. Время обеденное, стол был накрыт. Басылайкан пьет горячий чай с молоком. Бабушка Ааныска, увидев меня, радостно воскликнула, принесла чашку из шкафа. Почаевничали за разговором о заботах трудовых. Краем глаза слежу через правое окошко за привязанным прямо под ним Акымом. Конь не шевельнется, греется на ласковом весеннем солнышке, подрёмывает.

Прошла зима, закончились весенняя стрижка и подсчет лошадей. Хорошо провела зимовку коневодческая бригада, много жеребят приняла. Чтобы отметить сдачу отчета к двадцать четвертому мая, Басылайкан пошел к начальству, ведя Акыма под уздцы. Я собрал все документы и сдал в центральную контору совхоза. Выйдя на улицу, заметил вдалеке Акыма. Пригляделся: он весь вытянулся, ничего не осталось от того весеннего, сонного Акыма. Решив себя позабавить, пошел к дому управляющего. Уши у Акыма торчком и подрагивают, словно две готовые

взлететь трясогузки. Все четыре копыта сведены вместе на засохшей глине, хвост чуть приподнят и немного закручен. Чтобы узнать, отчего у него такие перемены в повадках, я снова залетел в дом. Гляжу – а там стол ломится от яств, в бутылке донышко уже показалось. За отличную зимовку, за добрую весну подняли по рюмке. Басылайкан уже навеселе, радуется, улыбка с уст не сходит. Смотрю в окошко на Акыма. Стоит, замер на месте, только уши шевелятся. Басылайкан тоже на него оглянулся, улыбается:

– Это он меня ожидает. И-и, голубчик мой, ни разу не споткнется, не остановится, на четырех легких копытцах, еле касаясь земли, доведёт меня до дому. Мигом мы к старушке доедем. Это тебе не твой “Москвич”, который на каждом повороте застрянет. Добрый мой друг – мой пегий Акым.

Следующей весной Басылайкан внезапно заболел. Сначала немного жаловался, что где-то у него поднывает, а потом пришла весть, что старик совсем слёг. В город, в райцентр возили – по разным больницам. Ошарашило, опечалило нас известие о том, что болезнь стала неизлечимой, окончательной. Узнав о том, что больше не поднимется, старик попросил его выписать домой. Чтобы не показывать родным, как он стонет и мучается при приступах, повелел поставить во дворе палатку. На второй день попросил привести Акыма. Когда коня привели, вышел к нему с помощью близких, погладил его ноздри и гриву. Что-то прошептал уже мало разборчивым для слуха голосом. Конь стоял неподвижно, понурился. Басылайкан с болью простонал:

– О, оседлать бы голубчика моего и хоть один бы круг по аласу сделать, да чтоб грива твоя мое лицо обмахивала!..

Это были его последние слова. Завели его в палатку, он попытался еще что-то сказать, но язык уже заплетался, ничего было не разобрать. Утром, на рассвете, он покинул этот мир.

Все по Басылайкану скорбели, много народу на похороны пришло. Из редких тогда магнитофонов мы нашли один поисправней и включили похоронный марш. Когда шли к кладбищу посередине деревни, собралось еще больше лю-

дей и машин. Оседлали Акыма. Надели самую дорогую серебряную узду, с которой еще мать Басылайкана приехала невестой, и которую он надевал на Акыма только по самым торжественным случаям. Махалку-дэйбиир из хвоста белой лошади подвесили на луку седла. Я подумал, что Акым будет дичиться толпы. Всякого можно ожидать от резвого коня, которого давно, еще с зимы, не седлали. Поэтому попросил старого коневода Бётюра, чтобы он повел Акыма. Тот высказал свои опасения: непросто ему, наверное, будет управиться с конем среди такого многолюдья.

Вынесли покойника и положили в кузов машины. Жена и дети сели рядом с гробом. Бётюр с Акымом на поводе пошли за машиной. Бедный Акым, понунив голову, медленным шагом дошёл до кладбища. неподвижно наблюдал, как хозяйина опускают в могилу.

Коневоды посовещались и решили больше не седлать Акыма.

Когда я спросил заменившего Басылайкана старшего табунщика Куолу: “Куда вы Акыма поделите?”, он только молча взглянул на меня.

Осенью, в ноябрьском отчете на двадцать четвертое число, в графе “Кони под седлом”, я заметил запись: “...один конь забит, возраст 18 лет”. И обо всём догадался.

— Перед тем, как всё сделать, завязали ему глаза. Никто ничего не говорил, все молча его разделявали. Я тайком смахивал слёзы, когда мы снимали с него шкуру, — сказал мне табунщик Опоны.

Если и вправду есть тот свет, то, наверное, скачет там Акым, развевая гриву и хвост, под незакатным солнцем сверкая чулками над четырьмя легкими копытами, и показывает своему Басылайкану все красоты того мира.

Добрый, неземной был конь... Голубчик Акым — резвый друг коневода.

Весенним утром

Летом, ближе к осени, наш друг Басылай пригласил в летнюю усадьбу на свой День ро-

ждения. Должны прийти все друзья детства. И мы с женой с радостью поехали на ежегодную встречу. Чем старше возраст, тем дороже эти встречи. Все обычно оставались ночевать, а на следующий день расходились с чувством такой легкости в душе, будто снимали с плеч какой-то груз, но всегда с оттенком легкой грусти, уже начиная скучать друг по другу и ожидая следующей встречи. К вечеру, когда начало темнеть, наши женушки выгнали нас в балаган. Когда они только начинали входить во вкус своих продолжительных, не всегда понятных нам разговоров, мы то и дело получали свои втыки: кто за нечаянный клёв носом, кто за неуместный вопрос. Когда были помоложе, оказывались не к месту за юношеский задор, а сейчас — за старческую сонную леность. Ну кому понравится, когда при радостной, оживленно-волнительной беседе кто-то рядом будет засыпать.

Хозяин жарко растопил камелёк, это напомнило нам волшебные годы детства, будто проплывающие сквозь светлый туман. Как люди степенные, расселись по мягким креслам и завели неторопливый разговор. Что-то о недавних газетных статьях, свежих новостях с Интернета, даже начали было уставать, но тут вскочил с места наш Уйбаан:

— Парни, а я ведь этой весной увидел нечто удивительное.

Все оживились. Он поворошил огонь в камельке, подложил ещё три полена. Пламя с треском разгорелось вновь. Уйбаан, греясь, постоял с минуту перед очагом, заложив руки за спину.

— Чудеса, да и только. В жизни бы не подумал, что такое может быть. До сих пор в удивлении. Весной охотился на уток в своем Кулусуннахе. В этом году на озере закраины рано подтаяли, так что утки садились неплохо. В пятницу вечером приехали гости, два молодых моих друга-сослуживца. До темноты добыли с десятков уток, и от этого радостные, возбужденные охотой, поднялись наверх пить чай. Посидели у костра, поговорили о том о сём. Парни мои люди современные: у них одежда, снаряжение, оружие — все по высшему разряду. Ещё о разных новинках, про которые знали, рассказали. А мне показалось,

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

что новое поколение ни в чём не видит препятствий в своих желаниях. Как и все мужчины, завели разговор о женщинах. И здесь у моих друзей совершенно иные взгляды оказались.

Если у нас и были те редкие моменты, в которых мы по оплошности судьбы могли себя почувствовать хоть сколько-то “ходоками”, то у молодежи все оказалось совсем по-другому. То ли женские прелести настолько подшевели, то ли мужчины стали намного настойчивей, я с их рассказов так и не понял. Одним словом, другие люди, другая жизнь, и я, иногда смущаясь, иногда восхищаясь, все-таки с живым интересом слушал рассказы людей, воспитанных той жизнью.

Когда небо начало светлеть, пошли к нашему скрадку. Лёт уток начался. Пару раз очень красиво подлетели шилохвостки, и мои парни ловко их подстрелили. Я успел только раз и выстрелить. Вот она, старость, нерасторопным в движениях становлюсь. Ведь вижу всё: “О, утки летят!” Но выстрелить – не успеваю. А в это время ружья у парней так и трещат. Сели, дерясь между собой, несколько связей, ни одну мы не упустили.

Сами знаете, как прекрасен миг восхода весеннего солнца, когда оно, огромное, красное, выглядывает из-за горизонта. На восточной стороне моего родного Кулусуннаха оно как бы замирает на несколько секунд над островком леса, опираясь на остроконечные верхушки елей. Затем, постепенно светлея, уменьшаясь в размерах, усиливая свой жар, начинает взлетать вверх. И тогда воочию воссоздаешь в мыслях запев олонхо, сложенный нашими предками: “с возносящимся солнцем, возрожденная и обставленная мать-земля”.

Лёт поредел. Мы наблюдали, как зацветает красками под светлеющим небом наш алас. На противоположном берегу, на полянах с двух сторон лесного мыса, пасутся два табуна лошадей с жоками. По правую сторону от нашего скрадка, у лесного островка на востоке, стоит старый гнедой вожак со своим большим косяком. Он уже здесь был, когда я сюда приехал. С крепкими ногами, с черной, густой и длинной гривой, временами вскидывая вверх заросшую челку, он оглядывает стоящее чуть поодаль ста-

до. Весьма грозный товарищ. В его табуне много старых кобыл его возраста, они с уважением поглядывают на своего господина, но иногда и с некоторым безразличием. Всё как во вместе постаревшей семье. Но есть там и молодая светло-саврасая кобылица. Она еще не жеребилась. Кажется, её недавно пригнали к табуну, всегда держится чуть в стороне от стада. Молодостью, статью она совершенно отличается от старых, пузатых, много рожавших кобыл, прекрасна, как юная девица.

Со вчерашнего дня в аласе появился и табун Молодого жока. Резвый молодец, он сразу решил помериться силами и поскакал навстречу гнедому, по-разному изгибая шею. Старый боец набрался неистовства, распустил гриву с челкой и, закручивая свой лодочкой хвост, с гулким топотом по недавно оттаявшей земле тоже побежал навстречу, дико захрапел так, что задрожал замерший в тишине воздух аласа, встал на дыбы и, резко развернувшись, пнул тяжелыми задними копытами под шею подбежавшего Молодого. Тот вроде как даже простонал, чуть подсев на задние ноги и, всхрапывая от досады, убежал в сторону своего табуна.

Старый, как победитель, широко ступая, гордой рысью пошёл к своим. Завился вихрем возле светлой кобылы. Та, кажется, не особо выразила радость, только небрежно махнула хвостом. Молодой, прижимая уши, отогнал свой табун в глубь лесного мыса. На том и закончились соседские разборки. Меня даже вдохновила победа старого жока. По-родственному. Есть еще, подумалось, у нас, стариков, порох в пороховницах.

Когда рассказывал друзьям про это, молодая кобылица из табуна Старого, пощипывая траву, начала продвигаться к лесному мысу. Я краем глаза слежу за ней. Старый пасется где-то в глубине с основным стадом. Кобыла медленно приближалась. Ни разу не подняла голову с земли. Возле ветвистого дерева на самом краю леса, также не поднимая головы, посмотрела на свое стадо и, не переставая щипать траву, обогнула дерево. Парни мои тоже молча наблюдают.

Только скрывшись за мысом, наша кобылица,

прихорашиваясь, понеслась рысью к Молодому, тот тоже прибежал ей навстречу. Закружились вихрем друг вокруг друга, и начались у них страстные любовные игры. Закончив свои дела, огляделись вокруг. Молодой побежал к своему косяку, а кобыла подошла к краю мыса и, словно чистый ангел, с тем же покорным видом пощипывая травку, вышла из-за ветвистого дерева, приближаясь к своим. А что Старый? Пасется себе на только начинающей издавать свежий дух зелени поляне, поглядывая на весело резвящихся по пригорку на весеннем солнце жеребят, да на своих коренастых старых кобыл, которых ничем уже не удивить.

Мы долго сидели молча, огорошенные удивленным. Иван Семенович только промолвил:

– Ну и дела, даже эта кобыла, а что говорить о...

Молча пошли к привалу, разогрели чай, выпили. Разговор не клеился. Днём молодёжь, выискивая разные причины, засобиралась домой. Видно, много чего было им опасаться.

А я остался на своем аласе.

Все мы молча смотрели на огонь в камельке.

“У каждого человека свой день, у каждой рыбы свой нерест”, – говорят якуты. У кого-то солнце восходит, у кого-то к закату клонится, а кто-то следит за этим: кого-то отвергает, кому-то отдает предпочтения. О, жизнь, как ты прекрасна, но на столько же и сложна.

Жеребёнок

Морозное утро ранней весны. Милое солнышко по весне кажется ближе к земле, теплее его лучи. По всему видно, будет ясный, хороший день. Поодаль синеют горы. Их зимний суровый вид смягчился, готовясь к прекрасной поре, они тихой вереницей обступают речную долину.

На северной, подсолнечной стороне долины, у зарослей кустарника стоит табун лошадей. Все собрались в одном месте. Мне показалось, что они сгрудились, чего-то ожидая. В глубине стада, на краю кустарника, где слой снега потоньше, ожеребилась кобыла. Вот оно что, потому-то они и не расходятся. По зимней сеновозной колее я

приблизился к ним и сел на снежный сугроб на обочине. Бедная кобыла утомилась, грива с челкой растрепалась, но, освободившись от бремени, она сменила родовые муки на любовь к только что подаренной ею жизни и, с влитыми той же любовью силами, окунулась в новые заботы об увидевшем солнечный мир детеныше.

Она мягкими губами прочищает ушки еще мокрого жеребеночка, который только что выпал из теплой утробы матери на этот сверкающий на ярком весеннем солнце снег, в то же время она часто оглядывается вокруг, чтобы предупредить малейшую, грозящую ему, опасность. Жеребенок мотает головкой, принимая первые материнские ласки, впервые чувствуя её теплое дыхание, когда она нежными движениями губ отчищает его ноздри от мешающей ему дышать слизи.

Но вот маленький жеребенок зашевелился, его дрожащее на морозе тело оживает от бодрящих действий матери. Кобыла поглаживает его языком, расчесывая кудрявую гриву. То и дело крутится на месте, грозным взором отпугивая все в мире угрозы для этой маленькой души. Жеребенок уже пытается встать, от этого радостные движения у матери становятся ещё бодрее. Сначала жеребенок оперся на передние ноги, потом зашевелились задние. Он все время мотает головой, она кажется ему слишком тяжелой, но постепенно набирается сил, движения становятся все увереннее, и вот уже голова на шею держится выше и крепче.

Мне стало жаль жеребенка, который родился в это морозное утро весеннего дня, и даже начал бояться, что он не сможет встать. Зашептал про себя, призывая его: “Ну, дружок, давай вставай! Чтобы тебе вырасти, чтобы вольно резвиться на снежном просторе под этим ярким солнцем, чтобы узнать буйство летнего изобилия, ты, потомок Джесегея (*Джесегей – божество, покровитель лошадей. – С.Ф.*), должен скорее подняться на свои тонкие ножки! Другого пути нет. Кто тебя поднимет, кто понесёт? Поднимись, дружок, вставай, смелее! Если не встанешь, этот снег под тобой превратится в лед, и ты намертво примерзнешь к нему, и это будет твой конец, а

ДМИТРИЙ НАУМОВ. РАССКАЗЫ.

на спасение природа дала тебе всего с десяток минут. Не всякому дается это счастье – встать на ноги прямо с рождения. Это удел многих – когда не держат ножки и нет силёнок ходить самому”.

Первые потуги жеребенка не удались, он упал мордой вниз и, то ли страхивая снег, то ли с досады от неудачной попытки, потряс головой. Собираясь с силами, полежал неподвижно. Думая, что он замерзнет и не сможет встать, я от страха за него захотел воскликнуть: “Вставай! Смелей, дружок, ответь достойно на первый суровый вызов этого мира! Встань, ты сын Якутской земли, ты должен встать! У этого солнечного мира вызов единственный и жестокий! О, милый сын Джесегея! Поднимись, дружок!” Вторая попытка удалась. Тонкие ножки, хоть и задрожали, но выдержали, выпрямились. Счастливая мать подошла к детенышу и мордой подтолкнула его, трясущегося в непонимании, что ему дальше делать, вперед.

О, есть первый шаг, закоченелое до дрожи тело почувствовало тепло от первого движения. Между призывно расставленными ногами матери показались черные соски вымени. Жеребенок шатнулся вперед-назад и, следуя теплоту дыханию матери, пошел носом искать вымя, пару раз ткнулся мимо и, наконец, нашел сосок, готовый брызнуть молоком от легкого прикосновения. Кобыла от новой радости прикоснулась к кудрявому хвостику детёныша. Тот, впитывая теплый дар матери, чувствуя его горячую силу, подал первый знак радости от познания земного счастья – приподнял хвостик, потом начал шевелить им всё умильнее. Кобыла расслабилась, порожденная ею душа нашла живительный источник силы. Боль, муки, страх – все будто куда-то ушло.

Солнце сияет, поддаёт тепла. Оно тоже радо, что в этой снежно-ледяной стране, которую приходится так долго греть, чтобы ожила её природа, родилась еще одна живая душа, которая вберёт в себя его силу, попользуется его изобилием. Вот он – встал на ноги, сосет молоко матери, от радости шевелит хвостиком.

Табун стоит неподвижно, следя за движениями жеребенка; только тогда, когда их новый

родственник последует за матерью, лошади сдвинутся с места в сторону долины и начнут тихо копытить снег, продолжая свой нескончаемый труд.

И я сидел, не двигаясь, до волнения восхищенный силой природы. Вот он – присосался к вымени, маленький потомок Джесегея, внял могучему зову природы, принял её вызов, и как это прекрасно! Если бы он не встал, то я ничем не смог бы ему помочь – от этой мысли холодок пробежал по спине.

Долго я еще сидел, созерцая красоты родной земли, убаюканный слышимой только сердцу звонкой мелодией пробуждающейся природы.

Поросёнок

Холорукова дочь бабушка Маайа была многословной, со складной, как у запевалы осуоая, речью, необычайно бойкой для своего возраста старушкой. В молодости она была высокого роста стройной девушкой, заметной в своем наслеге, не обделенной людским вниманием: “Это та самая, дочь Холорука?” Для того времени получила неплохое образование, после семи классов окончила курсы счетоводов и осталась работать в колхозе. И прекрасная пора юности не прошла мимо девушки. У многих парней загорались огни в глазах при виде Маайи. Появились и послы с записками. “Говорят, к ней Ылджа-парнишка клинья подбивает, да и девушка, кажется, не против”, – судачили люди.

Старик Холорук, который сторожил склад зерна на поле, поселил на время у себя зерноуборочную бригаду, в которой работала дочь. Она была у него единственной, жена умерла, когда девочка была ещё маленькая, поэтому они всегда были вместе. И готовка, и хозяйство – все было на ней. Трудности для Ылджи в том и были, что старик ни на шаг не отходил от дочери. Вечером, когда в деревне собиралась молодежь, он отвозил и привозил её на пегом коне, мол, “ребенку будет страшно”. Пока старик был жив, он дочку от себя не отпускал, вот и на всю жизнь её прозвали Холоруковой дочерью Маайей.

Осенью, когда заканчивалась уборочная страда, парни посоветовали Ылдже спуститься через окно прямо в постель к Маайе. В плену любовной страсти простодушный бедняга согласился.

В темную безлунную ночь, высчитав время, когда в доме погасят огни и старик уснёт, парни засунули Ылджу в окно. Несмотря на все расчёты, незадачливый любовник упал прямо на Холорука. Бедный Ылджа еле сумел найти дверь и убежать от орущего благим матом старика, искавшего ружьё. Люди догадывались, что Ылджу ко всему надоумил озорник Ыгнат. Он сам, говорили, на Маайу глаз положил, вот нарочно все и подстроил, чтобы Ылджа упал прямо в объятия Холорука. Летом началась война. Оба горемыки ушли на фронт и не вернулись...

Маайа вышла замуж. Родив сына, тут же стала вдовой...

До пенсии она работала то счетоводом, то продавщицей, одна вырастила сына. Избалованный ею сын так и не женился, жил, по её словам, “на многие годы накопленное стерегущим, откормленным мальчиком-монахом”.

Выйдя на пенсию, Холорукова дочь бабушка Маайа стала разводить свиней. Занятие это у неё удалось, у свиней пошел хороший приплод. Деревенские стали заранее поросят заказывать. Свиньи на продажу у неё славились жирностью. В те годы, когда была развита заготовка (*обмен продуктов личного хозяйства или сбора дикорастущих на дефицитные товары. – С.Ф.*), народ в сельпо толкался в очереди за свиной от Холоруковой дочери.

Когда бабушка уже довольно-таки состарилась, свиноматка родила девять поросят. Один поросенок-самец почему-то ей приглянулся, и она оставила его себе. С завитым хвостиком, очень бойкий, сомышлёными глазами чертёнок как будто даже понимал, когда с ним разговаривали. Мать его, немного откормив, Маайа сдала в заготовку. Поросенка назвала Сашкой.

Когда забивали мать, Сашку завели в дом. Он умными глазами оглядел убранство дома, нашел себе теплое место у печки и устроился там. Когда они оставались вдвоем, она щедро его потчевала разными новостями, а поросе-

нок внимательно слушал и будто поддакивал ей своим “хрюком”, причём всегда в самых нужных местах. Это её сначала только удивляло и забавляло, разговаривала с ним как бы понарошку. Но потом они совсем сроднились, и она стала уже по-настоящему с ним делиться вестями. Когда она рассказывала о Даарыйе, с которой недавно рассорилась, поросенок поддакивал совсем по-другому и даже иногда с негодованием вскакивал с места.

Она научила его ходить в горшок. И ни разу он не ошибся “адресом”. “Разве что крышкой не может закрыть”, – смеялась Маайа. Днём ходили в магазин. В продуктовый Сашка мчался напрямик, был там у него свой интерес – угощался конфетами. А в хозяйственный, куда Маайа заходила к подруге Ааныс и надолго там застревала за разговорами, Сашка шел нехотя, только в порядке поддержки компании еле плелся за ней. Скандалистку Даарыйу узнавал безошибочно, проходя мимо её дома, убегал подальше и семенил впереди хозяйки, то и дело оглядываясь на неё.

Сын Маайи невзлюбил поросенка, ругал его все время. Особенно не нравилось ему то, что он на ночь залезал к бабушке под одеяло и дрых там без задних ног. Поэтому Сашка вечером дожидался перед печкой на своем лежаке, когда Бааска захрапит, и, как только храп начинался, тихо лез к Маайе в постель. Днём, когда он приходил испачканный после своих походов, старушка купала поросенка, и тому это очень нравилось. Особенно нравилось ему, когда после купания обтирали полотенцем – разинув рот, хрюкал от удовольствия. Это удивляло даже Бааску:

– Ишь, какой умный, чертеныш! Смотри, какая хитрая мордочка, совсем как младенец заливается, – говаривал он.

При гостях лежал себе на месте, якобы не мешался, но поддакивал Маайиному разговору, по-своему подхрюкивая. Когда заходила хозяйская подруга Ааныс, радовался, угощался конфетами. А если ругали Даарыйу, то тут он поддакивал совсем уж по-человечески.

Но в последнее время Маайе начинало становиться как-то не по себе с ним, все время он

с ней: шьет ли она сидит – он рядом ложится, песню ли под носом бубнит – он рядом дремлет. Слышала где-то старушка, что люди могут рождаться во второй раз, но в облики зверья или скотинки, и закралась в её душу опасения, что это, может, кто-то из её знакомых ожил в таком виде.

Когда он подрос, поселила его в хлеву. И там он себя вел все так же по-разумному, даже посуду отдельную для туалета имел. Любил часто мыться и так же внимательно слушал, когда она изливала ему свою одинокую душу, иногда своим хрюканьем выражая удивление или восхищение. Маайа не отдала его на выхолост, и когда осенью пороса все-таки забили, не притронувшись к его мясу, скучала по нему, печалилась. И все время её мучила одна мысль: чья же душа вселилась в этого поросенка при втором пришествии в этот солнечный мир. Иногда думала, что это душа одного из тех двух бедняг, что полегли на далёких русских полях. Вспоминала Ылджу с Ыгнатом. Иногда мужа Сэмэна, но сразу это отвергала – тот не мог быть с такой искренней душой, грубоват он был нравом. Она так и не смогла за те несколько лет совместной жизни понять, зачем он к ней тогда сосватался и женился. Кто же, кто...

С тех пор перестала Холорукова дочь Маайа разводить свиней. Держала кур, на заготовку сдавала яйца. Деревенские бабы в тот же день всё скупали и сдавали обратно, приобретая дефицит.

Среди своих с жадными глазами кур Маайа осторожно высматривала хоть одну с умным взглядом. Но среди жёнушек всегда ненасытного, но ведущего себя, словно он ни к чему не причастен, крикливого Петуха не нашлось ни одной души, которая могла бы прислушаться к её разговорам, взглянуть с пренебрежением при упоминании о Даарыйе, восхищаться и удивляться её новостям.

О, кому ведомы пути-дороги всех душ, чистых или грешных, что родились и умерли под этим солнцем?! Разве только Господу Богу. Но зачем Ему все нам рассказывать, чтобы еще больше нас мучить.

Холорукова дочь Маайа каждый вечер засыпала с мечтой о том, чтобы, если умереть, то умереть окончательно, и не хотела возвращаться в этот мир ни свиньей, ни собакой. И в одно утро она не проснулась... Сейчас уже нет заготовки и нет дефицита ни в чем, люди почти не держат свиней. А если это... А может быть... Ну, всё, хватит гадать!..

Дохсун

Дохсун был державным царем всех собак одной из округ нашего дачного поселка. Важничал, заставляя ждать всю свиту, еле сдвигая с места свое жирное тело, когда стая куда-то собиралась. По дороге на работу и обратно я всегда замечал этого стареющего черно-пегого пса – никто не двигался без его разрешения, ничто не ускользало от его взора, всем своим видом он показывал, что все дела в округе должны решаться в его присутствии.

Щенок по прозвищу Муха, который всюду нас сопровождал и за это получал обильное угощение от нашей Госпожи, до смерти боялся заходить во владения Дохсуна. Не показывая нам этого, кое-где приостанавливался по своим маленьким собачьим делам и быстренько прошмыгивал в щель на месте стыка нового и старого заборов. “Муха пошел домой”, – получал он долю умильной благодарности от своей Госпожи за то, что до этого места ограждал-таки её от тьяканья соседских комнатных собачек.

А я мечтал о том времени, когда наш щенок возмужает и сможет дать отпор этому спесивому Дохсуну. Но, казалось, что этот день придет не скоро, слишком Муха был юн. А давно возмужавший Дохсун, который много раз познал ярость битвы и вытерпел немало боли от укусов разных острых клыков, как ни в чем не бывало пробегал мимо в сопровождении своей своры. Он был на самом пике своей славы и могущества. В его команде были пронырливый черный кобель, который раньше всех обо всем узнавал и до всего первый добирался, два прошлогодних щенка желтовато-серого окраса и их мать, а

также всегда и всем недовольная рыжая сука с короткими ногами.

К ним всегда присоединялся, выходя из-за высокого гладкого забора, рыжеватый пёс с большими вислыми ушами и длинными волосами на брюхе. Ленивый и безразличный ко всему, он бежал лишь потому, что все бежали, и сразу же ложился, когда все останавливались. Все они были смешанных кровей, в каждом мелькали признаки той или иной породы, но и речи быть не могло о наличии каких-нибудь следов хорошей родословной. Суки время от времени оцелялись. Но удивительно было то, что среди щенков не бывало ни одного пегого, или, может быть, их сразу забирали. Чаще всего рождались черные или желтовато-серые щенята.

Какова бы ни была правда жизни, но Дохсун как был вожакom в своей округе, так им и оставался. Всем и вся распоряжался, ничего не упустит, всё obeжит, осмотрит и, когда надо, и грозный нрав свой со страшным оскалом покажет.

Как-то раз весной я издали заметил лежащего Дохсуна. Но почему-то он не встал, а мой Муха совершенно без опаски забежал на его территорию и посеменял по дороге, даже отметился у сосны на повороте. Эту его безрассудную храбрость никто не заметил, никто, как бывало раньше, не накинулся сворой на нарушителя правил, привлекая к скорому ответу. Я был поражен, а Муха, как ни в чем не бывало, проводил меня до нужного двора и спокойно вернулся восвояси.

Возвращаясь днем, захотел узнать, почему Дохсун позволяет безнаказанно шляться по его владениям подобным моему Мухе шалопаю и пошел не напрямик, а по улице. Под соснами увидел, что Дохсун лежит, прячась за только начинающими зеленеть кустами. Подойдя ближе, я оторопел. Левое ухо Дохсуна оторвано на корню, между пятнами засохшей крови белеет его череп. Сам он сверкнул такими жалостными, полными муки от боли и обиды глазами, что невозможно было вытерпеть его взгляд. Я постоял немного и вздрогнул от осознания той глубины страдания, горя и падения, которая выразилась в этом взгляде. Поодаль бегал Черный Кобель со

стойкой щенков за собой. Но он даже не подошёл к тому месту, где лежал Дохсун.

К осени рана Дохсуна полностью затянулась, но было видно, что за лето, которое он проболел, его власть заметно ослабла. Команда, как прежде, уже льстиво не поджидала его, делая стремительные рывки по своим собачьим делам. Глуповато зырякая, Черный Кобель всегда бежит впереди, остальные с бестолковым тявканьем следуют за ним. Дохсун держится неуверенно. По всему видно, что это побитый, одноухий старый пес, и весь его позор отражается в его грустных, злобно глядящих по сторонам, глазах. Но до сих пор он лежит на возвышении, чтобы было видно дальше, и сторожит полным искором досады взором свои бывшие владения, пряча между лап одноухую голову.

Кот Джегор

(Сказка старика – новоиспеченного горожанина)

Мы сроду не держали кошек. Только в этом году, решив перезимовать в городе, проживаем в квартире с этим зверем. Он – полосатый кот полтора лет. Повадки у него от древних предков – тигров или львов – всегда ходит крадучись. До всего бесшумно допрыгнет. За весь день никакой от него пользы, городской кот. Жилец каменного дома. Спесивый, себялюбивый, никого не боится, никого не слушается – избалованный зверь. Захочет – поест, захочет – морду отвернёт. Если собачка рада каждому кусочку, то он держится как царь: неужто посмеют его не накормить? Вот такая у него вольготная жизнь – у пестрого кота. Никакого от него проку, ещё мяукнет внезапно и не к месту.

Раньше он лежал целый день на просторном диване. С этого года всё время сидит на подоконнике, словно хочет выйти на улицу или куда-то уехать. С высокого этажа безразлично оглядывает облицованные камнем дома или редко заезжающие во двор машины. Чаще всего печально уставится в одну точку. Иногда начнет глухо

ДМИТРИЙ НАУМОВ. РАССКАЗЫ.

мурлыкать, заведя своё олонхо с однообразным мотивом. В этом бесконечном олонхо он рассказывает о своей жизни, вспоминает о Чараннаахе, где он нынче летовал. Послушаем и мы этот неторопливый и певучий, понятный только мне рассказ полосатого кота о прошлом лете.

“Меня зовут Георгий. Но здешний старик обзывает Джегором. Это обидно и мне, и моей хозяйке. Я кот его дочери. Дед с бабкой зимуют у нас. Они как приехали к нам – бабка занесла в квартиру аквариум с единственной золотой рыбкой, а старик, шаркая своими кривыми ногами, грозно осмотрел квартиру, – сразу стали вести себя как хозяева в доме. “Почему этот кот здесь лежит? Разве у него нет своего места? Как зовут? Георгий? Значит, будет Джегором!” “Как это неинтеллигентно, по-деревенски звучит”, – попыталась заступиться за меня хозяйка, но он сделал вид, что не расслышал. Глуховат, что ли? Все время я у него: Джегор да Джегор.

Но хозяйка напрасно так отзывается о деревне, вот там-то как раз хорошие места. Этим летом хозяйка задумала провести в квартире ремонт, и я всё лето провёл у сватов в Чараннаахе. Вот где не жизнь, а лафа-а! Из города хозяйка отправила меня в пышно разукрашенной корзине с бантиком. “Он же городской кот, и должен выглядеть подобающе”, – рассудила она. Доехали. Тамошние старик со старушкой с охами да вздохами встретили меня:

– А чем же нам кормить городского кота?

Прочитав записку хозяйки, они чуть не грохнулись на землю:

– Ой, а где нам искать этот “Вискас”? Ух ты, еще колбасы ему мелко нарезанной! Где мы в деревне всё это возьмём? В городе заказывать? Ох, а тут написано, что он только свежее ест. Мы этот “Вискас” только по телевизору в рекламе и видим. Ой, помрёт он у нас с голоду, – запричитала старушка.

– Вроде кот как кот. Молочка там ему дадим. Закроем в гараже, мышей половит. Не горюй, твари они живучие, лучше пойду, верши поставлю, кошки рыбку любят, – успокоил её старик.

Я от страха полдня на улицу не выходил. Но тут меня поймал маленький мальчик, крепко

схватил, выволок во двор и бросил там. Ой, я чуть тогда не умер от неожиданности. Я оказался на чём-то неровном и колючем – ничего похожего на наш ковролин, – потом узнал, что это трава. О-о, сколько запахов разных, какая ширь, какой простор! Мне, ни разу не покидавшему наши две комнаты, всё было удивительно. В первый день от всего шарахался, далеко не отходил. А потом-то начала-ась не жизнь, а лафа-а! Старик со старушкой прямо-таки закармливали меня, боялись, что “благородный городской кот исхудает”. Всё све-е-жее.

Ну, конечно, я день-два поворотил морду, а потом свыкся. “Марку там хоть немного поддержи”, – учила перед отправкой хозяйка. Что за прелесть это молоко! Утром с первой дойки наливают, теплое, свежее. Потом, вечером, уже прохладное. Старик ловит рыбу, благо, живём над озером. Свежих мундушек (*мелкая озёрная рыба, гольян. – С.Ф.*) – завали-и-сь! Я люблю есть рыбу с головы, какая это вкуснятина! – вам никогда не понять. Как мне сейчас этого не хватает. Здешняя старуха за сердце хватается, когда я сижу возле её аквариума. Кричит:

– Гоша-а, отойди, не трогай мою рыбку. Этот старик хоть бы рыбы принёс, а то он скоро мою поймает.

– Сват его к мундушке приучил, хочет он свежей рыбки, верно. Надо добыть ему карасей, а то он, точно, твою золотую слопает, – басом прогудел старик.

Молодцом оказался, притащил мешок карасей, на всю зиму мне хватило, лопал себе их. Но вкусная, наверно, головка у золотой рыбки – вот какой у неё лобик большой, хе-хе.

О, а то лето! Лето в Чараннаахе-е! В середине лета сваты в большой спешке что-то построили. Потом с города привезли кур – рыжих, с вечно голодными глазами товарищей. Сказали, будут нести яйца. Я любил к ним подкрадываться и пугать до полусмерти, прыгая и зацепляясь когтями за клетку. Хе-хе. Как они с кудахтаньем метались по клетке. “Не пугай дам!” – говаривал дед. Дамы, хе-хе, с нежными сердечками!

А вот еще один товарищ, привязанный к длинной веревке, чтобы бегать по двору, – Ар-

гыс. Вонючий пёс. Ну и скандальный же тип! Я подхожу к нему, но так, чтобы он не мог достать меня со своей привязи, и начинаю дразнить, показывая всякие фигуры. Он чуть не умирает от злости. Ну куда тебя отпустит железная цепь, злющий товарищ?! Кота хочешь поймать? А не тут-то тебе было! Не понимаю, зачем держать таких животных, видели бы вы, как он прыгает от радости, когда его кормят. Ну и страшилище! Как они только рождаются с такой лакейской душонкой? За это мы, кошки, их и ненавидим. А я целое лето его дразнил, отводя душу, когда был не в настроении или когда скучал по дому. А он вечно забывал, что на цепи, давился до хрипа, пытаюсь меня достать. Дурак с хвостом-махалкой, пустая голова! Балбес!

Когда старик шёл проверять верши, я садился на заборе у берега. Какая вечером свежесть от озера, какие запахи-и! Вот идёт старик с уловом в ведре. Какой он добрый, стари-и-к! Всегда говорит: “как бы не было беды, не отощал бы городской кот”. Целый день что-то мастерит. Куда там до него нашему деду. Придёт с работы и лежит, телевизор смотрит. С ленцой, видимо, товарищ. Это его любимое словечко – “товарищ”. “Товарищ Джегор”, “Джегор мой товарищ” – всегда обращается с какой-то издёвкой, подковыркой! Когда же лето наступит, и я поеду в Чараннаах. Как говорит старуха, сидим в этой каменной тюрьме. Варим обеды, ужины, завтраки. Мне подают “Вискас”, никакого вкуса, из чего только его делают, молоко вот лакаю. Бабка говорит, что из порошка. Неужели в городе коровы не водятся? Даже по Аргысу скучаю. О, я бы его подразнил – до хрипоты, до сипоты бы довёл.

Сiju вот на подоконнике. Ничего в жизни не меняется. Разве только вот тот, на зелёной машине, каждый день стал приезжать. Любовница у него в двенадцатой квартире. Старушка так говорит. Что бы это значило? Тоскливая у нас жизнь, как долго день в безделье тянется. Вот поеду летом в Чараннаах, буду со сватом верши проверять, в гараже мышей ловить. Кур попугаю, этого дармоеда Аргыса подразню. Когда же будет это лето?! Чараннаах, милый Чараннаах!”

Послonyaвшись по квартире, до шума в ушах

посмотрев телевизор, подхожу к окну и стою рядом с котом. Смотрю на город, вечереет. Время растапливать печь, а в этом городе ни один дымок не вьётся в небо. Зачем им печи топить, всё у них готовое. А сейчас над Чараннаахом, в застывшем воздухе, тихо рассеиваются множество дымков, словно это само небо на них опирается.

Кот Джегор сидит на подоконнике, горбит спинку, мурлычет про себя своё олонхо. Я смотрю на него. В его заунывном пении будто слышу свои мысли. Я тоже тоскую по родине, и поэтому только я понимаю скрытый смысл его олонхо.

Вот в этом-то мы с тобой единокорны, товарищ Джегор-ор!

Кырса

Старый охотник старик Сахаар только через два дня поисков нашёл тело молодой суки Кырсы, принадлежавшей его сыну, Олегу Захаровичу. Бедная Кырса лежала в лесу за деревней, спрятавшись под поваленным деревом. За всю свою долгую жизнь старик еще не видел собаку с такой, как говорят в народе, “сломанной, отлетевшей от страха души”. Разве плохо он за ней ухаживал? “Она ни разу на меня не взглянула, ни к кому, ни к людям, ни к собакам не подошла за всё это время. За чей грех она так ответила, кто и за что так сломал её душу?” – думал старик, возвращаясь домой.

Жизнь у Кырсы начиналась прекрасно. Её мать была лучшей собакой в питомнике. За умные глаза и за белый с желтизной, без единого пятнышка окрас Хозяин назвал её Умкой. Быстроногая Умка была хорошей соболятницей, да и на лося отлично ходила, ни разу не упустила добычи. Поэтому Хозяин держал её в построенном для лучшей собаки логове на возвышенности. Оно огорожено сеткой и самое просторное, а лежанка сколочена вся из свежих досок. Когда у Хозяина были гости, он приводил их сюда и долго, с удовольствием, с огоньком в глазах расхваливал таланты Умки и рассказывал о том, у кого и где её детёныши стали лучшими собаками.

ДМИТРИЙ НАУМОВ. РАССКАЗЫ.

Для самых близких Хозяин выводил Умку из клетки. И тогда все собаки в питомнике чуть не сходили с ума. Те, кто на цепи, до того заливались лаем, что в конце только еле хрипели. А те, кто в вольерах, так и повисали на сетке. Только одна собака, Чара, не принимала участия в этих приветствиях и пряталась в конуре. Она была старой примой этого питомника. Как-то раз за ней недоглядели, оценилась на улице и отморозила соски, с тех пор у неё плохо выживало потомство.

Хозяин знал, что она великая охотница, много он с ней зверья добыл, но с тех пор, как он стал продавать щенят, его отношение к ней резко изменилось. Когда подходил к ней, уже не рассказывал, как прежде, чуть преувеличивая и с придыханием, о её достоинствах. Если кто и выражал интерес, то начинал с небрежного “эта собака”, и рассказ постепенно затухал. Даже стали плохо убираться в её логове, лаз, который она выкопала под сеткой у лежанки, второй год как не заделывали. Туда иногда залезали отбившиеся от матерей щенята и возились друг с другом. Старший Сын Хозяина, грузный и чернявый человек, её недолюбливал. Она слышала, как несколько раз он говорил отцу:

– Зачем ты держишь эту собаку, пора ей голову прострелить. У неё мало щенков, да и те, если выживают, хилые – из-за того, что у неё нет молока, и плохо идут на продажу, даром только корм изводим. Была бы вот как Умка. У неё щенки нарасхват идут. Вот это настоящая собака. А эту надо убить, – и важно расправлял широкие плечи.

Чара не дыша, жалко моргая глазами, ожидала, что ответит Хозяин.

– Пусть лежит. Ни одна собака ещё не добыла столько, сколько она, ни одной пока за ней не угнаться. Когда получим от Умки еще пару хороших сук, тогда и порешим. Умка с Кустуком обязательно должны дать хорошее потомство, – сказал тот и прошёл мимо, даже не взглянув на бедную Чару.

А раньше, когда приходили его друзья, или на охоте, она часто ложила голову ему на колени, и он, поглаживая её, взахлёб о ней рас-

сказывал. Всегда у неё стоит перед глазами, как он после большой охоты, лоснясь от жира после обильного угощения, по-царски восседал перед своими собранными отовсюду компаньонами, льстиво следящими за каждым его движением, за каждым его словом. Если благоволил Баай Байанай (*Дух тайги, покровитель охотников. – С.Ф.*), начиналось великое пиршество, то, что называется трапезой Омоллоона, ысыахом Джергестея.

Сейчас ничего этого нет. С тех пор, как завелась эта гладко-белая, которая летит, как пущенная стрела, кончилась для Чары вольготная жизнь, и, вспомнив обо всём, она глубоко вздохнула. Все её сознание заволокли чёрные тучи злобы, ревности, ненависти ко всему, что вокруг по-новому зарождается и развивается. От своего бессилия она заметно исхудала. На осенней гоньбе, когда Умка остановила лося, она не присоединилась к лающей своре, отошла к лошадям и улеглась возле них. От накатившей злобы, ревности, чувства соперничества не притронулась к угощению, когда завалили-таки сохатого.

Два дня суетился Хозяин, подготавливая логово для беременной Умки. На третий день настала для хозяев большая радость. Не нахвоятся Умкой, которая принесла четырёх щенят. Чаара видит всё это. Старший Сын аж руками взмахнул: “Вот эти два щенка точь-в-точь как их отец Кустук”.

“Ну и что в этом такого? Если лечь под Кустука, то, конечно, похожего на него родишь”, – огрызнулась в душе на него Чара.

Когда щенки прозрели и вышли в вольер матери, началась другая суета. Понаплыли покупатели, пошли разговоры о торговле. Чара все это видит и слышит, и кровь в ней бурлит от злобы, и клянёт она свою никчемную жизнь. Дни идут, она стареет, а конец всё ближе. И ничто это не может остановить, все в жизни течёт, все меняется.

В это время и подрастала маленькая сучка, прозванная Кырсой за свой песцовый, как у матери, окрас. Все пришедшие любовались ею. Все её ласкали и гладили. Особенно любил её

хозяйский Внук-Шалун. Брал Кырсу на руки, таскал её везде. Видя это, Хозяин прикрикнул на него:

– Ноо (сокр. от “нохоо” – грубое (часто шутливое) обращение к лицу младше себя по возрасту. – С.Ф.), ты сильно-то не лапай её, она станет хорошей собакой, как её мать. У себя оставим. Она вот эту, Чару, заменит.

У Чары, как только он это произнёс, всё вскипело внутри. С этого дня у неё кусок в горло не лез. Однажды к Внуку-Шалуну пришли его друзья, и он выпустил щенков Умки из клетки, чтобы показать им. Радостные от свободы щенята разбежались по двору, и дети тоже погнались за ними. Один чумазый мальчишка побежал за Кырсой, несколько раз промахнулся, пытаясь схватить. Пробегая возле логова Чары, он загнал Кырсу в угол. Чуть было не поймал, но она успела юркнуть через лаз, который выкопала Чара, к ней в клетку.

Чара, которая до этого лаяла на детей, с остервенением накинулась на Кырсу, искавшую спасения в её клетке, смяла и несколько раз схватила её зубами. Услышав её смертный визг, из дома выскочила хозяйка и, еле отбив щенка, занесла трясущуюся от ужаса Кырсу обратно в клетку матери. Она долго болела и превратилась в запуганного, дрожащего ото всего на свете щенка.

Её отдали парню Бааске, который пришёл по поручению своего начальника покупать щенка. Он долго не торговался, благо за ту скидку, которую хозяева сами ему давали, он мог покрыть тот ущерб хозяйским финансам, который нанёс, потратив по пути деньги на пиво.

– А что она такая пугливая? – только и спросил.

На что Хозяин ответил:

– Да собака её схватила, это скоро пройдёт.

Но страх у бедной Кырсы не проходил. Она глаз ни на кого не могла поднять, ни к кому не ластилась, ни с кем не играла, по краю забора, под кроватью – только там и были её стёжки-дорожки. Когда где-то собирались собаки и начинали свой лай, она вспоминала злобный рык Чаары, видела над собой её острые клыки

и чувствовала ту страшную, обжигающую пламенем боль. Никакие ласки, никакое доброе отношение не могли восстановить её сломанный, разрушенный душевный строй. Тогда её показали ветеринару Уйбаану:

– О, её же сильно обидели в детстве. Это неизлечимо. Что человек, что животное, если у него с детства сломана душа, на всю жизнь у него остается это состояние вечной муки. Единички могут с этим справиться, но даже если это случится, все равно душевные раны остаются. А каких добрых, видно, она кровей! За что это только, какую страшную злобу на ней выместили? Но она уже конченная. Скоро она умрёт, такие собаки очень сильно подвержены болезням, природа-матушка от таких очищается, – сказал старый ветеринар.

Так и случилось, у бедной Кырсы пошли опухоли, и к двум годам она умерла.

Значит, не за что бывает удержаться “отлетевшей” душе в этом подсолнечном мире, чтобы не только радоваться его красоте, но и отвечать на его суровые вызовы!

*Перевёл с якутского
Семён Феоктистов – Сэргэх Сэмэй.*

ДМИТРИЙ НАУМОВ. РАССКАЗЫ.

Ольга ПАШКЕВИЧ

«Почему даже жизнь чужая Больше мне, чем моя, открыта?..»

* * *

Поклон, что указали мне дорогу,
А дальше мне самой идти по ней
К свершеньям новым, с прежней верой в Бога
При свете бледно-жёлтых фонарей.

Я знаю: цель моя пока не близко,
Не раз в глаза я зависти взгляну,
Но в храме Божьем вновь подам записку,
За здравие, где Вас упомяну.

И к счастью, что на жизненных ухабах,
Которые грозятся нас согнуть
Есть те, кто нас не осуждает – слабым,
А просто нам указывает путь.

* * *

Оставляю все лишнее:
Вес, уныние, грех,
Нравлюсь я себе нынешняя,
Зная, что не у всех
Чувство вызовет радости
Оставленье моё.
Кто-то буркнет из зависти:
– Вот опять за своё!
Ну и пусть себе шепчутся,
Ну и пусть говорят!

Когда Ольга Пашкевич начала преподавать в Якутском речном училище, одна из коллег посоветовала ей оставить педагогическую деятельность, чтобы не растерять литературные способности.

Прошли годы. Ольга стала кандидатом филологических наук, членом Союза писателей России, выпустила семь книг стихов и прозы. Ее произведения публиковались в таких изданиях, как «Литературная газета», «Роман - журнал XXI век», «Невский альманах», «Север», «Крым», «Доля», «Причал», в коллективных сборниках. В прошлом году она стала дипломантом Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова» (Анапа). Ольга лауреат региональной премии имени Кирилла и Мефодия, заслуженный работник культуры РС (Я). Пожелание коллеги не сбылось: Ольга по-прежнему работает в системе подготовки кадров для Ленского флота, в Якутском институте водного транспорта, здание которого уже много лет украшают белые паруса – символ романтики.

ОЛЬГА ПАШКЕВИЧ. «ПОЧЕМУ ДАЖЕ ЖИЗНЬ ЧУЖАЯ БОЛЬШЕ МНЕ, ЧЕМ МОЯ, ОТКРЫТА?..»

А мне жить стало легче так
Во сто крат, во сто крат.

* * *

Светлеет небо над Анапой,
Гореть устали фонари.
Мне б здесь побыть разочек с папой
Среди весёлой детворы.

Мне поиграть бы, посмеяться,
Шагать по улицам с ним в такт,
На волнах резвых покачаться
И быть счастливой просто так.

Не потому, что я богата,
Не потому, что молодец,
А оттого, что есть Анапа,
А в ней есть я и мой отец.

Судьба сгребла коварной лапой
Желаний утренних поток.
Мои внучата по Анапе
Идут с отцом. Храни их Бог!

ВОПРОСЫ

Почему нельзя слишком много?
Почему нельзя всё и сразу?
Чтобы все открыты дороги,
Чтобы все продуманы фразы?

Почему нельзя, что желаю?
Почему пределы, лимиты?
Почему даже жизнь чужая
Больше мне, чем моя, открыта?

* * *

Вот кто-то по дороге разбросал
Листы календаря на снег, на белый...
Весь старый год передо мной лежал,
Смотря глазами дней своих несмело.

Я вглядываюсь в жёлтые листья,
Как в фотоснимки прожитого нами,
Былого, затуманенного снами,
В котором навсегда остался ты.

Остался март. На улицах огни.
Тепло июля. Помнишь то свиданье?
И телефонов скромное молчанье,
И будни все, и праздничные дни.

Чернеют цифры белою зимой,
По ним проходят, топчут их ногами.
А я к листку, словно к цветку губами,
Прижалась к дню, когда ты был со мной.

ТВОЙ ДОМ

Вот он твой дом, в четыре этажа,
Второй подъезд, тридцатая квартира.
По лестнице ступала чуть дыша,
Чтобы любовь мне двери отворила.

А может быть, никто меня не ждёт,
Не помнят там давно о встречах прежних,
И он решил, что вовсе не придёт
Та женщина, что обещала нежность.

Она хотя и не умеет лгать,
Но в жизни нашей всякое бывает:
Беда, болезни могут помешать,
Или в пути заблудятся трамваи.

Или к другому подойдёт спеша,
Протянет руки, поцелует в губы...
Вот он твой дом, в четыре этажа,
В котором жить я никогда не буду!

* * *

Это просто странно, просто дивно:
Как усну, до самого утра
Снится почему-то город Мирный,
А я в нём ни разу не была.

Словно вижу улицу чужую,
Тусклый свет в зашторенном окне...
Может, в этом городе тоскует
Человек, не встретившийся мне?

ОЛЬГА ПАШКЕВИЧ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

* * *

Бесповоротно мчатся дни.
Сбежал январь, февраль кочует.
В предвосхищении весны
Не спит герань, тепло почуяв.

Уткнулась листьями в стекло,
На свет не может насмотреться.
И я на миг вернулась в детство,
В своё давным-давным-давно.

* * *

Я страдаю схематичностью
И по городу брожу.
Для твоей туманной личности
Сто вопросов нахожу.
Сто вопросов, сто таинственных:
Отчего? Зачем? Как быть?
Как ты стал таким единственным,
Что никем не заменить?

* * *

У вас одна дорога – небо,
А я земная из земных.
Ваш путь небесный мне неведом,
И нет на нём следов моих.

Ничто на этом небе звёздном
Вам не напомнит обо мне.
Мы повстречались слишком поздно
По воле чьей? По чьей вине?

Ответа нет. Тоска во взгляде.
Живу в предчувствии звонка.
В душе моей, а не в тетради,
О вас останется строка.

* * *

Враги мои ночами снятся,
А я давно их не боюсь.
Они, конечно, удивятся,
Узнав, что я за них молюсь.

Что я прошу опять у Бога
Их лучшей доли не лишать.
Зачем? Они и так убоги,
Грешили как, так и грешат.

А я сполна им всё простила,
И, встретив, прочь не убегу.
За то, что обретаю силы,
Спасибо другу и врагу.

* * *

О. Н. Птицыной

Я возрастаю, возрастаю
От нет – до да, от да – до нет.
И, возрастая, может, таю,
А может, излучаю свет.

Вам, окружающим виднее
Весь позитив и негатив.
Мудрее стала я, сильнее
Или ослабла, голос стих?

На спаде или на подъёме –
Вы разглядите за версту.
Кто принят мной, кто мной не понят,
Не обижайтесь, я расту!

* * *

Всё впереди с тобой у нас:
И общий дом, и летний вечер.
И мы отпразднуем не раз
Судьбой подаренные встречи.

* * *

Снова осень. Холодно в квартире.
За окном стучит бродяга-дождь.
Верилось с трудом, что где-то в мире
Обо мне мечтаешь ты и ждёшь.

В этом сером, мокнущем пространстве,
Где хозяин ветер и сентябрь,
Сладко думать, что от постоянства
Не устал ещё и не озяб.

И читать твой аккуратный почерк,
Что невзгоды все привёл к нулю.
Я любима, мне сказали строчки,
Я любима тем, кого люблю.

Саргылана НОЕВА,
кандидат филологических наук,
член Союза писателей РС(Я)

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ «ГОРОДСКОГО» ТЕКСТА В ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Исследование национальной образности, этнопоэтических универсалий, установление национальной сферы концептов в литературе, в том числе определение пространственных границ ментальности, рубежей маргинальности (отношение художественного субъекта к пространству)

в художественном тексте – такие исследовательские перспективы становятся актуальными в современной литературоведческой науке.

В этом исследовательском направлении представляет интерес изучение репрезентации бинарной структуры «город / село», активно реализуемой в якутской литературе, которая является одним из наиболее эффективных средств проникновения в концептосферу национальной литературы, в пределах которой наиболее ярко раскрывается уникальное качество национального мира.

Цель статьи – выявление особенностей функционирования образа города в якутской литературе. Содержание бинарных оппозиций «город / село» и рассматриваемые в его контексте художественные смыслы концептов «свой / чужой», «старый / новый», «открытый / закрытый», как специфика этнокультурного типа сознания, раскрывают специфический характер якутской литературы XX–XXI вв., сложившейся под влиянием динамичных исторических и культурных процессов. Определение роли данных уровней в структуре «город», исследование проблемы генезиса бинарных образов пространства, рассмотрение амбивалентной природы пространства города представляют интерес в контексте проблемы самоидентификации человека в урбанистическом пространстве.

Отношения между человеком и миром, конкретно географической реальией, где находится зона его проживания и сформирован его индивидуально-культурный образ, проецируются через так называемый геопозитический дискурс, предметом исследования которого является образ места и основ региональной идентичности.

В ряду исследований геокультурных образов в отечественной науке геопозитические образы русского мира привлекают особое внимание. Так, феноменология понятия «географическая топика» наиболее активно разрабатывается в отечественной науке в последние десятилетия,

САРГЫЛАНА НОЕВА. КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ «ГОРОДСКОГО» ТЕКСТА В ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА.

основываясь на исследованиях представителей московско-тартуской семиотической школы Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.М. Гаспарова, Вяч.Вс. Иванова, А.А. Зализняка и др., также работах Т.В. Цивьян, Б.А. Успенского, А.М. Пятигорского и др.

Здесь нужно отметить, что интерес к исследованию локальных текстов, а именно образа города и городских текстов, возник еще в 70–80-е гг. XX в., преимущественно, когда в 1984 г. В.Н. Топоров вводит в научный обиход понятие «петербургского текста». Его работа «Петербургский текст русской литературы», подход к анализу легли в основу дальнейших исследований городских текстов. Московские, петербургские, пермские тексты рассматриваются также в качестве концептуальных систем в трудах Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Д.С. Лихачева, З.Г. Минц, Т.В. Цивьян, Б.М. Эйхенбаум и многих др.

Методология текстологического подхода к культурным феноменам города транслируется позже на региональные, провинциальные географические пространства. В изучении провинциальных текстов русской культуры выделяются исследования по семантике городской среды (Пермь – у В.В. Абашева, Архангельск – у А.Н. Давыдова, Петрозаводск – у И.А. Разумовой, Челябинск – у Е.В. Милюковой и др.). Также исследуются локальные тексты оренбургского, крымского, калининградского и др. пространств.

Особенности структурирования региональных текстов легли в основу исследований, касающихся целостных геокультурных ландшафтов Урала, Кавказа, Сибири и др. В работах В.В. Абашева, Ю.В. Клочковой, М.А. Литовской, Е.В. Милюковой, М.П. Никулиной, Л.М. Слобожаниновой, Е.К. Созиной, Е.В. Харитоновой, А.С. Подлесных и др. накоплен большой аналитический материал по истории становления образа Урала в русской культуре. Сибирский текст как систему рассматривают многие ученые (А.Д. Агеев, Д.Я. Резун, М.В. Шиловский, Е.И. Дергачёва-Скоп, В.Н. Алексеев, Е.Ш. Галимова и др.), в

чьих работах словосочетание «сибирская культура» имеет широкое употребление. Сибирь, Север предстают как специфичное культурное явление, обладающее определёнными категориями и свойствами (пространство, время, вера, язык, социальная аморфность, носитель данной культуры – сибиряк, северянин и пр.).

Хотя проблема «город / село» специально не становится объектом исследования в якутской науке, вопросы, касающиеся данной методологической проблемы, частично рассматриваются в работах литературоведов П.В. Максимовой (проблема авторского Я в якутской поэзии), В.Б. Окороковой (жанровые разновидности якутского романа), Д.Е. Васильевой (романная полисюжетность), А.Н. Мыреевой (образы природы и человека), Ю.Г. Хазанкович (хронотоп кочевья), О.И. Пашкевич (национальная идентичность в прозе), С.И. Ефремовой (хронотоп дороги), С.Е. Ноевой (система хронотопа в якутских романах), а также в исследованиях специалистов, относящихся непосредственно к теме города: Л.И. Винокуровой (город в восприятии мигрантов), В.Б. Игнатъевой (город как место памяти), И.В. Покатиловой (образы православного Якутска), П.П. Петрова (городское зодчество) и др. Их исследовательская позиция направлена на раскрытие единого образа северной земли, в т.ч. города, как смысловой структуры, которая проявляется в константности образов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью в культуре народов Севера.

По отношению к якутской литературе можно говорить о возможности использования понятия «городского» текста, что подтверждается активной дифференциацией художественных элементов, складывающихся в единый текст и образующих целостные культурные коды, которые активно вовлечены в критерии выделения этого особого геопространства. Исходя из проблемы национальной идентичности в контексте «якутского» текста закономерно выделение культурной модели «город / село» в ас-

пекте системы бинарности, где активную роль играет контаминация понятий открытости / закрытости, своего / чужого, центра / периферии, света / тьмы и пр., которые образуют разноструктурные модели репрезентации. Об этой черте Текста и говорил Ю.М. Лотман, имея в виду «...кодую гетерогенность – непременную зашифрованность несколькими кодами, семиотическую неоднородность субтекстов, противоречиво стремящихся одновременно образовывать единый текст» [Лотман, 1984, с. 3]. Изучение функционирования данных пространственных антиномий сохраняет свою значимость в отношении актуализации глубинного национального подтекста литературы.

В якутской литературе начала XX в. формируется целостный геопозитический образ Якутии, где совокупность художественных элементов, образующих бинарную пару «город / село», образует то текстовое единство, через которое проявляются общее культурное пространство и особое ментальное сознание народа.

Восприятие мира через осознание своего «Я» в якутской литературе на глубинном уровне связано с образом родного края (алааса, тюелбэ-усадыбы), где сформирована личностная модель человека, ментальный образ народа, основан его принцип постижения окружающей среды. Вселенная якута, в которой алаас есть ядро, центр данного мира, состоит из нескольких структурных составляющих – это водные просторы (озеро, река, речка), возвышенности (мыраан, гора, тумул), низменности (толоон, сыһы, хонуу), растительный мир (лесной массив, растительность). Картина мира, связанная с родным краем, ассоциируется у якута с домом, матерью, едой, теплотой, безопасностью и т.д. Алаасу бинарно противопоставлен город, который в качестве одной из основных моделирующих пространство структур, требует более детального рассмотрения в контексте якутской литературы. Алас в данном исследовании нами рассматривается как смысловой аналог понятию «села», определяющий модель про-

странства, где оформились эстетические, социальные качества личности, которая в микрокосмосе человека выполняет функцию дома, родного гнезда.

Анализируя корпус текстов о городе Якутске, мы можем выявить городской аспект литературы в качестве особого ментального образа, который сложился под влиянием уникальных субстанциальных элементов. Якутск – это самый северный город, расположенный на вечной мерзлоте, живущий при экстремально-низких температурах. Это город форпост, расположенный на стыке континентов Евразии и Америки, который выполняет большую социально-политическую роль в развитии огромной территории Дальнего Востока. В нем удивительным образом сосуществуют и развиваются язык и культура многих национальностей, населяющих северный край. И весь этот исключительно глубокий пласт системы жизни на Севере находит своеобразное выражение в «якутском» городском тексте.

Начиная с произведений основоположников якутской литературы А.Е. Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй («Городские девушки», «Красивая девушка», «Сельская женщина», «Портреты якутских женщин», «Скупой богач», «Песня пьяного буржуя», «Сновидение шамана» и т.д.), А.И. Софронова-Алампа («Городчик»), Н.Д. Неустроева («Рыбак», «Дикая жизнь» и пр.), П.А. Ойунского («Дорогунов Николай – удалой молодец»), оппозиции «город / село» занимают большое место в формировании и установлении национальной картины мира, выявлении особых качеств мировосприятия в ментальном сознании якута.

В произведениях писателей геопозитические образы городского пространства и села воспроизведены наиболее колоритно, с использованием довольно контрастных ярких элементов, присущих тому или иному пространству. Так, в поэзии А.Е. Кулаковского наблюдается кардинальное деление картины мира якута на две реалии, представленные, соответственно, горо-

дом и селом. В частности, произведения «Деревенская женщина», «Песня столетней старухи», «Скупой богач», «Портреты якутских женщин», «Наступление лета» и др., которые датируются 1900–1910 гг., являются художественной перцепцией сельского социума начала XX в., где наиболее детально отображаются объекты, бытовые явления, события и ситуации, присущие якутскому наслегу.

Наиболее сильную степень чувственной рецепции вызывает городское пространство для сельского жителя, чей процесс познания мира основан на интенсивности, контрастности, новизне впервые узнаваемой реалии города. Произведения А.Е. Кулаковского «Городские девушки», «Красивая девушка» (1916), «Большая огнедышащая лодка» (1910), «Самолет» (1924), «Песня пьяного буржуя» (1915) и т.д. – это в какой-то мере художественная индикация впечатлений очутившегося в городских реалиях человека, а точнее человека нового мира о себе, людях, социальных явлениях, своих возможностях, также границах пространства, который дотоле был замкнутым в его понимании мира.

Картина городской среды, запечатленная в произведениях якутских писателей, представляет совокупность нескольких художественных элементов, раскрывающих внешний вид, «тело» города:

- архитектурных локусов (домов, улиц, рынка, проспекта, больницы, тюрьмы и пр.);
- ландшафтных характеристик пространства (низменность, берег реки, возвышенности-мыраан и др.);
- метеоролого-климатических условий (холод, мороз, снег, туман, тьма, жара и пр.);
- практически-деятельностного аспекта жизни (купечество, торговля, рыболовство, духовенство, просветительство и т.д.);
- образа человека начала XX в. (якутские купцы, меценаты, представители духо-

венства, ссыльные-заключенные, гимназисты, горожане, маргиналы и др.)

В произведениях начала XX в. зафиксированы все эти семантические пласты жизнедеятельности города. Основные урбанистические реалии, присущие провинциальному старому Якутску в виде художественного ландшафта – озеро Сайсары, якутская башня-острог, Гостиный Двор, Кружало, пригородный поселок Тулагы-Киллэм, гора Чочур Мыраан, Зеленый Луг, река Лена и пр., – это образы-индикаторы городского пространства, очертания и координаты которых уже достаточно четко были сформированы якутскими писателями. Геоядро текста, состоящее из данных образов, дополняется описаниями городских реалий – архитектурных локусов жилых домов, многочисленных улиц, городских базаров, гостиниц, больницы, тюрьмы и пр.

В рассказе А.И. Софронова-Алампа «Городчик» (1927), повести П.А. Ойунского «Дорогунов Николай – удалой молодец» (1935) впервые в якутской литературе появились и обозначились основные образы-маркеры городского пространства – это Гостиный Двор, рынок, гостиница; это персонажи пограничного пространства, выполняющие функцию медиаторов между мирами (городчика Степана и купца Дорогунова), в проекции пути которых можно проследить эффект внезапности, кратковременности, открытости и свободы. В якутской культуре ыалдьыт (гость), хоносо (ночной гость) являются по своим функциональным характеристикам образами-медиаторами, потенциальными гостями из «других» миров. К таким персонажам относятся также куораччыт (городчик) и атыысыт (купец), чьи образы имеют непосредственную связь с семантикой дороги.

Амбивалентная природа города, так или иначе связанная с карнавальской культурой (М.М. Бахтин), прослеживается в городском тексте начала XX в. в активном функционировании мотива празднеств – конских скачек, гуляний, ярмарок, вечеринок, картежных игр,

пьянств: «Саргылаах Сайсары эбэ хонуутугар, дьоллоох Дьокуускай туонатыгар, көрдөөх Көстүүнэй иһигэр киһи-сүөһү элбээбит эбит, көр-нар көбүлүттэн тардыллыбыт, оонньуу-күлүү оройуттан аһыллыбыт». В поздней литературе этот мотив будет обозначен в описаниях революционных волнений (у И.М. Гоголева, Софр.П. Данилова), тревожных дней забастовки политссылных в доме Романова (у В.С. Соловьева-Болот Боотур) и т.д. То есть наблюдается расширение и усиление мотива карнавальности, всегда несущего в своей основе ощущение некой лихорадочной возбужденности, когда энергия народной массы порождает тот же эффект карнавала, но уже в виде революционных движений, забастовок, локализованных преимущественно в городе.

Гротеск и гиперболизация являются основными художественными механизмами при конструировании городской среды. Гротескность как основной способ поэтики интенсивно проявляется в создании фантастического образа Города Будущего, который обозначен в рассказе П.А. Ойунского «Столетний великий план» (1927).

В произведении воссоздана захватывающая реконструкция облика Якутска: намечены принципиальные моменты, касающиеся реновации городского пространства – ландшафта, строительства домов, улиц, которые становятся неотъемлемой частью современного проекта города будущего с хрустальными дворцами, высокими бетонными домами, оснащенными современными коммуникативными системами: «Бүтүүбэр тийэн эттэппинэ – бу биһиги, ураанхай саха уу харахпытынан көрөр аан ийэ дойдубут киэбэ-киэлитэ тупсуоҕа, ньуура-сирэйэ көнүөбэ, ат атаҕа тостор, оҕус ырааҕа ыллар адаар мас муосталарбыт адьас сүөх буолуохтара, өрүс-өрүс, үрэх-үрэх аайы саас үйэ туххары турар тимир-бетон тирэхтээх тимир күрбэлэр оҕоһуллуохтара, таас суоллар лаһыгырахтара.

2013 сылтан 2017 сылга Дьокуускай ку-

орат киэбэ-киэлитэ тупсуоҕа, быһыыта-таһаата уларыыаҕа. Тимир-бетон дьыэлэр дьэргэһиэхтэрэ, курустаал таас дыбарыастар күлүмнэһиэхтэрэ. Дьэнкир таас уулусталарынан килбэһийиэбэ, араас мастар-оттор үүнүөхтэрэ» [Ойунский, 2003, с. 143].

Качественно увеличивающиеся свойства пространства (расширение, усиление, приумножение, прирост, размножение, возрастание и т.п.), как наиболее точно передающие энергетику городской жизни, раскрываются в субъективных ощущениях человека, когда его тотальная чувствительность создает картину шумной, бурлящей реальности города как динамично-светлого и вместе с тем пугающе-темного мира. Такую высокую степень гиперчувствительности можно наблюдать в описаниях всех реалий урбанистического пространства (движения улиц, процесса конских скачек, игры в карты, пьянок, вечеринок и пр.), где в избытке абсолютно всё – люди, деньги, транспорт, еда, движение, эмоции, веселье, идеи и т.д.

В произведениях А.Е. Кулаковского о первой встрече самолета («Самолет», 1924), большого теплохода («Большая огнедышащая лодка», 1910) создается образ большого, восхищающе-пугающего и как будто живого (!) железного организма, органически слившегося с шумным, громким единым механизмом под названием Город. Смысловая архитектура текста строится на олицетворениях (дьүһүннүүр тыллар, тыыннаабымсытыы), которые придают художественному субъекту черты огромного живого организма Парохода – үһун субурбан буруо тыыннаах, уот булкуур сүрэхтээх улуу-дьаалы Борокуот Аал (досл. огромная огнедышащая лодка со следом из стелющегося дыма, с огненно-ретивым сердцем) – восхищающе-завораживающего и пугающе-страшного одновременно: хаһытаан хардыгынатта, үһуутаан кункунатта, үллэ-үллэ үөгүлээтэ, дьуос-ляакыр тынырабын төлөрүтүннэ, сылаас паарынан сырылаччы тыынна, инсэлээхтик игиэтиннэ, ынырыктык ынчыктаата, тумсун тупсарынна, куту-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

ругун куйбараннатта, үрдээн күөрэйдэ, улаатан ньондойдо, дыгдайан табыста и пр.

Реальность и иллюзорность присутствия живого огромного зверя с железным пылающим сердцем, ощущение его очевидной мощи создают высокую степень иммерсивности в удивительное и фантастическое пространство города, порождающего искусственных чудовищ [Кулаковский, 1978, с. 101–102]:

(...) Мин барахсан

(...) У меня – бедняги –

Куйахам күүрдэ,

В голове зашумело,

Кулгаабым чункунаата,

В ушах засвистело,

Кутум долгуйда (...)

Куд-душа затрепетала (...)

(...) Бу хаһытаабытыгар –

(...) Во внутренность свою

Халлааннын хабырытынна,

Просторную

Сирдиин ньиргийдэ,

Народу множество

Салгыннын сатараата,

Приняла,

Ол үһуутаабыта

После чего

Улуу дойду оһуһа

Вонзающийся прямо в небо

Орулаан эрэрин курдук

Гудок

Уһун үлүгэрдик

Пронзительно-зычным звуком

Ол-бу улуу үрэхтэр

Рывкнул несколько раз.

Улагаларын диэки

От рева такого,

Ой дуораана буолан

Небо тяжко заскрежетало,

Уораһыйан-дуораһыйан

Задрожала земля,

Кункунуу турда...

Затрясса воздух

От крика такого,

Словно от рева

Сказочного быка земли,

За далекими лесами и горами

Прокатилось эхо,

Гулко и мощно повторяясь (...)

(«Большая огнедышащая лодка» в переводе В. Солоухина, С. Подделкова)

Кстати, тут нужно упомянуть, что понимание Якутска как железного города становится традиционным для якутской литературы. Так, в романе писателя следующего поколения И.М. Гоголева «Черный стерх» встречается материал про пророчество удаганки о железном городе с железными птицами и орущими железными быками, бегающими над Сайсарским озером.

Мир города в произведениях первых писателей представляется пространством совершенно фантастическим, открывающим новые возможности для стремящегося к знаниям провинциала, в понимании которого вхождение в городское пространство эквивалентно Пространству Жизни, т.е. Якутск является для него единственным местом для реализации возможности «стать человеком», или иначе киһи-хара буолуо этэ. И потому образ семинариста, учащегося духовной семинарии, студента педучилища, пединститута возник как олицетворение героя нового времени в литературе, «героя познающего», который максимально полно реализует свои возможности именно в городском мире. К таким образам можно отнести персонажей А.Е. Кулаковского, П.А. Ойунского, А.И. Софронова-Алампа, Н.Д. Неустроева, Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа, Д.К. Сивцева-Суорун Омоллоона, А.А. Иванова-Кюндэ, С.С. Яковлева-Эрилик Эристина и др., чьими произведениями представлена якутская поэзия и проза 1900–1930-х гг.

И здесь надо отметить, что в восприятии данной среды можно наблюдать такую смысловую дихотомию, когда город, являясь для кого-то символом Жизни, становится для других Смертью / Хаосом.

Так, гимназисты, семинаристы, купцы, меце-

наты, представители духовенства, якутская интеллигенция начала XX в. и т.д., которые составляют ядро светлой, созидающей, динамичной городской среды, дуально противопоставляются «темным» субъектам городского топоса.

Образы «перевернутого» мира, или оксюморонные образы, становятся типичными для урбанистического топоса, а точнее «уличными» субъектами (уулусса киһитэ): это бродяги, бездомные, жулики, картежники, воры, авантюристы, проститутки и др. «темные» личности, прикрепленные к топонимическим реалиям тюрем, барачных, вокзалов. Они исполняют зеркальные по отношению к сельским (аласным) созидающим персонажам функции, характеризующиеся разрушением, потерей собственного Я.

Городская улица, по мысли Д.Н. Замятина, есть «самый загадочный географический образ. Это, в действительности, образ на краю, образ *ad marginem*, ибо на ней и посредством ее сталкиваются, борются, взаимодействуют совершенно различные представления, образы жизни, локализованные случаем в одном урочище» [Замятин, 2004, с. 212].

Восприятие города в качестве хтонического темного пространства, раскрывающего людские пороки, усматривается в дуальной сущности «перевернутого» образа в повести П.А. Ойунского – красавицы Суосалдьыйа Толбонноох-Мотуруоны, дочери главы Гостиного Двора, являющейся центром, украшением («дьоллоох Дьокуускай дууһата, көрдөөх Көстүүнэй көмүс чыычааба (...) Морудьуос кинээс кыһа Мотуруос оҕо») данного топоса и, может быть, даже его персонификацией, в отношении которой могут использоваться понятия красоты и безобразия, невинности и пошлости, чести и бесчестия, светлого и темного, правды и лжи и т.д.

Про первого героя авантюрного плана в якутской прозе Николая Дорогунова, в основном топологически прикрепленного к городу, говорится, что он до некоторых пор являлся городским оборванцем, нищесбродом: «(...) Дьокуускай бардаатын баранааба, ыалын

хоруоскаһыта, уулуссатын илэчиискэтэ (...)». В данном случае ратифицируются перевернутые роли персонажа, дуальной сущности человека, раскрываемые преимущественно в рамках городской обстановки. Темная сторона городского топоса, обнажающая людские пороки, усматривается и в таких описаниях: «Уксуу диэн, охсуһуу диэн, сакылаат диэн, саансыы диэн, эт мэйиилээх эймэниэн курдук, сүүс сүгүлэээн, аармыйа араллаана манна буолбут эбит».

В более поздней литературе темную сущность города и роль в нем мрачных субъектов урбанистической реалии (надзирателей, палачей, следователей, тюремщиков, заключенных), большей частью относящихся к ночной, теневой, малоизвестной стороне жизни города, можно будет проследить в атмосфере города-тюрьмы у В.С. Яковлева-Далана, воссозданной в романе «Судьба моя» (1994).

Перевернутость образов и ситуаций порождает двойственность в системе произведения как художественно-обоснованного способа отражения кризисности мира. В рассказе «Городчик» (1927) А.И. Софронова-Алампа создается яркий образ города, как пограничного мира, и городчика, путешественника между чужой и своей реальностью. Мир Степана разделяется на две плоскости – это городской топос и родной наслег. Двоемирие как мотивный комплекс объединяет, помимо хронотопов города и села также топосы гостиницы и родной юрты, образы картежников и домочадцев, медиатором между которыми выступает сам Степан. Хронотоп пути исполняет функцию пограничности и представлен в произведении в качестве границы экзистенциального значения.

Интересную художественную интерпретацию, порождающую двойную перспективу пространственной рецепции, получает описание природных ландшафтных характеристик, качеств рельефа местности, в восприятии которых определяющую роль может играть степень иммерсивности (погруженности, вовлеченности) в пространство. Так, для человека чужого, не-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

местного, который воспринимает окружающий мир Севера как минус-пространство, безграничность и простор ленских горизонтов становятся экзистенциальными абстракциями пустоты и небытия. В противовес ему свой, коренной человек может трактовать образ бескрайней долины Туймаады, на которой расположился город, как олицетворение широты и открытости души якутского человека. Например, в произведениях исследователей, писателей, других общественных деятелей иной национальности конца XIX в., по каким-либо причинам избравших предметом описания северный край (В.Г. Тан Богораз, А.А. Бестужев-Марлинский, В.Г. Короленко, В.Л. Серошевский и др.), северная земля, подвергаясь осмыслению в основном через понятие «чужбины», обретает в художественных текстах такие смысловые параллели, как Север, Сибирь, сибирская земля, северный край, сибирская окраина, «тюрьма без решеток», чужая, другая земля.

К примеру, в художественной системе произведений этнографа, писателя В.Л. Серошевского сибирского периода, который представлен рассказами «Осень», «Украденный парень», «Хайлак», «В жертву богам» (1890–1895 гг.), повестями «На краю лесов» (1896), «Предел скорби» (1900), «Побег» (1902), особую смысловую нагрузку несет концепт «края», который может интерпретироваться как чужбина, окраина жизни, крайность, конец. Данный ассоциативный ряд порождает новые смысловые параллели: Сибирь, Север, холод, смерть, жизнь, борьба. В свою очередь из этого смыслового ряда возникают следующие смысловые ассоциации – чужой, холодный, мрачный, твердый, непонятный, застывший, забытость, смерть, неподвижность, покой, характеризующие духовное состояние истосковавшегося по родине одинокого героя.

Якутск почти всегда описывался ссыльными как унылый, заброшенный город с неприглядной окружающей обстановкой, который страшил прибывшего в северные края суровым

климатом, необыкновенной отдаленностью от центра. Л. Ергина, приехавшая с мужем-политссыльным в Якутию, описывает Среднеколымск как ледяной город: «(...) Обычно печальная картина вечером принимала вид фантастически иллюминированного ледяного городка, каким открылся нам Колымск в первый вечер нашего приезда» [Радченко, 2009, с. 58].

В структуре пространства Якутска, отраженной в произведениях первых якутских писателей, особое значение придается субъектно-личностному субстрату: функционированию персонажей, утверждению их роли и места в городе, виду деятельности. Описаниям городской моды, через которую наиболее ярко отображается образ городской молодежи начала столетия, также отведено особое место. Например, про жительниц столицы у П.А. Ойунского говорится:

«... саха баайдарын кыргыттарга былыргы бууктаах соннорун кэтэннэр, илин-кэлин кэбиһэрдээх кылдьыыларын илинэннэр, Камчатка көмүстээх буобурата бэргэһэлэрин кэтэннэр, чопчуура сандааран, туоһахтата күндээрэн, уу дьоруу ааттаабынан обустаран-уурдаран ааһаллар эбит»;

а у А.Е. Кулаковского о городской девушке отмечено следующее:

(...) Бу кэнниттэн
 (...) После этого
Куустаах сыаналаах
 Драгоценный кулон
Кулуон тимэбинэн
 На цепочке на грудь повесила.
Куолайын куустарда,
 Газовым платком
Хаасабай хаалтыһынан
 Шею свою украсила.
Хабарбатын баанна.
 С крупными камнями браслет
Бөдөн таастардаах
 На руке своей застегнула.
Бөбөх көмүһүнэн
 Белые шелковые перчатки

Мөлбөрө-дьолуо харытын

До локтей она натянула.

Бобо куустарда.

Из отборного соболя

Малынабай баархат

Шапочку на себя надела.

Харсыатын хатанна,

Поверх этой шапочки

Биэлэй солко бэрчээкитин

Пуховым платком покрылась.

Бэгэчигэр диэри кэттэ,

Ридикюль с позолоченной цепочкой

Дыраапай холуоһатын

В руки взяла (...)

Дыгаччы анньынна.

Саарба талыыта

Саапыска бэргэһэтин

Саалынан саба ылларда.

Иилэбэс көмүс былаах

Иридикиил симэбин

Илиитигэр илииннэ (...).

*(«Городская девушка» в переводе
В. Солоухина, С. Поделкова).*

И здесь нужно отметить исключительное значение субстрата духовно-культурной сферы в формировании городского текста, включающего мифы и предания, памятники искусств, философские, религиозные идеи, память об известных горожанах и т.д., являющегося по сути внутренним (одухотворяющим) наполнением атмосферы города. Важную коммутирующую функцию данного субстрата, который объединяет все элементы текста воедино, отмечает В.Н. Топоров: «... формирует внутри него (текста. – С.Н.) ту атмосферу повышенной, даже гипертрофированной знаковости, которая, с одной стороны, связывает все воедино, уединообразивает текст, минимализирует случайность, а, с другой стороны, обучает своего потребителя правилам пользования этим текстом, толкает его к осознанию некоторых более глубоких структур и уровней» [Топоров, 1995, с. 22–23]. Мифологический нарратив о первопредках Омогое и Элляе, легенды о Тыгын Дархане, ро-

дона начальнике священной долины Туймаады, Мазары Бозекове, русских первопроходцах, воеводах, губернаторе Иване Крафте и других знаковых фигурах, «прикрепленных» к городу как географически, так и исторически, формируют целостный колоритный вид городского пространства как сложного культурного организма, то есть, как отметил Д.Н. Замятин, «... место открывается местному сообществу или какой-то его части как феноменологическая “возвышенность”, как непреходящая внутренняя “достопримечательность”, определяющая ядерные экзистенциальные смыслы» [Замятин, 2009, с. 19].

Локальные мифы городского пространства, сотканые из множественных нарративных источников, состоят из знаковых мест памяти в городском ландшафте (Чочур Мыраан, озеро Сайсары, Зеленый Луг, местности Куллаты, Тулагы-Киллэм, долины Туймаада, Эркээни, Энсиэли, Табагинский мыс, церкви, старый город, Залог, река Лена и т.д.), рельефно очерченных и создающих географические координаты современного города. Весь этот культурный пласт *genius loci*, отмеченный в произведениях основоположников литературы, находит актуальное выражение в последующем материале якутской литературы.

Прошлое время городской жизни, сконцентрированное в памятных нарративах, переплетаясь с настоящим временем, повседневными событиями, происходящими в жизни горожан, создает уникальный характер города как геопозитической системы. Данные субстраты в комплексе «наполняют» пространство города, образуя тот компонент городской среды, который формирует содержательный аспект геотопоса – динамичный, хаотичный, стихийный, беспокойный, тревожный, переменчивый, пестрый, яркий лик города Якутска.

Современное состояние образа города в якутской прозе есть результат историко-культурных трансформаций, однозначно отразившихся в национальном мироощущении народа,

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. ПУТЬ К ВЕРХНЕМУ МИРУ.

и потому изучение данной темы в литературоведческом аспекте способствует выявлению специфики индивидуального стиля, авторской позиции, особенностей конструирования национальной картины мира, а также определению принципов организации романного пространства, тематического, формально-содержательного, стилистического ядра художественной системы.

Таким образом, рекомендуемый нами в качестве самостоятельной вариативной единицы якутский «городской текст» имеет полное право на бытование в ряду других «текстов». Якутский городской локальный текст как единая художественно-культурная система может претендовать на самодостаточность своей специфичностью на фоне других локальных текстов. Так как будучи формой национальной художественной мысли, возникшей локально на Севере как автономная реальность, которая имеет совершенно оригинальные генетические, историко-культурные, поэтические параметры, якутский городской текст представляет собой художественное единство сложного структурного уровня, где включены в единое целое ландшафтные характеристики, образы природы, роль и место человека, и, конечно же, весь ментальный образ мира народа саха, которые в совокупности воспроизводятся через индивидуально-авторское, субъективно-личностное Я автора-якута, носителя национального самосознания.

Выделяющиеся в якутском городском тексте своеобразные культурные коды, универсалии имеют преформирующую роль в установлении оригинальной картины якутского мира, в зарождении особого ментального сознания и, как следствие, в утверждении проблем национальной идентичности, Инаковости, решение которых будет приоритетной задачей в современном литературоведении, поскольку вопрос о роли и места человека, этноса в эпоху глобализации остается одной из актуальных в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.
- Деткова Н.Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 18 (156). – С. 63–69.
- Замятин Д.Н. Локальные мифы: Модерн и географическое воображение // Обсерватория культуры. – 2009. – № 1, 2. – С. 14–23.
- Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – М.: АГРАФ, 2004. – 512 с.
- Кулаковский А.Е. Ырыа-хоһоон. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1978. – 296 с.
- Лотман Ю.М. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам-XVIII. –Тарту, 1984. – 140 с.
- Ойунский П.А. Сэһэннэр, кэпсээннэр. – Якутск: Бичик, 2003. – 192 с.
- Радченко Н.Н. Повседневная жизнь политических ссыльных в городах Якутии в начале XX века // Межкультурное взаимодействие в Сибири: историко-этнографические, лингвистические, литературоведческие аспекты. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2009. – С. 57–62.
- Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.

Майя ТОБОЕВА,
г. Якутск

ТАЙНА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ*

(Школьная повесть)

Я боюсь абаасы* (**абаасы – злой дух. – Прим. авт.*). В городе, понятно, я о них и не думаю, но мы с моей старшей сестрой Вероникой каждый год уезжаем на все лето к бабушке Уле, маминой маме. Здесь все по-другому. Когда мы с Вероникой идем на озеро за водой, за нами следит взглядом ворон. Он сидит на высохшей лиственнице – другие птицы никогда на нее не садятся – и смотрит на нас. Мне от этого жутко. И я, кажется, знаю, кто это...

Когда я была маленькая и играла во дворе, бабушка всегда загоняла меня в дом, если налетал ветер. Она не давала мне даже собрать игрушки, подталкивая в спину, так что иногда я чуть не падала, и мне становилось еще страшнее, потому что эбэ* Уля (**«эбэ» – «бабушка». – Прим. авт.*) добрая, и если она так больно толкается, значит, сама боится. Не ветра, конечно. Чего-то другого... Это был не обычный летний

*Школьная повесть «Тайна лесной поляны» в 2016 г. вышла в финал Всероссийского конкурса «Книгуру».

ветерок – спасение от жары и комарья, а резкий, закручивающий пыль столбом и поднимающий в воздух скошенное возле дома сено. Затихал он так же внезапно, как и налетал. «Он приходил...» – вполголоса сообщала вечером бабушка дедушке, и они понимающе переглядывались. «Кто приходил, эбэ?» – допытывалась я, потому что стены казались мне достаточно надежным укрытием от опасности, притаившихся снаружи, а бабушка делала сердитое лицо и махала руками – замолчи, мол. Дедушку же вообще бесполезно расспрашивать – он, конечно, словоохотливый и любит рассказывать разное, но только то, что сам хочет.

Однако в конце концов я догадалась.

На пути к озеру есть ётэх* (**ётэх – брошенный дом, развалины. – Прим. авт.*), где давно, до войны, жил шаман. Бабушка говорит, что его имя нельзя называть. Только один раз она рассказала (причем шепотом), что у него было три сына, и все трое в 1941-ом ушли на фронт. А после Победы вернулись – живые и невредимые. «Бывает же такое... Всю войну в пехоте – и ни одной царапины», – вставил тогда дедушка. «Отец от них смерть отвел», – убежденно сказала бабушка. А еще сказала, что о нем нельзя попусту трепать языком, потому что «он слышит».

Высохшая лиственница стоит неподалеку от того етеха. Значит, ворон, который на ней сидит, и внезапно налетающий ветер – это все «он».

Я давно привыкла к тому, что здесь нельзя шуметь, особенно по вечерам. Кругом ётэхи – не шаманские, но когда смотришь на почерневшие, растрескавшиеся от времени остатки бревенчатых стен, покосившиеся коновязи и ямы на месте погребов, поневоле прикусишь язык. От одного «двора» до другого – идти и идти, некоторые разделены то перелеском, то болотцем. «Раньше все так жили, – говорит бабушка. – Не то что сейчас, когда соседи тебе в окна заглядывают». Ну уж и заглядывают! В деревне усадьбы просторные, и чтобы заглянуть в чье-нибудь окошко, надо обладать снайперским зрением. Но бабушка все равно считает, что жизнь в деревне – у всех на виду, и они с дедушкой с ранней весны до поздней осени живут в сайылыке*

МАЙЯ ТОБОЕВА. ТАЙНА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ.

(*сайылык – летнее жилище. – Прим. авт.), где, кроме них, никого нет.

Сайылык – это дом, амбар, хотон* (*хотон* – хлев. – Прим. авт.), обнесенные не забором, как городские дачи, а изгородью из жердей. Прошлым летом у нас неделю гостила Вероникина подруга Тамара. Она раньше ни разу не бывала в деревне и такой изгороди в глаза не видела. Подошла к ней в первый день и спрашивает: «Где калитка?» Я удивилась: «Нет здесь калитки». Тут удивилась она: «Перелезть через нее, что ли? Высоко же». Да зачем перелезть, когда можно спокойно пролезть между двумя жердями! Мы пролезли, а потом Тома сказала: «Тот, кто это придумал, воров не боялся». Но изгородь – не от воров, а от коров.

Хотя от такой коровы, как бабушкина Джоборо, никакая изгородь не спасет. Ей нипочем все изгороди: любые хитроумные затычки и задвижки она выталкивает носом, а потом шурует рогами, отодвигая жерди в сторону. Из-за этого мы белье и одежду после стирки вывешиваем сушиться, если ее нет поблизости – она носкоедка почище стиралки, а еще наволочкоедка и простынегрызка.

Но за Джоборо не всегда уследишь. «Будь она человеком, из нее бы вышел супервзломщик», – сказала Тома, разглядывая то, что осталось от ее любимой футболки. Да Джоборо и в коровьем обличье неплохо справляется! Больше всего бабушка с дедушкой боятся, как бы она не забралась на чужой покос. Хорошо, что по эту сторону озера – наша земля.

Само озеро очень большое. Оно начинается недалеко от бабушкиного дома, а где заканчивается – я не знаю.

На другом берегу все лето движутся малюсенькие фигурки – не разобрать даже, мужчины или женщины, только белые рубашки мелькают. Сенокос...

Тракторы с косилками не везде могут работать из-за кочек. Люди – работают.

Земли у нас мало, вот и приходится лезть чуть ли не в озеро: дедушка, стоя в болотных сапогах по колена в воде, косит траву. Если подойти поближе, слышно «вжик, вжик» – коса со свистом

срезает осоку, но издали кажется, что он движется совершенно беззвучно – как далекие фигурки на том берегу.

Мы с Вероникой – в резиновых сапогах, старых джинсах и рубашках с длинным рукавом, несмотря на тридцатиградусную жару – граблями с длинной ручкой выгребаем скошенную траву на сушу, а она мокрая, тяжелая и цепляется за все что можно. Увидел бы меня наш физрук – сразу бы поставил “пятерку” за четверть, а то и за год, хотя на самом деле я от него только и слышу: «“Четверку” я тебе, Эртюкова, ставлю разве что за старательность». Но физра по сравнению с сенокосом – курорт.

Самое ужасное здесь – комары. Возле озера их тучи, поэтому мы повсюду таскаем с собой старые кастрюли с тлеющим балбахом* (*балбах* – прошлогодний навоз. – Прим. авт.). Дым ест глаза, но без этого переносного дымокура никак. Нельзя же одной рукой сгребать сено, а другой – отгонять этих кровососов!

В первые дни болят руки, болит спина – все болит. Но через пару дней это проходит, правда, на ладонях остаются мозоли. Привыкаешь даже к жаре. Зато как приятно отдохнуть в тени копны, прихлебывая прохладный чай из банки, который дала с собой бабушка; вокруг стрекочут кузнечики, а с неба, где, распластав крылья, парит коршун, доносится его тоненький крик, похожий на долетевшее издали ржание жеребенка...

Тамаре на сенокосе пришлось несладко, но она не жаловалась, только в самую жару взмолилась: «Хотя бы искупаемся!»

Вероника сомневалась: во-первых, бабушке не понравится («Мы же воду отсюда берем»), во-вторых, вязко, топко, глубоко, а в-третьих... в-третьих, про это озеро говорят, что на его берегах рождается чудо-конь, быстрый, как птица, на скачках равных ему не будет, но перед этим озеро заберет жертву...

«Какую еще жертву?» – округлила глаза Тамара.

«Пятилетнего мальчика», – нехотя пояснила Вероника.

Ничего себе! Мне об этом она не говорила.

«А тебе не кажется, что мы староваты для

жертв? – съехидничала Томка. – И к тому же не того пола».

В конце концов, Вероника решилась («Только отойдем подальше от дедушки»), и Тома, быстро скинув одежду и на бегу отмахиваясь от комаров, бросилась к воде, но на полпути поумерила свою прыть:

– Да тут засасывает!

– А ты как хотела, это же не пляж. Подожди, вместе пойдем, – и Вероника, швырнув рубашку поверх лежащих на земле джинсов, строго посмотрела на меня:

– Глубоко не заходи, только до пояса, поняла?

Я послушно кивнула, а то с нее станется оставить меня на берегу. А я что, рыжая?

Тома с Вероникой шли впереди, высоко заколов волосы. Распустили бы – и правда стали бы похожи на жертв, предназначенных какому-то чудищу. Хотя Томины трусики в горошек и красный лифчик никак не напоминали одяние жертвы. Мысленно я накинула на нее белый балахон, потом подумала, что без балахона лучше. Мысли мои нарушил Вероникин окрик:

– Стой где стоишь! Дальше ни шагу!

И ее тоже – в пасть чудовищу. Пусть там покомандует.

– Ныряем? – повернулась к ней Тома. – Раз, два...

На счет «три» обе скрылись под темной водой.

А я стояла. Ноги все глубже погружались в ил, в ноздри бил запах тины, вокруг колыхались водоросли – настоящий подводный лес. Тут, наверное, и пиявки есть. Или... что похуже? По спине пробежал холодок, кожа покрылась пупырышками. Внезапно мне показалось, что там, в глубине, шевельнулось что-то огромное. С визгом я метнулась к берегу, уже зная, что не добежу, но тут рядом вынырнула Вероника и накинулась на меня:

– Чего орешь?

– Там... там...

– Где «там»? Что «там»? – Вероника была такая злая, что я подумала: если бы ее и правда отдали чудищу, еще вопрос – кто бы кого растерзал.

Вынырнувшая следом Тома, отфыркиваясь, подплыла к нам:

– Что за шум, а драки нет?

– Там кто-то есть...

– Конечно, есть. Карась какой-нибудь.

– Сама ты карась! Он большой.

– Насколько? Между глазами плот влезет? – Тома встала рядом со мной. Вода красиво стекала по ее загорелой коже.

– Какой плот?

– Из десяти бревен.

– П-почему из десяти?

– Ну, так про лабынкырское чудовище рассказывают. Не слышала, что ли? На Севере озеро есть, Лабынкыр называется. В нем чудовище живет. Оленей с берега помаленьку таскает, собак тоже жрет. Мальчика как-то слопало – пятилетнего или не пятилетнего, я не знаю. Его дед после этого бросил в воду для приманки кожаный мешок с горячими углями и заарканил зубастое чудище. Оно потом издохло на берегу, не оставив для науки даже костей. Но его потомка видели русские геологи.

– А зеленых чертей они не видели? – Вероника все еще злилась на меня. – Все, пошли на берег. Хорошенького понемножку.

...Ни бабушка, ни дедушка ничего не сказали им по поводу купания. Зато сказала начальница почты Клара, когда мы через два дня заглянули туда по дороге в магазин: «Мои на покосе совсем про работу забыли. Дед жаловался – сидят целый день с биноклем в камышах...»

Вероника и Тамара с хохотом выскочили на крыльцо, а Тома еще чьи-то стихи вспомнила: «Девки в озере купались, их надежды оправдались». Она любила стихами разговаривать – когда уезжала, продекламировала: «Целое лето – без света и Интернета! Вы просто героини».

Люди ушли из этих мест после войны. Сейчас выбирают сюда летом на сенокос – в объезд озера на тракторах и мотоциклах, а осенью по ягоды – по протоптаным в лесу коровьим тропкам. Они, в отличие от человеческих, узенькие, к тому же изрытые копытами так, что идти неудобно. Мы с Вероникой ходим по ним в магазин за хлебом.

МАЙЯ ТОБОВА. ТАЙНА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ.

До деревни километра четыре, но кажется, что намного больше, особенно когда за плечами рюкзак, полный горячих буханок. Спину припекает, голову тоже, да и вообще я чувствую себя так, будто меня сунули в пышущую жаром печку. Из-за проклятого комарья на нас не только штаны и резиновые сапоги, но еще и куртки.

Когда в Якутске был Чемпионат России по вольной борьбе, по телевизору показывали спортсменов – они хором жаловались на комаров, хотя какие в городе комары! Здесь никто из этих борцов, наверное, не выжил бы, думаю я, глядя на маячащий впереди Вероникин рюкзак, который намного тяжелее моего. Но я еле успеваю за ней. Каждый сапог весит, кажется, тонну, лямки рюкзака больно врезаются в плечи, а деловитое комариное гудение способно, кажется, пробурлить мозг...

Время от времени мы устраиваем привалы на полянках, но есть одна, на которой никто из нас – ни вместе, ни поодиночке – не будет останавливаться.

С виду она очень красивая. Выходишь из темного ельника, и сразу становится белым-бело – вокруг поляны одни березы, высокие и прямые, как свечки. И сама она светлая-светлая, но при приближении к ней у меня по спине пробегает холодок. Даже Вероника, которая всю дорогу напевает под нос, замолкает и ускоряет шаг, и мне приходится почти бежать, чтобы не отстать от нее. Внутри все сжимается от ужаса и разжимается только тогда, когда страшное место остается далеко позади. Сестра снова начинает тихонько мурлыкать, а я – размышлять, что хуже – комариное «пение» или Вероникино.

Конечно, можно было бы обойти ее, но наши рюкзаки всегда слишком тяжелые, а поляна – слишком большая.

Мне никогда не приходило в голову поговорить об этом с Вероникой. Она старше меня на целых девять лет, и с ней особо не поговоришь, чаще всего я слышу от нее «отстань». Особенно дома, в городе. Сунешься к ней в комнату, а она сразу: «Брысь отсюда!» И мама всегда на ее стороне: «Не мешай сестре заниматься!» Ага, занимается она, как же... Сериалы смотрит, правда,

без перевода – на корейском, на английском, ведь наша Вероничка учится в Институте зарубежной филологии и регионоведения (язык сломать можно!).

Когда она только поступила в этот свой ИЗФИР, дядя Дима, папин брат, сказал:

– В наше время он назывался ФИЯ. Знаешь, как это расшифровыва-лось?

Вероника засмеялась:

– Ну уж и расшифровывалось! Тоже мне задачка. Факультет иностранных языков!

– А вот и нет. ФИЯ – это факультет испорченных якуток. Сейчас, выходит, ИЗФИР... Институт задавак и расфуфыр!

И тут же подарил этой задавке и расфуфыре новый ноутбук. А мне – плюшевого зайца. Наверное, чтобы дополнить мой зверинец. У меня этих зайцев, медведей и собачек уже восемнадцать. Взрослые, наверное, думают, что я их ем. Или солю. А Веронике дядя Дима, между прочим, собачек не дарил – даже когда она училась в школе. Всегда спрашивал, чего ей хочется.

Интересно, если бы папа был жив, он бы меня спрашивал? Я его не помню. Совсем. Он умер, когда мне было три года. Иногда я думаю – любил ли он меня? А то дядя Дима больше любит Веронику. И бабушка Аня, папина мама, – тоже. Говорят, что Вероника похожа на нее.

Но я думаю, что бабушка любит Веронику не только поэтому. Каждый год они вдвоем ездят на папину могилу. А мама – нет. И мне не разрешает – говорит, что детям туда нельзя. И никому нельзя. Но ведь бабушка Аня с Вероникой ездят! И дядя Дима, который живет в Москве, когда приезжает в Якутск, обязательно там бывает.

Но с мамой на эту тему не поговоришь, она рассердится. Она сердится и тогда, когда Вероника едет с бабушкой на кладбище. А Вероника злится на маму за то, что она остается дома. Возвращается всегда грустная – придет, запретится в своей комнате и сидит, ни с кем не разговаривает.

Я уже думала, что сестра не очень любит нас с мамой, но когда ей пришла пора заканчивать школу, дядя Дима захотел, чтобы она училась в

Москве. И бабушка Аня хотела – даже приходила уговаривать маму. Так-то она у нас почти не бывает, хотя живет неподалеку. Мы сами к ней ходим – мама отправляет Веронику полы мыть и продукты покупать, ну и меня – помочь, если надо. Поэтому я открыла рот, увидев бабушку Аню на пороге.

Мама сразу же загнала меня в мою комнату, но я многое слышала – они говорили за закрытыми дверями, но если повышали голос, до меня все прекрасно долетало.

– Я помогу, и Дима тоже! (Это бабушка.)

– Вы говорите так, будто я отказываюсь ей помогать! (Это мама.)

– Почему она должна жертвовать собой? (Бабушка.)

– Я ее не держу. Захочет – поедет. (Мама.)

– В том-то все и дело, что она хочет, но думает, что тебе одной будет слишком тяжело с Ланой!

Я аж глаза вытаращила: что значит – маме будет слишком тяжело со мной? Я что – тот чемодан без ручки, который и тащить невмоготу, и бросить жалко?

А когда бабушка уходила, у мамы глаза были на мокром месте. Довела все-таки. В воскресенье я даже не хотела к ней идти – пусть сама свои полы моет, но Вероника так на меня посмотрела, что пришлось тащиться. Там они обе шушукались на кухне, только на этот раз я ничего не слышала, потому что сестра догадалась включить телевизор. После этого я думала, что она все-таки уедет в Москву. Но Вероника осталась.

Дядя Дима тогда сильно расстроился. Мне даже жалко его стало. Кстати, он единственный, кто объяснил мне про кладбище:

– Видишь ли... У якутов не принято ходить на могилу, если прошло три года.

– А мы разве не якуты?

– Здесь, в городе, другие порядки.

Это я и сама знаю.

Неподалеку от дома эбэ Ули есть старое кладбище, где могилы похожи на домики – есть и крыша, и окошки. Когда я была маленькой, мне очень хотелось там поиграть. Однажды красивая голубая бабочка полетела в ту сторону, и я, долго думая, устремилась за ней, но добежать

до «домиков» не успела. Бабушка меня догнала, схватила за руку и потащила обратно.

Я упиралась:

– Пусти, эбэ! Бабочка улетит!

– Пусть летит! Это не бабочка, а абаасы!

– Я к тем домикам хочу!

– Не показывай! И не смотри туда! Нельзя!

Это не домики, а могилы. Абаасы нарочно тебя туда заманивал...

Думаю, эбэ Уля и моей маме говорила в детстве то же самое. Так что нечего удивляться, что она сейчас не ходит на кладбище к папе.

– Дядя Дима, а ты не сердись на маму?

– С чего ты взяла? Почему я должен сердиться? Это, знаешь, дело добровольное – ездить, не ездить. Человек сам решает.

– А бабушка Аня, по-моему, сердится. И на меня тоже.

– Вот еще выдумала! Если хочешь знать, она на тебя сердилась один раз в жизни. Рассказать? Когда тебе было два года, пришли вы к нам в гости, а она волосы красила. Ты посмотрела на нее, внимательно так, а потом запела:

«Да что ж ты страшная такая,

Ты такая страшная,

И ненакрашенная страшная,

И накрашенная!»

Дядя Дима – большой весельчак и выдумщик, хотя его профессия, как говорит мама, к этому не располагает. Он хирург. Но рассмешить может любого. И не только рассмешить. Если надо что-то объяснить, никто лучше него этого не сделает.

А от Вероники не дождешься. Особенно, если ей так же страшно, как и мне. Какие уж тут разговоры! На подходе к поляне – слишком жутко, после нее – будто гора с плеч, да и наш сайылык уже близко.

Последний рывок – и мы дома, где на столе ждут кружки с молоком, которые эбэ Уля долго держала на жарких углях, отчего оно покрылось слоем пенки – не той противной пенки из молочного супа, который заставляли есть в детском саду, а совсем другой – нежной, тающей во рту. Если поскрести ложкой стенки кружки, соскоблишь золотисто-коричневатую корочку, вкуснее которой нет на свете. Потом выйдешь

МАЙЯ ТОБОВА. ТАЙНА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ.

во двор, а там дремлет в тени амбара старый дедушкин пес Мойто, а рыжий теленок Кытаппай с белой звездочкой во лбу, которого бабушка выпускает из хотона пощипать травку, по-хамелеоны вытягивает язык, выпрашивая корку хлеба или кусочек сахара (а то, глядишь, и печенье перепадет!). От прикосновения его теплого шершавого языка все страхи сразу исчезают, будто и нет на свете той страшной поляны...

Однажды мы с Вероникой пошли по ягоды. Был конец августа, созрела брусника, и все – даже древние старухи, даже детсадовская малышня – ринулись с ведрами в лес.

Эбэ Уля время от времени вздыхала, что некоторые любят морс, но не понимают, что варенье в подполье само по себе не заведется, и в конце концов Веронике надоело это слушать – она велела мне одеваться и взять маленькое белое ведро, сама взяла большое синее и пакет для грибов – мы их специально не собираем, если только случайно попадутся. А они, кстати, всегда попадают. Вот если бы мы именно за ними охотились – как пить дать попрятались бы.

В лесу было темно и сыро, пахло мхом, багульником и маслятами. Бабушка расстраивается, когда их много, и ворчит: «Опять коровы по лесам разбредутся», потому что на коров грибы действуют, как валерьянка на котов. Они даже про телят своих забывают, а когда все-таки вспоминают дорогу домой, молоко уже тью-тью. Джоборо, как ни странно, по грибы пока ни разу не убегала. Ей, наверное, наволочек хватает.

В городе этому никто не верит: «Вы там с ума сошли, что ли? Грибы коровам оставлять!» Но это дело привычки. Бабушка с дедушкой до сих пор ни огурцов не едят, ни помидоров. Да и на варенье особо не налегают – его ведь раньше не варили, потому что сахара не было, так что все дары природы подьедала, наверное, лесная живность.

И вот как раз когда я об этом подумала, мне в ногу с разбегу ткнулась мышь! Я заорала так, что думала – оглохну. Прибежала Вероника и моментально завелась: «Да что она тебе сделает, посмотри на себя – во сколько раз ты ее больше. Ей надо орать, а не тебе! И вообще – мышей бо-

ятся только слоны и дуры». Я даже хотела развернуться и уйти, но мы уже слишком далеко отошли от дома.

Я не люблю собирать с ней ягоды. То ли дело с мамой – набредем на ягодное местечко и сидим там. А Вероника носится по лесу, как угорелая – все ей кажется, что где-то ягод больше. Вот и попробуй наполни ведро! Только войдешь во вкус – сразу окрик: «Хватит, пошли!» И стоит над душой: «Пошли, я кому сказала!» И чего она боится, что я отстану – ее арии и глухой за километр услышит.

Но в тот день я, честно говоря, так увлеклась, что не сразу поняла, что вокруг почему-то тихо. Точнее, я поняла это, когда услышала шорох в кустарнике неподалеку. Стоп, а где Вероника? Она же не шуршит, она поет. И тут кусты раздвинулись, и оттуда вылезла... обезьяна. Настоящая живая обезьяна!

...Моя подруга Валька, когда сердится, говорит мне: «Что ты в ступор впала!» Но при виде этой обезьяны я по-настоящему впала в ступор. А она внимательно посмотрела на меня умными карими глазами, вздохнула и принялась собирать бруснику, деловито засовывая ее в рот. Жевала она совершенно по-старушечьи. Я обалдела еще больше, но потом заметила на ней ошейник и длинный поводок. Он тянулся к другому кустарнику, за которым мелькал белый платок. Обезьяна, не переставая жевать, время от времени поглядывала в ту сторону. Потом из-за кустов появилась симпатичная девушка:

– Не бойся, она не кусается, – улыбнулась она мне, ставя на землю почти полное ведро.

Я и не думала бояться. Просто удивилась. А кто бы не удивился, увидев в тайге обезьяну, уписывающую бруснику за обе щеки!

– А... откуда она у вас?

– Я в цирке работаю. Вернее, мы обе там работаем, – пояснила новая знакомая, ласково глядя на обезьянку, которая с озабоченным видом выискивала самые спелые ягоды. – Меня зовут Зина, а ее – Зита.

Услышав свое имя, Зита отвлеклась от поедания ягод, но ненадолго. «Война войной, а обед по расписанию», – говорит в таких случаях Валька.

Брусника посреди мха – местами ярко-красная, местами темная, почти черная – была похожа на гранатовые бусины, рассыпанные по темно-зеленому бархатному покрывалу, а Зита – ни дать ни взять любимица какого-нибудь раджи, который появится сейчас в окружении слуг...

Но вместо раджи из-за елок пуль вылетела взмыленная Вероника со сбившимся набок платком и уже открыла рот, чтобы устроить мне взбучку, однако увидела Зиту, растерянно перевела взгляд на ее хозяйку...

– Зина!

– Вероника!

Оказалось, они знают друг друга с детства, хотя удивляться тут нечему – Вероника ездила к бабушке с дедушкой еще тогда, когда меня и на свете не было. Она многих в деревне знает, я – только пару-тройку девчонок, потому что все время торчу в сайылыке, если не считать походов за хлебом, а Вероника еще и по вечерам ездит туда, как она говорит, «проветриться» – на мотоцикле с поклонником.

Поклонников у нее пруд пруди – что в городе, что в деревне. Кто-то с кем-то из-за нее даже подрался, но сестра мне ничего не рассказывает.

Сама я думаю, что это Чучуна* (*чучуна – снежный человек. – Прим. авт.) кого-то побил. На самом деле его зовут Костя, он чемпион района по национальным прыжкам, а Чучуной стал после того, как ему стукнуло в голову потренироваться зимой под открытым небом. И вот проскакал он по пустырю за магазином, не зная, что на него смотрит школьный кочегар Леня, который прославился тем, что за 20 лет работы ни разу не вышел на смену под градусом. Но в тот день он был не на работе! Увидев скачущую по наметенным за ночь сугробам фигуру, Леня заорал дурным голосом и кинулся в магазин. Вообще-то он и так туда шел – за добавкой, но даже не вспомнил о ней, когда чуть не вышиб магазинную дверь с криком: «Чучуна!» Его вытаращенные глаза и вставшие дыбом волосы – шапку Леня посеял где-то по дороге – произвели впечатление: посмотреть на чудище выбежали все, кто был внутри, включая продавщицу Мотю.

«Вот, глядите, какие следы огромные! – над-

рывался Леня. – А шаги! И ростом метра три, не меньше!» Это ему потом припоминали все. Ладно – следы (прыгал Костя в валенках), но сам-то он – метр с кепкой... в прыжке.

Вероника выше него даже без каблуков, но это его не останавливает, потому что сестра у меня красивая. Очень. И это иногда бесит. Потому что меня постоянно сравнивают с ней. Когда я пошла в школу, все бегали на меня смотреть, включая учителей: «Ах, это Вероникина сестренка!»

Так было и в тот раз. Зина тоже не удержалась от сравнивающего взгляда.

Охам и ахам не было конца. Зита аж про ягоды позабыла: вскарабкавшись на руки хозяйке, зачарованно уставилась на мою сестрицу, которая залиvisно хохотала, при этом ее длинные сережки из бисера (нашла что в лес надеть!) красиво поблескивали и качались туда-сюда. Вдруг Зита стремительно, как боксер на ринге, выбросила вперед лапу и схватила бы Веронику за ухо, если бы та не успела отскочить.

– Сережки! – догадалась я. – Она хочет твои сережки.

– А что ты раньше не сказала! – напустилась на меня сестра. – Стоит, главное, и молчит!

– Это я виновата, не предупредила, – начала оправдываться Зина, поспешно отходя от нее. – Она же как сорока – падкая на все блестящее. Сколько раз в автобусе женщин за серьги и заколки хватала...

– Ты что, и в автобусе с ней ездешь? – изумилась Вероника, отцепляя под Зитино верещание сначала одну сережку, потом другую.

– А куда деваться, на такси с нашей зарплатой не разъездишься.

– Представляю, как весь автобус на уши встает.

– Ну, сначала-то никто внимания не обращает. Она же в памперсах и панамке, все думают, что ребенок, особо не приглядываются... пока она в чью-нибудь заколку не вцепится, – жаловалась Зина. – Недавно вот, перед самым отпуском, в бухгалтерии опозорились. Заглянула с ней туда узнать насчет отпускных, потом пошла к себе, а за мной – Люба, бухгалтер: «Четыре рубля вер-

МАЙЯ ТОБОВА. ТАЙНА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ.

ните!» Я не поняла – какие четыре рубля? А она говорит: «На столе до вас четыре рубля лежали, а после вас исчезли». Я давай отнекиваться, а потом смотрю – у этой дамочки во рту что-то блещит...

– Все четыре рубля нашлись? – засмеялась Вероника.

– А как же! Все в полном ажуре. И когда она только успела, – покачала головой Зина, а Зита сидела у нее на руках с невинным видом, не забывая, впрочем, зорко глядеть по сторонам – а вдруг снова появится что-то, достойное внимания!

Но самое странное я заметила на обратном пути. Когда мы почти подошли к той страшной поляне, Зита, натянув поводок, пошла в обход. Зина ею совершенно точно не управляла, – они с Вероникой всю дорогу упоенно трещали о каких-то одним им известных Юрах, Славиках и Сэмэнчиках...

Когда дома я рассказывала бабушке с дедушкой о встрече с Зитой, я сказала и о том, что обезьяна обошла ту поляну, – специально, вдруг бабушка мне объяснит про нее, но только зря старалась. Она, будто не слыша, принялась замешивать тесто для оладьев, а потом вообще ушла с миской за печку, всем видом показывая, что ей сейчас не до меня.

А дедушка спросил:

– Я тебе про верблюда рассказывал?

– Про какого верблюда?

– Обыкновенного, рабочего. На которых до войны в Алдан* (*Алданский район, райцентр – город Алдан в 530 км от Якутска. – Прим. авт.) грузы возили.

Я знаю, что на Алдане добывают золото. И до войны добывали. Но что там верблюды водятся – слышу впервые.

– Они там не водятся. Машин раньше не хватало, вместо них эти бедолаги были.

– Почему бедолаги?

– Дорога для них в один конец была – до Алдана. Потом погонщики, или как их там называли, обратно возвращались, а верблюдов оставляли. Отец однажды был в тех краях, пожалел одного такого, домой привел. Нам-то, детишкам,

радость, а коровы, как его завидят, с ума сходят. Мать ругается: «Убери его с глаз долой, всю скотину распугал!» Пришлось верблюду отдельный загон построить. Мы все время вокруг него крутились, и я уж не помню, кто первый додумался ему кукиш показать. А верблюд смотрел-смотрел, терпел-терпел, потом как плюнет! Слюна-то у него знаешь, какая?

– Знаю. По Интернету видела.

– По Интернету... А запах он тоже передает, Интернет твой? То-то. Вонь от нее такая, что в глазах режет, и поди потом отмойся.

– Он тебя оплевал, что ли?

– Да не меня, я рядом стоял, но мне и того хватило. А наши-то потом что удумали... – Дедушка вдруг замолк: со взрослыми так бывает, когда они начинают рассказывать что-то, по их мнению, непедагогичное, а потом спохватываются. Вот и он туда же.

– Что, дедушка? Скажи...

Дедушка покосился на печку и, понизив голос, продолжал:

– На этого верблюда аж из других наслегов* (*наслег – аналог русской волости. – Прим. авт.) взрослые приходили посмотреть, а мы их подготавливали кукиш ему показать...

– Совсем из ума выжил, – раздалось из-за печки. – Ты чему ее учишь?

– Так ведь это... я ж просто рассказываю.

– Ты рассказываешь, а она на ус мотает, – бабушка, судя по звукам, энергичнее заработала мутовкой.

– Да что она там на ус наматывает... К тому же у нас и верблюда-то нет! – нашелся дедушка.

– Еще чего! Нам только верблюда не хватало, – проворчала бабушка.

Я только перед сном сообразила, как ловко они увели разговор в сторону. От той поляны...

Через два дня мы уехали обратно в город, и я до поры до времени благополучно о ней позабыла. Ведь город – это дом и мама. А еще школа, Валька и Дездемона.

Дездемона, правда, учится у нас только с прошлого года. Вообще-то она, конечно, никакая не Дездемона, а Кэрэчээнэ Гуляева, но Дездемоной стала сразу, как только появилась в

нашем классе, избежав тем самым гораздо худшей участи.

В середине сентября, когда отдохнувшие на морях уже перестали сравнивать, кто круче загорел, а все фотки с пляжей под пальмами были по сто раз пересмотрены, и жизнь вошла в привычную колею, Сардаана Семеновна вошла в класс с маленькой девочкой – маленькой не в смысле возраста, а в смысле роста: даже я была выше ее на полголовы, а Валька – так вообще на целую голову. Девочка была хорошенькая – с ямочками на щеках, русоволосая и беленькая (у нас таких никогда не было – класс-то якутский). Портили её только оттопыренные уши, к тому же почему-то краснеющие больше лица.

Когда Сардаана Семеновна назвала имя новенькой, глядящей от смущения в пол, Витька Филиппов сразу же зацокал языком на весь класс – типа, он удивлен. Новенькая мгновенно залилась краской, а уши так вообще побагровели, и Филиппок, судя по выражению лица, как пить дать собрался на ближайшей перемене проехаться по ним.

В деревне у бабушки тоже есть девочка по имени Кэрэчээнэ, и хотя уши у нее нормальные, но она косит одним глазом, поэтому мальчишки дразнят ее «Марачаана»* (*игра слов: Кэрэчээнэ – имя, образованное от слова «кэрэ» – «прекрасная», Марачаана – прозвище от слова «мара» – «уродливая». – Прим. авт.).

Глядя на Филиппка и новенькую, я уж было подумала, что и тут этого не миновать, но спасение пришло с неожиданной стороны:

– Кэрэчээнэ, ты будешь сидеть со Славиком Борисовым!

У Славика папа был из африканской страны Мали, о чем нам по секрету рассказала Юлька Федотова, чья мама работает вместе со Славиковой тетей, и Юлька как-то подслушала их разговор, а потом не успокоилась, пока не растрепала об этом всему классу – то есть девчонкам, конечно. Станут мальчишки ее сплетни слушать. Хотя и среди них попадаются кадры – взять, например, Филиппка.

Но прозвище новенькой дал вовсе не Филиппов. Мы потом пытались вспомнить, кто первый

крикнул: «Отелло и Дездемона!» – да так и не смогли.

Вообще-то Славика самого по себе никто не называл «Отелло», но Кэрэчээнэ стала Дездемоной раз и навсегда. Когда мы перешли в пятый, и нашей классной руководительницей вместо Сардааны Семеновны стала Акула... то есть Акулина Кириковна, нас всех рассадили по новым местам, но Дездемону никто и не подумал переименовывать. Новая соседка Славика, Катя Михайлова, так и осталась просто Катей – Дездемону оказалось невозможно передездемонить.

В других классах даже встречались личности, которые думали, что это ее настоящее имя! «А что тут такого? – сказала по этому поводу Валька. – Ты еще моих родичей не знаешь. Их хлебом не корми, дай только ребенка назвать повыпендрейнее».

Одного из ее двоюродных братьев (их у нее так много, что я не всех знаю) зовут Рафик, полностью – Рафаэль, другого – Леонард, а сестер – Астра, Розалинда и Флоренция, а четвертая вообще была Араиной (в честь бабушки Арабеллы и дедушки Иннокентия), но потом поменяла две буквы местами и стала Арианой. А то как жить с именем «Араина»? Почему родители никогда об этом не думают?

Еще у Вальки есть дядя, который всю жизнь был Васей, а потом решил на старости лет стать Эрханом – собрался жениться, но перед самой свадьбой потерял паспорт, и тут его осенило: раз все равно новый документ получать, хорошо бы заодно поменять имя. Начать, как говорят взрослые, жизнь с чистого листа.

Желание его сбылось на сто процентов: когда он стал Эрханом, прежняя невеста передумала выходить за него замуж, зато появилась другая. Ее звали Марина, и Валька говорила, что дядя Вася-Эрхан долго убеждал ее сменить имя на «Нарыйа» или «Саяра», но так и не убедил. Зато эти имена пригодились, когда у них родились близняшки. Сейчас им уже по три года, и Вальке часто приходится присматривать за племяшками, потому что они живут в одном доме, только на разных этажах.

– Как ты их различаешь? – спросила я ее однажды.

МАЙЯ ТОБОЕВА. ТАЙНА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ.

– Никак. Я даже их обеих никогда не зову. Позовешь одну – все равно вместе прискачут.

А еще они обе картавят.

– Как твоего папу зовут?

– Эйхан.

– А маму?

– Майина.

– А тебя?

– Найия.

Или:

– Сайяя.

А когда сердятся друг на друга, становятся Найкой и Сайкой. Но это уже Валька постаралась – зовет их «Нарыйка» и «Саярка», вот они и переняли.

Плачут они тоже вместе. А уж если заведутся, их не успокоишь. Сама убедилась, когда мы ходили с ними в Краеведческий музей. Они, конечно, хотели в «Планету Кидс», но это было после того, как дядя Вася купил жене шубу, поэтому «Планета» накрылась, а сидеть дома в воскресенье близняшки не хотели. Валька позвонила мне и даже спрашивать ничего не стала, просто сказала, что сейчас они за мной заедут:

– Как увидишь из окна дядивасину машину, сразу выходи, звонить не буду, а то у меня батарея сдохнет.

Ждать у окна я, конечно, не стала – схватила с вешалки куртку, переобулась и сразу выскочила. Хорошо, что перед этим успела позавтракать, а то бы мама меня нипочем не отпустила.

Спустившись вниз, я увидела висящую на перилах лестницы матерчатую сумку соседки с третьего этажа Татьяны Михайловны – перила у нас сварены из старых труб, выкрашенных в синий цвет, и заканчиваются загогулинами, похожими на недокрученный бараний рог. А Татьяна Михайловна старенькая и живет одна, доставать ключ от домофона, держа сумку в руках, ей тяжело, вот она и вешает ее на одну из этих загогулин, а потом частенько забывает.

«У нее что, склероз?» – спросила однажды Дездемона, когда мы после уроков пришли ко мне и увидели эту сумку. Я даже обиделась. Нет у нее никакого склероза, просто если человек открыл домофонным ключом входную дверь,

он сразу в нее войдет. Автоматически. И даже не вспомнит, что сумка осталась висеть на перилах. А она сразу – склероз...

Потом, когда мы отнесли Татьяне Михайловне ее сумку, Дездемона сказала: «Сколько она там провисела, и никто не стянул. Хороший у вас район». Можно подумать, она живет от меня за тридевять земель! Тут ходу-то – минут двадцать, если напрямик, правда, нужно два раза под теплотрассой пролезать и между гаражами идти, а там и на пьяных можно нарваться, так что лучше не рисковать. Да и после дождей этим путем без резиновых сапог не пройдешь. Но ведь все равно близко.

А район у нас и правда хороший. Жалко только, что возле нашего дома деревьев нет. Но Татьяна Михайловна сажает под окнами цветы – петунии, астры, ромашки. А осенью закрывает свои клумбы деревянными ящиками: «Если собака ногу задерет, тут ничего расти не будет». Так что придется собакам задирать ноги в других местах.

И на кухне Татьяны Михайловны цветы везде – на подоконниках, специальных подставках, даже на холодильнике. Когда я позвонила в ее дверь, чтобы отдать сумку (тоже, кстати, в цветочек), она, водрузив на нос очки и вооружившись лупой, старалась разобрать надпись на пакете с удобрением. При виде пропажи эбэ Таня всплеснула руками, крепко обняла меня: «Лана, птенчик, спасибо!» – и попросила прочесть ей инструкцию, а потом попыталась налить чаю, но я представила, в какую ярость впадет Валька, если ей придется меня ждать, и заторопилась вниз.

Успела я вовремя – белая дядивасина «Тойота» уже въезжала к нам во двор, а Найка с Сайкой в одинаковых розовых шапочках с помпонами радостно махали мне из окошка руками.

Дядя Вася довез нас до музея, но зашел туда только для того, чтобы купить нам билеты, и сразу вернулся в машину – дескать, чего я тут не видел. На самом деле он, наверное, заранее знал, чем все закончится.

Скелет мамонта на входе не произвел на Найку с Сайкой большого впечатления (наверное,

они просто не поняли, что это такое), но уже в следующем зале, увидев двух белых медвежат – маленьких, не больше кошки, – они залились горькими слезами: «Убили!», а на втором этаже при виде детеныша овцебыка их скулеж перешел в рев все с теми же причитаниями: «Убили-и-и!» Утихомирить близняшек не смогла даже бабушка-смотрительница, а потому она поскорее выпроводила нас со словами: «Приводите сестренку, когда подрастут».

Еле разбудив всхрапнувшего в наше отсутствие дядю Васю, мы сдали ему зареванных дочек, а он, зевнув, проворчал: «Вот бы вы из магазинов так же быстро выходили – цены бы вам не было», – и только потом разглядел распухшие носы и покрасневшие глаза Найки и Сайки. Когда Валька объяснила ему, в чем дело, он только рукой махнул: «Это не дети, а два фонтана. После «Хатико» такую же сырость развели...»

При слове «Хатико» девочки заревели с удвоенной силой, и мы с Валькой, затолкав их в автокресла, поспешили сделать ноги, несмотря на дядюшасины крики: «Куда вы?»

– В «Канцтовары» за альбомами, – брякнула Валька.

– А зачем нам альбомы? – спросила я ее, когда дядя Вася закрыл дверь своей «Тойоты».

– Низачем. Но они же теперь всю дорогу реветь будут. Успокаивать их еще. Оно нам надо?

Провожая глазами Найку с Сайкой, беззвучно разевающих рты за стеклами машины, медленно вырuliвающей с музейного двора, я тихо радовалась, что их не было с нами на спектакле про Кустука* (*спектакль по одноименному произведению народного писателя Якутии Николая Лугинова. – Прим. авт.).

Кустук – это ездовая собака, которая тоже ждет хозяина. Только ему еще хуже, чем Хатико, потому что хозяин Кустука не умер, а проиграл его в карты. Но Кустук-то об этом не знает...

На этот спектакль меня потащила Валька. Его поставили студенты Колледжа культуры, и одну из ролей там играл Валькин двоюродный брат Рафик (который Рафаэль), поэтому отказаться было никак нельзя, хотя идти не хотелось.

Мне не нравится, когда взрослые изобража-

ют всяких зайчиков, лисичек, бурундучков. Но вот начался спектакль, засвистела вьюга, и на сцене появилась собачья упряжка. Я-то думала, что Валькин брат и все остальные наденут какие-нибудь дурацкие маски с ушками, а сзади нацепят хвосты, а они вышли в совершенно обычном виде, парни как парни, и – странное дело – я почему-то сразу поверила, что это ездовые собаки.

Все у них было, как у людей: вожак, которого все слушаются, вредины вроде Витьки Филиппова – им бы лишь устроить свару погромче или стравить кого-то и полюбоваться на это со стороны. А главный герой, Кустук, напомнил мне лучшего математика нашего класса Алешку Федорова. Пока мы на контрольных корпим над одним вариантом из двух, Алешка всегда успевает решить оба, но никогда не задается. И вообще он всегда сам по себе. Как Кустук – вроде и в упряжке, но отдельно от остальных. Я даже пожалела, что его нет на спектакле. Уж он-то не стал бы толкать меня локтем в самые неподходящие моменты и комментировать то, что происходит на сцене, как Валька.

Поэтому я и в кино с ней ходить не люблю. Мало того, что и там она постоянно в бок пихает, так еще все время чипсами хрустит и попкорном, а ты сидишь с ней рядом и, скрипя зубами, мечтаешь, чтобы ее продуктовые запасы поскорее закончились, но как бы не так! Если фильм длинный, она попкорна побольше покупает и чавкает над самым ухом до конца. Сколько раз я ей говорила, а с нее как с гуся вода.

Один раз я не выдержала – сходила в кино без Вальки. Она на меня обиделась, и мы поссорились. А вечером мама спросила:

– Что за вид? Что случилось?

Я ничего не хотела ей говорить, но она все из меня вытянула. А потом сказала:

– Вы – два сапога пара. Ты тоже жуешь, когда журналы читаешь.

– Но это совсем не то!

– Как не то? То же самое.

Я хотела ей сказать, что, в отличие от Вальки, никому не мешаю (и крошки со страниц потом смахиваю), но у нее зазвонил телефон, и мне ничего не оставалось, как уйти в свою комнату,

МАЙЯ ТОБОЕВА. ТАЙНА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ.

где меня в тот день все раздражало – и люстра с розовыми висюльками, перекочевавшая ко мне после того, как Веронике купили новую, и фиолетовая полоса на обоях, которую я сама же и сделала нечаянно фломастером, когда воображала, что это волшебная палочка (мы тогда с Валькой читали Гарри Поттера). Да, с Валькой...

Я пыталась припомнить, а что же интересного я делала одна, и, как назло, ничего не могла припомнить. Нет, у бабушки на каникулах, конечно, хорошо, и в лагере, где я отдыхала после четвертого класса, тоже было ничего, но ведь это другое. А жизнь в городе без Вальки, получается, просто немислима... Хотела зайти «Вконтакте», но потом подумала – она увидит меня онлайн и сразу поймет, что я ее там выискиваю, и не зашла, хотя чего мне это стоило!

На следующий день, зайдя в класс, я ни разу не посмотрела в сторону ее парты. А на перемене, когда я, как неприкаянная, слонялась по коридору, то и дело натываясь на орущую и вечно куда-то бегущую малышку, Валька сама подошла ко мне и спросила:

– Не знаешь, этот фильм еще идет или уже кончился?

Как будто нельзя было в кинотеатре по информатору узнать или на сайте афишу посмотреть, но я поняла, что она тоже хочет помириться.

В знак примирения мы пошли в кино вдвоем, и ничего, что фильм был не ахти – одна я второй раз такое точно не стала бы смотреть. Валька даже не купила ничего перед сеансом, правда, потом оказалось, что чипсы у нее с собой, но полфильма она продержалась.

А в самый напряженный момент, когда злодей толкнул героя в открытый люк, я услышала знакомое шуршание. Валька старалась шуршать потише и почти не хрустела (а попробуйте есть чипсы, не хрустя!), зато после фильма отвела душу: мы купили две упаковки попкорна, сели на скамейку возле кинотеатра и ели его, а она шумно вздыхала и говорила: «Как ты не понимаешь! Без этого я вообще не чувствую, что в кино сходила!»

Рядом со скамейкой прыгали воробьи – один,

взъерошенный, смело приблизился к нам, и я хотела бросить ему попкорна, но Валька меня остановила: «Ты что, а вдруг нельзя?!»

Она всегда соображает лучше меня. В третьем классе, когда мы повесили в школьном дворе кормушку, Сардаана Семеновна нам объяснила, что птицам много чего нельзя – ни чипсов, ни жареных семечек, ни черного хлеба, ни соленого сала. Про попкорн она ничего не говорила, но вдруг им и его нельзя, хотя они обитают возле кинотеатра? Хорошо, что у Вальки оказалась недоеденная булка (говорю же – она запасливая!), так что и воробьи без обеда не остались.

«Чего только не сделаешь ради дружбы!» – выразительно сказала Валька, когда мы покормили с попкорном, и я была с ней согласна. Совершенно согласна.

Но в театре я чуть про это не забыла. Она меня просто довела до белого каления. На сцене к Кустуку волки подбираются, а она ерзает рядом, будто у нее шило в одном месте!

Мы бы наверняка опять поссорились, но вдруг над передними рядами показались маленькие макушки и целый лес рук. Я-то думала, что эти сиденья пустые, а оказалось, там детсадовцы, их просто не было видно за спинками кресел. И вот они все разом вскочили и, тыча в сторону волков, хором закричали: «Сзади, сзади!» У девочек даже бантики подрагивали от волнения.

А Кустук словно не замечал их. Ни их, ни волков. В носу у меня защипало, я даже дышать старалась через раз, чтобы Валька ничего не заметила. Но она если и заметила, то не подала виду, а когда занавес закрылся, дернула меня за руку:

– Пошли! – и потащила за кулисы.

– Туда, наверное, нельзя! Заругают!

– Не в этот раз, – мотнула головой Валька, напомним мне Кытаппая, который за неимением рогов сердито бодал меня лбом, если я заходила к нему в хотон без конфет и печенья.

Валька, точно так же готовая боднуть любого, кто вздумает нас останавливать, уверенно взбежала по ступенькам, ведущим на сцену, и юркнула в щель между занавесом. Я прошмыгнула за ней.

А там царила радостная суета. Вокруг арти-

стов толкалась масса народу. Кустук стоял с журналисткой, у которой был на удивление зычный голос. Сунув ему под нос диктофон, она, легко перекрывая гомонящую толпу, настырно выясняла, слышал он или нет, что ему кричали детсадовцы. Да как он мог не слышать! Весь театр слышал, а он – нет? Кустук ответил, что спектакль они показывают не в первый раз, и в финале маленькие дети из зала всегда предупреждают его об опасности.

Я хотела и дальше послушать, но Валька поволокла меня к своему братцу Рафику. Потом мы увязались за ним в гримерку – настоящую артистическую гримерку с зеркалами на каждом столе и старыми афишами на стенах, которые я толком не успела разглядеть, потому что парни подозрительно быстро нас оттуда выпроводили.

В коридоре было еще множество закрытых дверей, куда так и тянуло заглянуть, хотя мы прекрасно понимали, что нам это не светит.

И вот, как говорится, не прошло и полгода, как в один прекрасный день Дездемона сообщила нам потрясающую новость: мы будем участвовать в спектакле! Она узнала об этом от своего соседа по парте Мичила Афанасьева, чей папа работает в театре. Он-то все и устроил.

Сначала мы сгоряча решили, что нам дадут роли, но оказалось, нет – в финале спектакля мы должны будем просто стоять на сцене, пока главный герой произносит свой монолог.

Валька тогда сразу сказала, что заткнет за пояс свою тетю Наташу из Немюгюнцев, которая попала в массовку, когда «Сахафильм» снимал у них кино про войну. Она об этом так интересно рассказывала, будто сама там снималась. Мы с Дездемоной животики надорвали.

– В деревню столько немцев завезли! – Валька размахивала руками, как рыбак, показывающий величину улова. – Ну, в смысле, русских, конечно, но в немецкой форме. Режиссер им сказал все время в ней ходить...

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы она слишком новой не казалась. И когда они в этой форме по деревне шарахались, наш сосед дядя Сеня решил, что у него белочка... ну, белая горячка с перепоею. Ду-

мал завязать, но его в массовку позвали, потому что он сахаляр* (*метис. – Прим. авт.), и глаза у него зеленые. Всех сахаляров звали, и тетю Наташу тоже. Дядя Сеня пошел и полдня в снегу пролежал – труп изображал, потом сбежал. «А то бы, – говорит, – околел. Ну эти съемки в баню». Киношники его искали, только он как принял для сугреву, так на месяц в запой ушел. А тетя Наташа вытерпела до конца. Теперь говорит, что эти съемки по гроб жизни не забудет.

– Жалко, меня там не было. Меня бы, наверное, взяли, – вздохнула Дездемона, наматывая на палец прядь своих русских волос.

– Было бы ради чего на морозе погибать! Кого в той толпе разглядишь! Я, когда фильм смотрела, тетю только по бабушкиному платку узнала, да и то потому, что она мне сама показала. Но съемки она не забудет, конечно, – Валька хихикнула. – В первый день, когда одних немцев снимали, тетя Наташа в Покровск по делам поехала, а когда возвращалась на такси, таксист, как эту колонну на дороге увидел, сразу машину развернул: «Выходите, женщина, я дальше не поеду». Высадил ее и умчался. А она километра два до деревни пилила. С сумками.

– Он, наверное, книг про попаданцев начался. Или фильмов насмотрелся, – предположила я.

– Да ничего он не начитался и не насмотрелся. Дурак просто.

– А может, и нет. Если бы ты сама немцев на дороге увидела и не знала, что это кино снимают, – подошла бы?

– Конечно! А ты бы за куст спряталась. Трусиха!

Тут уж надулась я. Хотя чего обижаться? Скорее всего, и правда бы спряталась. Но ей я в этом признаваться не собираюсь.

– А как массовка называется в театре? – спросила Дездемона, чтобы разрядить обстановку.

Валька не знала, я тоже. Если бы мы по-прежнему учились у Сардааны Семеновны, я бы спросила у нее, а спрашивать у Акулы – себе дороже.

Прозвище это ей дали вовсе не потому, что ее зовут Акулина. Она его заработала. И даже стол в своем кабинете украсила кактусом с устраша-

ющими колючками. Единственная разница между ними в том, что его колючки растут наружу и всем видны, а ее колючки сидят внутри.

– Спектакль об установлении якутской автономии. Вы будете изображать пионеров, – информировала нас Акула, но по ее взгляду было понятно, что она не доверила бы нам изображать и стадо баранов. – Пионерской формы вам, конечно, сейчас не найти, поэтому просто белый верх, темный низ: у девочек – синие юбки, у мальчиков – черные брюки, и чтобы никаких джинсов!

– А если нет синей юбки? – спросила Дездемона. В глазах еще нескольких девочек застыл тот же вопрос.

– Скажи матери, чтобы купила или сшила! Или одолжи у кого-нибудь! Теперь главное... Красные пионерские галстуки. Они должны быть одинаковыми по размеру и по цвету. Запишите размеры, – Акула кивнула на доску, где они были выведены заранее. – И принесите их во вторник!

– Почему во вторник? – прогудел с задней парты Кэскил Софронов.

– Потому что мне надо убедиться, что все в порядке! Что касается обуви, здесь единого требования нет, на ваше усмотрение – все, кроме кроссовок.

Мы перевели дух – хорошо, что пионеры не ходили в сапогах со шпорами или еще в чем-нибудь таком, чего сейчас днем с огнем не найти, но тут Акула добавила:

– Девочкам прийти в красных гольфах!

У меня в глазах потемнело: красные гольфы, в которых мы выступали на прошлогоднем смотре строя и песни, летом сожрала Джоборо.

Из столбняка меня вывел робкий голос Дездемоны:

– В гольфах завтра прийти?

Акула уставилась на нее, как удав на кролика:

– Полюбуйтесь на Гуляеву! Ноябрь на дворе, а она собралась в красных гольфах по школе рассекать! На премьеру в них придешь, на премьеру!

На перемене Валька хлопнула пригорюнившуюся Дездемону по плечу:

– У меня две синие юбки, одну одолжу!

Дездемона моментально расцвела, упуская из виду то, что в Валькиной юбке она просто утонет, поэтому пихать Вальку в бок пришлось мне:

– Тогда тебе ее до завтра подшить надо.

– Еще чего! Одно доброе дело я уже сделала, а два – это перебор, – она повернулась к Дездемоне. – Заберешь ее у меня сегодня и сама подошьешь. К тому же мне некогда – побегу по магазинам красные гольфы искать! Те я уже где-то посеяла.

«Мы с тобой одной крови – ты и я» – это явно про нас с Валькой. У нас даже проблемы одинаковые, и за гольфами, разумеется, мы пошли вместе.

...Кто бы мог подумать, что гольфы нужного цвета встречаются в природе так же редко, как чучуна или лабынкырское чудовище! Мы с Валькой в мыле и пене обегали весь город – нигде ничего. То есть всякие гольфы были – и белые, и серые, и полосатые, и в крапинку, и какие угодно – не было только красных.

– Хорошо хоть не завтра в них надо придти, – сказала Валька.

– А что хорошего? Думаешь, их на этой неделе в магазины завезут? Ага, щас...

– Факт, – согласилась Валька. – И тогда Акула нас живьем сожрет.

Но унывать было не в ее правилах:

– Что-нибудь придумаем. До пятницы еще есть время. Сегодня только понедельник.

А в среду Акула велела прийти в пионерской форме и устроила нам такую головомойку, что небо показалось с овчинку.

– Во что вы вырядились? Во что, я спрашиваю?! По-вашему, так выглядели пионеры? Да вас хоть сейчас в огород ворон пугать! Гуляева, ну-ка выйди к доске! Покажись, голубушка, всему классу!

Дездемона, спотыкаясь на каждом шагу, двинулась по проходу, демонстрируя подшитую сикось-накось юбку.

– Вот, полюбуйтесь! Ты что, школу на весь город опозорить хочешь? Да что там город – на всю республику!

– Ма... мама в командировку уехала, – пискнула Дездемона.

– Так ты хотела в таком виде на премьеру явиться?!

– Мама только в воскресенье приедет...

– Ничего не знаю! Попроси подшить тетю, бабушку! Все, иди на место!

Новый приступ ярости вызвала блузка Светки Готовцевой:

– Ты когда свою рубашку в последний раз стирала – при царе Горохе?!

– Она на желтой подкладке, – не поднимая головы, ответила Светка.

– Что ты там себе под нос бубнишь? На какой еще желтой подкладке! Я тебе говорила рубашку на желтой подкладке надеть?!

Но это были цветочки по сравнению с тем, что последовало после того, как мы вынули галстуки. От воплей Акулы свернулись в трубочку даже традесканции на подоконниках. Но здесь ее можно понять – лишь некоторые из «пионерских галстуков» можно было с натяжкой назвать красными. У Туяры Старостиной он был, скорее, розовый, у Алика Степанова – интенсивно-оранжевый, но всех переплюнула Сандаара Омуква – у нее по бордовому полю красовалась россыпь мелких розочек.

– Сборище дальтоники! – бушевала Акула, а потом накинулась на Витьку Филиппова, который притащил такой микроскопический галстук, что затянуть его можно было разве что на кукле.

– Ты что, удавиться решил у всех на глазах? Отнесешь домой и отдашь деду – очки протирать! Я же вчера давала вам размеры!

...Когда мы, совершенно очумевшие, вывалились из класса, Дездемона с несчастным видом вздохнула:

– Я разве виновата, что шить не умею! И мама, если что, тоже...

Мы с Валькой вообще-то снова собирались на поиски злосчастных гольф, но бросить Дездемону на произвол судьбы в трудной жизненной ситуации совесть не позволила, а интуиция подсказывала, что и ассортимент в магазинах со вчерашнего дня не изменился.

Дома у Дездемоны никого не было, если не считать дымчато-серого Ксюха, который не изъявил ни малейшего желания познакомиться с

нами поближе и даже на всякий случай запрыгнул на шкаф.

– А что у него за имя? – поинтересовалась Валька.

– Когда мы его брали, думали, что это девочка, и назвали Ксюшей. И вот...

Ксюх презрительно взирал сверху вниз на представителей рода человеческого, не способных видеть дальше своего носа.

– Ну, ладно. Мы же не на kota твоего смотреть пришли. Давай сюда юбку, – Валька сразу взяла быка за рога.

Дездемона вытащила ее из пакета и отдала владелице:

– Вы пока проходите в залу, а я чего-нибудь приготовлю.

– Шить не умеешь, а готовить умеешь? – хмыкнула Валька.

– Ну, омлет-то умею, – обозначила Дездемона предел своих возможностей и ушла на кухню, где с энтузиазмом принялась греметь кастрюлями.

– Ну что... Давай омлет отрабатывать, – командовала Валька, усевшись в кресло, к которому притулился журнальный столик. По всей видимости, вчера здесь корпела над шитьем хозяйка – там и сям лежали катушки ниток, пронзенные иглами, и почему-то целых три наперстка, хотя хватало одного.

– Вот оно, поле битвы. Дездемона капитулировала, но боеприпасы остались, – ерничала Валька. – Теперь твоя очередь идти в атаку.

– Почему моя?

– Ты начни, а я посмотрю, как у тебя получается. Вдруг ты шьешь хуже меня.

Я закусила удила. Я – и хуже?

Положив юбку на диван и старательно разгладив, принялась за дело. Валька время от времени отрывалась от мобильного и хвалила:

– Да ты ас! Швы совсем не видны!

Дездемона, явившаяся с кухни предупредить, что придется обойтись яичницей, потому что молоко закончилось, тоже одобрила мою работу, и я старалась, высунув язык. Но когда, закончив шить, сдернула юбку с дивана, она сдернулась вместе с покрывалом!

МАЙЯ ТОБОЕВА. ТАЙНА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ.

Валька так и покати́лась от хохота:

– Ой, не могу! Хорошо, что ты ее к дивану не пришила!

В сердцах я шмякнула юбку с покрывалом к ней на колени:

– Ну и подшивай тогда сама!

Мысленно я поклялась, что к этой юбке не притронусь, но Валька есть Валька – и пяти минут не прошло, как она меня уломала. Конечно, на этот раз я была аккуратнее, и когда Дездемона наконец-то смогла примерить многострадальную юбку, все было чики-пики.

На радостях остывшая Дездемона яичница с колбасой показалась мне удивительно вкусной, хотя и немного пересоленной. А дома меня ждала еще одна радость, хотя и она оказалась того... с горчинкой.

Вероника, вернувшись из института, возникла на пороге моей комнаты со словами:

– А что у меня есть! – И бросила мне красный пакетик. Вернее, сам пакетик был прозрачным, красным было его содержимое.

Я бы завопила от радости, но вот уже полгода, с тех пор, как у наших соседей Нестеровых родился ребенок, мы стараемся жить в режиме «без звука».

– Тут две пары. Звони своей Вальке, а то ей Акула, небось, уже по ночам снится.

Я и сама собиралась это сделать, но вскрыв пакет, с ужасом увидела, что там не гольфы, а носки!

– Ничего, растянете как-нибудь. Я нарочно большие размеры взяла, – успокоила меня Вероника и с чувством выполненного долга отчалила на кухню.

Все-таки хорошо, когда есть сестра. Но откуда она про гольфы узнала? Я ей не говорила. Может, мама сказала? И она все бросила и отправилась по чулочно-носочным отделам. Выходит, не всегда Веронике на меня плевать...

Валька долго не брала телефон, а когда взяла, в уши мне ударил рев Найки и Сайки.

– Я у дяди Васи, – запыхавшимся голосом сказала она.

– Да я уже поняла.

– Слышно, да? Это тете Марине из деревни

зайца прислали, она его положила на батарею размораживаться, а девчонки увидели и как заорут: «Кису убили!» У них ведь кошка один в один как этот заяц. До сих пор угомониться не могут. Мы уже ее гонять перед ними устали – нате, смотрите, вот ваша Пушинка, так нет, продолжают: «Вы другую кису убили!» А чего звонишь-то?

Я изложила ей суть дела, и она, конечно, тут же примчалась на примерку.

Мы растягивали вероникино приобретение чуть не до ушей, но, хотя пятки пузырились в районе икр, все-таки это были носки, и колени они не закрывали. А гольфы с прошлого смотра – закрывали! Нечего и думать, что Акула не заметит разницы...

– Были бы юбки подлиннее, – вздохнула Валька. – Может, расстегнуть молнию и спустить пониже?

– Кончайте там свой военный совет в Филях, а то ужин остынет, – крикнула с кухни Вероника.

– Ай, – махнула рукой Валька. – Пошли похаваем. От наших переживаний носки не удлинятся...

На том и порешили.

В пятницу все явились, как на смотр строя и песни. Даже Акула не нашла, к чему придраться, лишь объявила, что проблема с галстуками решена:

– Получим их на месте. А сразу после спектакля сдадите мне. Лично в руки! Знаю я вас... ничего доверить нельзя.

Именно по этой причине она велела нам прийти в театр к 15.00, хотя спектакль начинался в шесть, а наш выход был в самом конце: «Не хватало еще, чтобы вы тянулись туда, как на уроки – один опоздал, другой прогулял...»

Несмотря на ее мрачное пророчество, припозднившихся не было, и Акула, кажется, огорчилась, что ругать некого.

Сардаана Семеновна водила нас сюда три раза – на «Золушку», «Золотой ключик» и «Чиполлино» (а мы с Валькой еще и «Кустука» смотрели). Но со служебного входа, понятно, в театр не заходили.

У поста охраны нас поджидал худенький дяденька в замшевом пиджаке, с которого он все

время грациозно стряхивал невидимые пылинки. Двигался он тоже грациозно, и вообще выглядел так, будто вот-вот воспарит над землей.

– Балерон на пенсии, – предположила шепотом Валька.

Балерон, ведя нас вверх по лестнице, повернулся к Акуле:

– Может, сначала в буфет?

Мы наострили уши.

Акула, выдержав театральную паузу, покачала головой:

– Я предупредила. Они вам тут все разнесут в пять минут.

Балерон тревожно покосился на нас, словно опасаясь, что мы прямо сейчас начнем крушить беззащитный храм искусства.

Между прочим, крушить тут было нечего – истертый линолеум да унылые зеленые стены разбегающихся в разные стороны коридоров, а надо всем этим – ничем не прикрытые трубы, в которых периодически угрожающе урчала вода. И ни одной живой души, кроме нас. Только в самом конце, когда мы стояли перед дверью на третьем этаже (а балерон с отчаянием тряс ручку, пыхтя: «Ну что ты будешь делать, опять замок заело!»), мимо нас прошаркал в чешках бледный всклокоченный парень с тазиком, доверху наполненным всякими тряпками.

– Он у них тут вместо уборщицы? – тихонько спросила Дездемона.

Валька округлила глаза:

– Какая уборщица, ты что!

Она явно его узнала. Я еще раз взгляделась в «уборщицу», но память моя по-прежнему спала мертвецким сном.

– Это же Чиполлино!

Вот же Валька глазастая! А я его без грима и пучка зелени на голове не узнала. Все сразу зашушукались: «Чиполлино, Чиполлино!» Парень, не успевший ушуршать далеко, обернулся, одарив нас тоскующим взглядом графа Вишенки, и скрылся за поворотом. Одновременно с этим усилия балерона увенчались успехом – дверь распахнулась.

– Прошу, – сконфуженно прошелестел он.

Помещение, куда он нас привел, отдаленно

напоминало наш физзал, но в нем не было окон, и освещали его несколько тусклых ламп, одна из которых мигала, как припадочная. У стен громоздилась какая-то рухлядь, а вдоль тянулись грубо сколоченные некрашенные скамейки. Даже Акула при виде этого убожества растерялась, хотя она-то, кажется, могла быть довольна – тут ничего не разнесешь даже при большом желании.

– Можно было в репетиционный зал, – кашлянул балерон, – но там зеркала.

– Что вы, это опасно, – вскинулась Акула. – Я за этих детей головой отвечаю. К тому же в случае чего, – многозначительно добавила она, – ни школа, ни родители за ваши зеркала вовек не расплатятся.

Балерон согласно закивал, а Акула, встав в дверном проеме, пронзила нас взглядом Медузы Горгоны:

– Ведите себя прилично! Вы не где-нибудь, а в театре! – и величаво выплыла в коридор. Дверь за нею закрылась, замок клацнул, как волк клыками, и мы оказались взаперти.

– Замок Синей Бороды, – сказала Валька.

– Ой, расскажи, – подскочила Дездемона.

Валька, подойдя к скамейке, провела по ней пальцем и, решив, что она достаточно чистая, уселась, а мы поспешно прилепились к ней, а то зазеваешься – и не жалуйся потом, что другие оттерли.

Валька молодец, хорошо придумала – рассказывать про средневекового маньяка, сидя в полумраке у стены без единого окошка, и когда за дверью раздались тяжелые шаги, насторожились даже мальчишки.

Ближе, ближе... Как в фильме ужасов, задержалась дверная ручка...

Но вся жуть моментально развеялась, едва по ту сторону раздался бодрый женский бас:

– Вы их там заперли, что ли?

В ответ раздалось знакомое бормотание балерона.

На этот раз воевать с замком ему не пришлось – дверь открылась почти сразу, и перед нами предстала богатырша в трещащем по швам белом халате. Высокая прическа из буйно завитых волос

возвышалась на ее голове, как корона, а в руках, унизанных кольцами и браслетами, она держала два объемистых и вкусно пахнущих пакета.

Восторженный вопль, вырвавшийся одновременно из тридцати двух глоток, потряс театр до самого основания. Балерон, который держал пять двухлитровых тетрапакетов с томатным соком (причем, несмотря на хилый вид, держал без особой натуги – видимо, натренировался в молодости на партнершах), выставил их перед собой, как щит. В эту минуту он, наверное, мысленно поблагодарил Акулу за то, что она не дала ему запустить нас в буфет.

В пакетах оказались пирожки с капустой и одноразовые стаканы.

Как ни старался балерон разливать сок осторожно, жаждущие напирали на него со всех сторон, и белоснежные рубашки некоторых мальчишек и даже девчонок украсились красными разводами.

– «А где прольется наша кровь, не все ль равно...», – нашел он в себе силы пошутить. – Ойунского-то* сейчас в школе проходите? (*Платон Алексеевич Слепцов-Ойунский (1893–1939) – классик якутской литературы, участник установления Советской власти в Якутии. «Не все ль равно» – одно из его стихотворений. – Прим. авт.)

Никто ему не ответил – слышно было только сосредоточенное чавканье и хлюпанье.

– Надо было вместо сока кефиру им дать, – сокрушенно качнулась «корона».

– Ничего, когда подсохнет, сильно в глаза бросаться не будет, – уныло ответил балерон без особой уверенности.

...Когда дверная ручка задергалась вторично, мы с Валькой и Дездемоной переглянулись – не может быть, чтобы здесь кормили так часто!

Но это была не кормежка. На сей раз балерон пришел один. Он принес красные галстуки и снова начал со стихов:

– «Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с нашим знаменем цвета одного...» Знаете продолжение?

– Не-а...

– Ну откуда же вам знать... А сейчас будем учиться повязывать галстуки. Я покажу, это просто.

Через минуту мы запутались в них, как мухи в паутине. У меня возникло опасение – а смогу ли я снять этот галстук после спектакля?

– Не сможешь – Акула его с тебя вместе с башкой снимет, – «обнадежила» Валька.

Тем временем балерон перешел ко второй и заключительной части своего мастер-класса – пионерскому салюту.

– Салютуем правой рукой. Той, которой пишете!

– Я левой пишу, – сообщил Кэскил, не удосужившийся стереть усы от сока.

Балерон закатил глаза:

– Да хоть ногой пиши... А салютовать надо правой! Ладонь над головой, пальцы не растопыриваем, держим вместе, это символизирует единство пяти континентов...

Потом он объяснил, что стоять на сцене мы будем в три ряда – первый на полу, второй и третий – на скамейках, и велел разбиться на соответствующие группы.

Нам с Валькой хватало и второго ряда, чтобы впереди стоящие прикрыли собой наши носки, но мальчишки затеяли драку за право залезть на самый верх. Мичил с Кэскилом первыми сцепились и покатались по полу, к ним моментально присоединились другие.

Филиппов азартно их подначивал, но скоро и сам оказался в общей куче-мале, а когда предупредительным выстрелом в воздух раздался вопль балерона: «Я сейчас позову Акулину Кириковну!», – на спине Филиппка уже чернел отпечаток чьего-то ботинка.

Когда нас, совершенно опухших от долгого ожидания, наконец-то выпустили из заточения и пригнали к «предбаннику» перед сценой, там на длинных некрашенных лавках сидели актеры в серых шинелях и буденовках со звездами. Рядом стояли прислоненные к стене винтовки с примкнутыми штыками. Мальчишки сразу бросились к ним – не к актерам, конечно, а к винтовкам.

Среди этой возни вдруг раздался возглас:

– Оксе*, а это у нас кто? (*«Оксе!» – возглас удивления. – прим. авт.)

Симпатичный быстроглазый актер (даже

морщинки в уголках глаз у него были симпатичные) смотрел на Славика. Впрочем, все остальные тоже.

Другой актер – худой, смуглый, со щеточкой усов, рассмеялся:

– Мы же всю жизнь жили под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Забыл, что ли?

Пухлые губы Славика вспухли еще больше – от обиды.

А быстроглазый актер не отставал:

– Ты откуда будешь, парень?

– Мегинский, – буркнул Славик.

Он всем всегда говорит, что мегинский, хотя мегинская у него только мама. Сам Славик вообще в Москве родился.

– Так ты, получается, земляк Манчаары*! (*Василий Манчаары (1805–1870) – национальный герой, «якутский Робин Гуд», уроженец Мегино-Кангаласского улуса. – Прим. авт.)

Губы Славика снова припухли – на этот раз не от обиды, а от удовольствия. Хотя чаще это бывает от обиды...

Однажды, когда на уроке русской литературы мы проходили Пушкина, Ираида Николаевна нам сказала, что Надежду Осиповну Ганнибал называли «прекрасной креолкой», а Филиппок стал показывать на Славика пальцем, хихикая на весь класс: «Прекрасная креолка!»

У Славика тогда точно так же вспухли губы. Он молча встал, подошел к Филиппову и врезал ему. Витька с грохотом упал со стула.

Ираида Николаевна много времени на наведение порядка не потратила:

– Борисов, сейчас же вернись на место. А ты, Филиппов, долго на полу лежать собрался?

Зато следующим уроком была математика, и Акула, придя из учительской мрачнее тучи, так швырнула портфель на стол, что чуть не снесла свой любимый кактус.

Следующие сорок минут она рвала и метала:

– Драка на уроке! Если вы сейчас так себя ведете, чего же от вас в старших классах ждать? За вооруженный разбой сядете, не иначе! – и как пошла песочить Славика...

Он стоял и молчал. И тут я вспомнила дедуш-

ку, вернее, одну историю, которую он рассказывал.

В их деревне была только семилетка, и чтобы учиться дальше, он перебрался в райцентр, в школу-интернат. И в самом начале учебного года у кого-то из воспитателей пропали папиросы, а дедушка был новичком. Подозрение пало на него.

– Мы у себя в наслеге папирос в глаза не видели, – рассказывал он, – да и махорка на вес золота была, поэтому, когда я решил-таки курнуть, насобирал заячьих катышков, прихватил обрывок газеты, уголек от дымокура, дождался, когда мать корову доить пойдет, спрятался за амбаром, растер там хорошенько эти катышки – получилось хотя бы с виду похоже на махорку. Свернул самокрутку и только затыкнулся, как чья-то тень на землю упала. Поднимаю голову – стоит таай* Сэмэн (*таай – дядя, брат матери. – Прим. авт.). Он нам вместо отца стал, когда отец под Сталинградом погиб. И вот, значит, увидел таай Сэмэн меня с этой самокруткой – я ее уже проглотить был готов! – но ругаться не стал. Постоял, посмотрел и ушел. Только я после этих заячьих какашек так курить и не научился. А мне говорят – у воспитателя папиросы украл!

– Ты знал, кто это сделал? – спросила я его тогда.

– Знал, конечно.

– А он признался?

– Нет.

– И что было?

– Ничего. Только потом он настоящим вором стал. Если человек руки или ноги лишится, новая-то не отрастет. Хотя вместо рук-ног протез можно сделать. А если совести у человека нет, взамен ничего не придумаешь.

...С каждой минутой Акула заводилась все больше, а Славик так ни слова и не сказал – совсем как мой дедушка в той истории с папиросами.

Тут я не выдержала и встала:

– Но Филиппов же сам его довел.

Акула испепелила меня взглядом:

– Эртюкова, еще ты тут выступать будешь!

Я ждала, что за этим последует: «Дневник на

МАЙЯ ТОБОЕВА. ТАЙНА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ.

стол, вон из класса и без родителей не приходи», но тут прозвенел звонок.

Мы начали собираться, и Акула взбеленилась:

– Я вам разрешения не давала! Все по местам! Запишите задание на дом!

Интересно, как его выполнять, если вместо объяснения новой темы нам весь урок полоскали мозги?

Потом она всех отпустила – всех, кроме меня, Славика и Витьки. Валька с Дездемоной нарочно копались дольше всех и вышли последние, но когда за ними закрылась дверь, у меня противно заныло в животе.

Не глядя на меня, Акула сказала: «Давай свой дневник!» Я долго не могла найти его в рюкзаке. Вообще-то я вечно ничего в нем найти не могу, и не только в нем, но тут у меня еще и руки будто свинцом налились.

– Чего ты там возишься? Как учителю дерзить, так вы все смелые!

Изо всех сил стараясь казаться спокойной, я протянула ей этот несчастный дневник.

Акула процедила сквозь зубы:

– Что ты мне им в лицо тычешь? Разверни! Я что, сама должна это делать?

Увидев вчерашнюю “пятерку” по пению, она подняла брови:

– Так ты у нас певица! Выделяться вы все мастера. Хлебом не корми, дай повыступать. Песни, танцы, кривляния... когда ума наберется? – Акула яростно черкала своей красной ручкой, а точку поставила с такой силой, будто хотела проткнуть его насквозь.

– Забирай, голосистая ты наша.

Выскочив из кабинета, я даже не сразу раскрыла дневник, чтобы посмотреть, что она там написала. В глазах щипало, и остановила меня только мысль о том, что плакать времени нет – урок истории уже начинается, а до кабинета надо добежать.

Все-таки глянув на автограф Акулы («Перебивает учительницу во время урока, дерзит!»), я помчалась на второй этаж и, конечно, опоздала, но Олег Петрович только кивнул – проходи, мол, на свое место – и как бы мимоходом заметил:

– Вижу, что еще не все в сборе.

– Их Акулина Кириковна задержала, – затараторила с первой парты староста Катя Сивцева. – Борисова, Филиппова и Эртюкова.

– А тебя-то за что? – удивленно посмотрел на меня Олег Петрович.

– Она за Борисова заступилась, когда Филиппов его «прекрасной корошкой» назвал! -- крикнул со своего места Петька Татаринов.

– Пепик, балда, не корошкой, а креолкой! – встряла его соседка по парте Луиза Игнатьева.

– Сама балда, – не остался в долгу Пепик. – А Эртюкова, наверное, в Борисова втюрилась, раз за него заступается!

Все заржали. Не смеялся только Алешка – правда, он улыбался, но как-то криво.

Я потом долго над этим размышляла: почему он не смеялся со всеми?

Когда я дома показала дневник – сначала Веронике, она присвистнула:

– Ну ты даешь! Надерзила Акуле? Давай выкладывай, что стряслось.

А я-то думала, у нашей Веронички одни парни на уме и ей вообще глубоко фиолетово, что я делаю. Но на этот раз сестра внимательно меня слушала. Ей и правда было интересно!

– Маму я беру на себя, – сказала она и вышла из комнаты, а вернувшись, показала мне большой палец. – Кстати, сегодня ждем в гости дядю Диму. Он в командировку прилетел.

Мама на кухне готовила ужин. Она была в моем любимом фартуке с земляничками, на голове – белая косынка. Мама всегда повязывает косынку, если готовит.

Когда она была студенткой, их отправили в деревню на практику. Там им самим приходилось готовить еду на костре, и парни в первый же день начали высмеивать стряпню дежурных: «Два волоса в супе – много или мало?» Одним из парней был наш папа. Мне об этом рассказала Вероника. А ей – он сам.

С тех пор мама без косынки к плите не подходит, а когда она ее повязывает, то становится очень похожа на эбэ Улю, и на нашей кухне начинает пахнуть бабушкиным сайлыком – ско-

шенной травой, оладушками, обильно политыми топленным маслом, и молоком, томящимся в зеленых кружках на горячих углях.

Я прижалась к маме, вдохнула родной запах...

– Все, все, перестань, – строго сказала она. – Что за телячьи нежности. Конечно, хорошо, что ты заступилась за этого мальчика, но зачем учительницу перебивать?

– А почему она одного Славика ругала? Виноват-то был Филиппов!

– Я не знаю. Может, собиралась сделать ему замечание потом.

– Да ничего она не собиралась!

– Откуда ты знаешь? Кстати, ты и меня сейчас перебила. Ты со всеми взрослыми так разговариваешь?

– Я с ними вообще не разговариваю! Если они сами не лезут ко мне со своими придирками!

Будь на месте мамы Вероника, она бы в такой ситуации показала мне кулак: «А это видала?» Но мама только обняла меня, и мы стояли так, пока не раздался звонок в дверь. Дядя Дима!

Да, это был он. Вручив маме пакет с гостинцами, он потрепал меня по голове. Терпеть не могу, когда мне взлохмачивают волосы, но как ему об этом сказать? Вот бабушка никому не дает гладить по голове своего Мойто, говорит, что собака от этого глупеет. Хотя вряд ли Мойто-рок может сильно поглупеть в 12 лет...

Дядя Дима внимательно посмотрел на меня:

– Чего скуксилась? Ишь, какая недотрога. С Вероникой-то хоть понятно – там прическа, укладка и все такое прочее. А у тебя что?

– Акула маму в школу вызывает, – опередила меня Вероника.

– Акула? Маму? – он сдвинул брови, отчего сразу стал похож на бабушку Аню. – Признавайся, что натворила! Скелет из кабинета биологии в гардероб перетащила? Физрука в раздевалке заперла?

– Дядечка Димочка, не приписывай свои подвиги другим, – засмеялась сестра.

– Свои подвиги? А при чем тут мои подвиги? Хотя... грешен, каюсь. Мать с отцом все время ссорились, кому на родительские собрания хо-

дить. «Я, – говорила мама, – позорилась в прошлый раз, теперь твоя очередь!» «А мне, – отвечал отец, – надоело краснеть, когда на меня все оборачиваются, пока учительница перечисляет грехи твоего сына!» «Между прочим, он и твой тоже, – кипятилась мама, – это во-первых, а во-вторых, будь умнее – садись сразу за первую парту, тогда никто оборачиваться не будет!» К девятому классу они вообще отказались на эти собрания ходить, но к тому времени, к счастью для них, я уже взялся за ум.

– Пошли за стол, а то все остынет, – сказала мама.

Но не успели мы сесть, как затрубил Вероникин телефон. Я это «тру-ту-туру-тру-ту-ту» уже слышать не могу, особенно по утрам. Да и по вечерам тоже. Разумеется, Вероника сразу же подорвалась бежать.

– Даже не поужинала, – вздохнула мама, глядя из окна ей вслед.

– Талию бережет, – покачал головой дядя Дима, накладывая себе жаркое. – Все ей кажется, что талии у нее много, а бровей – мало.

– Как это – бровей мало? – удивилась мама. – Она же их без конца выщипывает.

– Так она сама говорила. Своими ушами слышал.

– Она, наверное, про ресницы говорила, а не про брови.

– Ну, брови или ресницы – невелика разница! Вы, женщины, выдумываете себе проблемы на пустом месте.

– Дядя Дима, а у меня ресниц мало? – спросила я его.

Он чуть не подавился:

– И ты туда же! Не рановато ли тебе об этом думать? Лучше рассказывай про дела свои скорбные. Ну, что у тебя в школе случилось?

Вот именно, что скорбные...

Дядя Дима слушал меня так же внимательно, как Вероника, а потом сказал:

– Правильно сделала. Но взрослых перебивать нельзя.

Когда они включили телевизор – и как только им не надоест смотреть новости! – я ушла к себе и долго изучала перед зеркалом свое от-

ражение. Ресниц вроде было достаточно, но как знать, что думают об этом окружающие!

Перед премьерой в театре я тоже не раз и не два размышляла на эту тему. Актеры ведь обязательно гримируются. Может, стащить у Вероники тушь и тайком накраситься? Удержала меня только мысль об Акуле.

...Когда мы вышли на сцену, пока еще закрытую от зрителей огромными деревянными воротами, Алешка вдруг оказался рядом, хотя на репетиции стоял далеко. Я даже дышать перестала – так и стояла бы с открытым ртом, если бы Валька тычком не напомнила мне о салюте.

Едва я подняла над головой правую руку, ворота со скрипом распахнулись, и сердце чуть не выпрыгнуло из груди – на нас смотрели сотни людей! А с перепугу мне показалось, что их вообще миллион.

Дома перед сном я открыла форточку на пять минут, чтобы проветрить комнату, и забыла закрыть. На нервной почве, как говорит Вероника.

– Как же ты умудрилась? – огорчилась на следующее утро мама, услышав, как я сиплю. – Опять неделю пропустишь, а то и две...

Когда все ушли, я долго лежала с завязанным горлом и размышляла о вчерашнем. Хотелось узнать, что пишут о нашем спектакле в Интернете, но вставать было лень. Однако пришлось – в рюкзаке зазвонил телефон. Конечно, это была Валька.

– Привет!

– Чего расхрипелась?

– Форточку вчера не закрыла.

– На звезды пялилась, – фыркнула она. – А у нас тут такое на математике было! Я думала, Акулу удар хватит. Вчера один из мальчишек такое отмочил... Угадай с трех раз!

– Не той рукой салютовал?

– Нет.

– А что?

– Сдаешься?

Вечно она так.

– Сдаюсь!

– В носу ковырялся, прикинь! Все время, пока мы на сцене стояли!

– Ни фиги себе! – дала я петуха в трубку. – А кто это был?

– Вот и Акула хотела это узнать. Весь урок на мальчишек орала.

– Так она что, сама не видела?

– Откуда! Она же за кулисами торчала.

– И как она узнала?

– Ее знакомые на премьере были. И она сегодня разорялась, что всю ночь от позора заснуть не могла. Значит, ей тем же вечером настучали, – Валька хихикнула. – Отпад! Аж самой интересно, кто из наших балбесов так отличился.

– А никто не признался? – Я, конечно, имела в виду, не выдал ли себя кто, но когда болеешь, соображаешь туго.

– Ты что там, все мозги себе отлежала? Кто признается! Дураков нет. Знаешь, даже прикольно было.

– Чего прикольно? Когда она орет, что ли?

– Ну, не на нас же. Ладно, все, отбой, тут уже звонок звенит. Я побежала, пока!

Мне стало грустно, будто она, торопливо помахав мне на прощанье, запрыгнула в космический корабль, отправившись бороздить просторы Вселенной, а я осталась на Земле, и разделяют нас теперь миллионы световых лет.

Вдруг раздался звонок в дверь. Я удивилась – кто бы это мог быть? Обычно в это время дома у нас никого не бывает: мама на работе, Вероника в университете, я в школе. Что делать-то? Мама строго-настрого запрещает мне открывать дверь незнакомым, когда я одна.

Пока я соображала, как поступить, из-за двери раздался голос Татьяны Михайловны:

– Лана, птенчик, не бойся, это я!

Я поспешно прошлепала к двери, хотела открыть задвижку, но задвижка и так была открыта, потому что мама, уходя, заперла меня снаружи. Пришлось возвращаться в комнату, лезть в рюкзак и шарить в нем целую вечность в поисках ключа. А она стоит там и ждет...

– Эбэ Таня, я ключ искала, – начала я оправдываться из-за закрытой двери, а когда открыла ее, увидела Татьяну Михайловну с трехлитровой банкой морса в руках.

– Я маму твою утром по дороге встретила, –

сказала она, заходя. – До остановки вместе шли. Младшая, говорит, заболела, простыла. Что ж ты так не бережешься-то? И маму не бережешь. Она, бедная, из-за тебя расстроилась. Я вот морса тебе принесла. Банку потом вернете.

– Спасибо, эбэ Таня...

– Да что ты в одних носках стоишь?

Надев тапочки, я пошла на кухню, где Татьяна Михайловна уже поставила свою банку на стол.

– Может, сразу и попробуешь? Где твоя чашка?

Я вытащила свою любимую, с ирисами. Возле озера в бабушкином сайылыке растут такие же. Эбэ Таня налила мне морса почти до краев и, глядя на мои тапочки в виде собачьих мордочек, сказала:

– А мы в свое время до самых холодов босиком бегали. Бывало, так замерзнешь, что ног не чуешь. Счастье, если попадетсЯ где на дороге коровья лепешка – бегом к ней, встанешь в самую середку – тепло, хорошо...

Я моментально вспомнила, как летом у проныры Джоборо случился понос. Кытаппай по закону подлости в этот момент оказался у нее под хвостом, и его накрыло с головой. Мне пришлось нарвать уйму травы, чтобы очистить его от Джобориного «жидкого стула» (а Кытаппай думал, что я его глажу, и норовил ткнуться носом в мои ладони). Ну, что сказать... жижа действительно была теплая (как много травы ни нарви, на руки все равно попадет), но греться в ней – бр-р-р! Хотя я ведь босиком никогда не ходила – даже летом на пляже мама заставляет шлепки надевать...

Когда Татьяна Михайловна ушла, я стала размышлять о превратностях судьбы. Сидеть дома, конечно, хорошо: валяешься в постели, сколько захочешь, фильмы и сериалы смотришь – сколько влезет, а если надоест – можно почитать. Вон, Валька вчера в театре про Синюю Бороду интересно рассказывала, но наверняка в Интернете можно больше найти.

И все-таки... Все-таки чего-то не хватало. Было интересно, чем там занимаются Валька, Дездемона и... кое-кто еще. Но он-то наверняка весь в своей математике и даже не замечает мо-

его отсутствия. Ну и пусть! Назло ему постараюсь поболеть подольше.

Однако через три дня мне болеть надоело. Очередь в поликлинике – что-то с чем-то, малыши (и не только малыши, а вполне себе большие девчонки и мальчишки) режут так, что куда там дуэту Найка & Сайка, да и утром не поспишь в свое удовольствие – мама будит перед уходом на работу, чтобы влить мне в рот лекарство.

– Мама, дай поспать, я потом эту гадость выпью, когда проснусь! – пробовала я протестовать.

– Так я тебе и поверила.

Она иногда бывает как Акула, честное слово!

Когда я пошла на поправку, мама, закрывая дверь, крикнула:

– Отнеси уже, наконец, банку эбэ Тане! Только сначала позвони, вдруг ее нет дома.

Татьяна Михайловна была дома.

– Ланочка, птенчик, проходи.

– Эбэ Таня, я лучше пойду, – стала я отнекиваться.

– Ну куда ты пойдешь! Небось, скучно одной-то сидеть? Мне вот скучно. Так что не стой, проходи.

Обычно я дальше кухни не ходила, а тут она завела меня в комнату, где все тоже было заставлено цветами, чьих названий я не знала.

На стене висел ковер. «Прошлый век», – говорит дядя Дима. Наш ковер, свернутый в рулон, стоит в углу прихожей, и мама жалуется, что уже замучилась его разворачивать, пылесосить и обратно сворачивать, а выбросить нельзя, ведь это подарок бабушки Ани.

– Вы его Веронике всучите, когда она замуж надумает, – пошутил как-то дядя Дима. – Передадите, так сказать, по наследству!

Ковер эбэ Тани был совсем старый, и к нему была прикреплена фотография молодого мужчины и не очень молодой печальной женщины. Проследив за моим взглядом, она сказала:

– Родители мои. Это мне две фотографии соединили. Я так захотела. Пусть хоть здесь вместе будут. Отец-то с войны не вернулся. А мать больше замуж не вышла. И когда умирала, все

его звала: «Мэхээс, Мэхээс!» Меня не узнавала, а его звала. Ты, небось, решила, что он младше ее был? Нет, она младше. Только он-то перед уходом на войну сфотографировался, а она много после. Ох, и любила я отца... Всегда его с покоса ждала. Выбегала навстречу, а он подхватит меня, подбросит – мне казалось, я прямо к солнцу взлетаю! – посадит к себе на плечи, да так и идет до самого дома. Мать увидит и давай ворчать: «Отец устал, не лезь к нему...», – а я не слушаю. Он мне землянику приносил – крупную, спелую. Ничего слаще той земляники не ела...

Прямо с покоса их и забрали. Отца, племянника его, Хабырыбыса – тот совсем молоденький был, даже жениться не успел, двух Охоносов – у одного прозвище было Кулгаах* (*кулгаах – ухо. – Прим. авт.), у другого – Харах* (харах – глаз. – Прим. авт.). Они рядом жили и вечно друг над другом насмешничали. Едва завидит Кулгаах соседа, так сразу – к изгороди, что их юрты разделяла. «Ну, – говорит, – рассказывай, чего сегодня видал?» Харах в долгу не остается: «А ты чего слыхал?»* (*у якутов не принято произносить прозвище человека в его присутствии, и Кулгаах с Харахом подтрунивают друг над другом, соблюдая правила приличия. – Прим. авт.).

...Из всех четверых только Харах и вернулся. Я тогда к каждому солдату бросалась, думала, отец, вот и к нему подбежала, когда он у изгороди стоял и на пустую юртенку Кулгааха смотрел... Кулгаахова-то семья в войну вся от голода вымерла – жена, детишек трое, так что, может, и к лучшему, что он под Сталинградом сгинул. Да и у Хараха из четверых мальчишек в живых лишь один сынок остался, Сэмэнчик. Только он на пашне был с другими школьниками – мужчин-то нет, а сеять надо. Учебный год у нас рано заканчивался – как работы в поле начнутся, так всех туда. И я в тот день тоже там должна была быть, да руку сильно повредила. Бригадир, помню, ругался сильно...

И вот увидела я Хараха и кинулась к нему с криком: «Отец!» Он оборачивается – лицо от слез мокрое. Я испугалась, а он сгреб меня в охапку, прижал к себе, словно тех своих детей,

которых больше не обнимет, и застонал, да так страшно...

Харах потом не смог на старом месте жить, жену с сыном забрал и в райцентр переехал. Я, когда семилетку закончила, доучивалась там. Встречала его иногда. Подходил, здоровался, в гости звал. Отца моего вспоминал. Сказал однажды: «Он за пазухой всегда тряпочку носил, а в ней – волосики твои. Достанет и нюхает: «Как же сладко моя доченька пахнет!» Я потом у матери спросила: «Про какие волосики Харах толкует, что-то не пойму...» А она заплакала. Оказывается, перед тем, как в последний раз на покос отправиться, он взял ножницы и у меня, спящей, срезал прядку. Мать удивилась: «Что это ты придумал...» А он ей: «Я ж на дальний покос, это надолго». А оказалось – на веки вечные...

В тот день я долго сидела у Эбэ Тани. А когда вечером позвонила Валька и сказала, что Акула велела написать сочинения на тему «Детство, опаленное войной», я уже знала, про кого напишу.

Но слушать рассказ – это одно, а писать сообщение – совсем другое. Мне пришлось снова идти к Татьяне Михайловне и задавать вопросы:

– Эбэ Таня, ты в прошлый раз про голод рассказывала...

– Засуха тогда была. Земля от зноя трескалась, ничего на ней не росло, а что все-таки выросло, то саранча пожрала. Тучи целые этой саранчи налетели, всех школьников в поля отправили – спастись то, что от урожая осталось. Женщины да старики бились, чтобы план колхозный выполнить: мясо сдай, масло сдай, зерно сдай, лошадей для армии сдай – вместе с сеном. А земля не родит, значит, плана не выполнить, как ни старайся. Голод начался... Целыми семьями вымирили. А хоронили только тех, у кого отец, сын или муж на фронте. Остальные лежали непогребенные по своим юртам, а то и вовсе на улице, где смерть застала.

У соседей наших отец старый был, в армию его не взяли, но все равно мобилизовали куда-то. Мать одна с тремя детьми осталась. Когда совсем неведомо стало, взвалила на закорки младшего сына и убрела куда глаза глядят. А дочки ее

недолго протянули: пошли в лес по дрова – голодные, одежка худая... Как обратно до дома добрались – кто знает, но только добрались и в нетопленной юрте замерзли насмерть. В тайге их никто искать не стал бы – некому, а так по весне, как земля оттаяла, схоронили вместе с остальными, кто зиму не пережил.

И ведь зерно на складе было, и коровы у многих, да что с того – склад каждый вечер печатаывали, а коров, даже личных, забивать не смей – все на учете.

Как мы с матерью живы остались – не знаю. До сих пор помню, как она мне сказала: «Ты не бойся, когда мы умрем, нас по-людски похоронят». Сама опухшая, губами еле двигает. Я заплакала – не громко, а тихонько так заскулила, громко плакать сил не было: «Мы отца дожидаться должны». Она только глаза закрыла. Я уж подумала – умерла, а потом вижу – из одного ее глаза слеза выползает...

Те, кто еще на ногах держался, пытались спастись, уйти, но какое там – по дороге падали и умирали. Если это зимой было, их стоймя втыкали в сугробы на обочинах.

– Зачем, эбэ Таня?

– Чтобы не топтать, когда снегом заметет, и весной похоронить как положено. Вся дорога от Сунтара к Нюрбе и от Нюрбы к Вилюйску такими вешками была обозначена...*

(*13 апреля 1943 г. Центральный Комитет ВКП(б) принял постановление «Об ошибках в руководстве сельским хозяйством Якутского обкома ВКП(б)». 1-й секретарь обкома Якутской АССР Степаненко и председатель Совнаркома ЯАССР Муратов позже были смещены со своих постов. Во время войны в Якутии от голода умерло 26,5 тыс. человек. Численность якутов по переписи 1939 г. составляла 242 тыс. человек. – Прим. авт.)

Голод и холод – вот и все, что в памяти с тех лет осталось. Еще работа непосильная. На сенокос детей лет с пяти-шести выводили. С тех, кто в школу пошел, спрос как со взрослых был. Мы места для пашен расчищали, а там пни чуть не с нас ростом – попробуй выкорчуй. На сенокосе до первого снега работали: вода в озере уже ледком затянется, а ты обмотаешь босые ноги

травой, да и лезешь в эту воду осоку косить или сгребать. Когда окоченеешь вконец, залезешь на кочку, помочишься на ноги. Постоишь, пока тепло, потом обратно – работать.

Осенью темнеет рано, бывало, распряжешь коня или быка, чтобы попаслись, а у них уже и сил на это нет. Залягут где-нибудь и затаятся. Ищешь, ищешь в кромешной тьме, а они не то что на зов не откликаются, но даже, кажется, не дышат, чтобы только не нашли их, дали отдохнуть хоть немного.

А после рабочего дня мы с матерью из заячьих шкурок шили рукавицы и шапки для красноармейцев. Я старалась, верила – что-то из этого непременно отцу достанется. Даже когда черное письмо* (*черное письмо – похоронка. – Прим. авт.) на него пришло – все равно верила. Ждала, что вернется он...

Перед тем, как отнести свою работу в школу, я попросила Веронику проверить ошибки. Обычно она поднимает страшный крик, если ошибок много (хотя там и опечатки есть, а это ведь не одно и то же!). Но рассказ эбэ Тани сестра прочла молча. Я уж думала, что все чисто, но оказалось – как обычно.

– Возле бабушкиного сайылыка есть одна поляна... – начала вдруг она, и я чуть не подпрыгнула.

– Да знаю я! Страшная такая...

– Там в войну тоже целая семья с голоду умерла. Отец, мать и девять детей.

– Откуда ты знаешь?

– Кто-то из деревенских сказал. Я тогда маленькая была, и долго потом боялась в деревню мимо этой поляны ходить.

– А почему ты мне не рассказывала?

– Ты не спрашивала. Да и вообще... Меньше знаешь – лучше спишь.

– Я-то думала, там абаасы.

– Ну, в жизни есть вещи и похуже.

– А бабушке с дедушкой столько лет, как эбэ Тане?

– Не знаю, сколько лет эбэ Тане, но думаю, да, примерно столько же.

– Значит, они помнят войну?

– Помнят, конечно.

МАЙЯ ТОБОВА. ТАЙНА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ.

- А почему не рассказывают?
- Тяжело, вот и не рассказывают.
- А если я следующим летом их спрошу?
- Попробуй.
- Скажу, что для школы надо.
- Быстро соображаешь, – улыбнулась она. –

Если для школы надо, они расскажут...

Из работ учеников 5 «а» класса

«Маминому отцу было восемь лет, когда умерли его родители. Остались они одни со старшим братом Василием. Через год началась война. Василий получил повестку.

Всех призывников собрали на аласе* (*большая ложбина с пологими склонами. – Прим. авт.) неподалеку от их дома и никого туда не пускали – боялись дезертирства. Когда их построили и вывели на дорогу, женщины бросились туда, но охрана отогнала их.

Мой дед с другими мальчишками побежал за ними по лесу. Ветки хлестали по лицу, он падал, вставал и продолжал бежать – хотел в последний раз увидеть брата, но ничего не видел от слез и пыли, которая висела над уходящей колонной.

Через полгода на Василия пришла “похоронка”». (Кэскил Софронов).

«Мой прадедушка ушел на фронт из Антоновки – сейчас это пригород Нюрбы. Когда пароход отходил от Нюрбинской пристани, капитан дал прощальный гудок, и пароход кричал до самой Антоновки.

Прабабушка осталась с пятью детьми. Старшего вскоре мобилизовали на фабрично-заводское обучение – пришла повестка, как в армию, где было написано, что уклонившиеся от мобилизации понесут уголовную ответственность. А младший родился после того, как отец ушел на фронт, и он его даже не видел. Это был мой дедушка, который от недоедания не ходил до пяти лет...». (Алеша Федоров).

«Мой прадедушка родом из Кобья, и на войну он уходил с сангарскими шахтерами. Когда пароход стал отходить от берега, жены русских шахтеров бросились за мужьями. Моей бабушке было десять лет, она стояла на пристани с матерью, мать крепко держала ее за руку и твердила:

«Не плачь, нельзя плакать...» А русские женщины метались взад-вперед – кто по колено в воде, кто по пояс – и протягивая руки вслед пароходу, страшно выли. Бабушка до сих пор не может смотреть сцены прощания в фильмах, всегда встает и уходит из комнаты». (Кэрэчээнэ Гуляева).

«Мой прадедушка оказался на передовой, когда ему было 18 лет, и мама говорит, что это тоже детство, опаленное войной. Первое, что он увидел там, – мертвые немцы. Но ему показалось, что они вроде как дышат. Пригляделся и увидел копошащихся на них белых червей». (Слава Борисов).

«В начале войны мой дедушка остался совсем один – мать умерла до войны, а отец ушел на фронт. Его приютил старик по имени Никус. Однажды в начале зимы им поручили вывезти с фермы мерзлый навоз – балбах, а вместе с навозом – тела двух доярок, умерших от голода. Одна из них была совсем молодая, ее звали Татыйык, Татьяна. До войны она была первой красавицей наслега, но тут он ее не узнал: вместо девушки лежала высохшая старуха, только косы были черные.

Земля уже застыла, и выдолбить в ней могилу старому и малому было не под силу, и они просто скатили мертвых доярок в овраг, но потом Никус сказал: «Не годится бедняжек так оставлять, люди ведь. Давай хоть балбахом закидаем».

Даже через много лет дедушка плакал, когда говорил, что больше всего боялся, как бы мерзлый ком балбаха не угодил Татыйык в лицо, ведь когда-то она была красивая...». (Света Готовцева).

Мы принесли свои сообщения уже распечатанными, а перед тем, как вывесить их на стендах в фойе, Акулина Кириковна решила прочесть, что там написано, хотя сначала говорила: «Это дело Ираиды Николаевны».

Когда она с ними ознакомилась, вид у нее был такой, будто она хлебнула уксуса.

– Вы меня с ума сведете. Я же просила вас подойти к этому заданию серьезно и ответственно, подключить родителей, чтобы они просмотрели ваши работы, подправили, где надо.

А вы что принесли? Ужасы пополам с каким-то диким натурализмом. Мертвые вдоль дорог стоят... Эртюкова, не сиди с таким видом, будто это тебя не касается. А ты, Гуляева, показывала свое сообщение маме, или она опять у тебя в командировку уехала? Показывала? И почему же она тогда не заменила слово «выли» на «плакали»? А что касается тебя, Борисов... у меня просто нет слов. Это же люди читать будут. Комиссия в школу придет. Их же наизнанку вывернет. Тебе так не кажется? В общем, те, чьи работы я назвала, – возьмите их и переделайте. Да, и еще Федоров. Замени фразу «пароход кричал до Антоновки», а не сможешь – просто выброси. «Капитан дал прощальный гудок» – этого, я думаю, достаточно.

– Я не буду ничего менять, – сказал Алешка.

Акула посмотрела на него так, будто впервые увидела. Не могу сказать, что он был ее любимчиком – у нее, наверное, на целом свете не было любимчиков, но она явно ценила его способности и никогда не ругала. А тут он стоит перед ней и отказывается выполнять ее распоряжение!

– Я тоже не буду, – услышала я свой голос, и увидела, как у Алешки почему-то порозовели уши. «Вот бы увидеть его лицо», – подумала я и изумилась – раньше при виде Акулы все мои мысли куда-то испарялись, и голова становилась совершенно пустой. А сейчас... что на меня нашло?

– И я не буду! – Дездемона со Славиком выкрикнули это одновременно (и вскочили тоже одновременно).

Она переводила взгляд с Алешки на меня, с меня на Славика с Дездемоной и... молчала.

В этой звенящей тишине в дверь постучали, потом она открылась, и вошла Ираида Николаевна.

– Извините, что отвлекаю. У нас форс-мажор. Комиссия приедет не завтра, а сегодня. Работы готовы?

Акула, стуча каблуками, вышла в коридор, жестом пригласив Ираиду Николаевну следовать за ней.

Отсутствовала она недолго. Процокав к своему столу, сгребла из-под кактуса наши работы – все! – и вышла, сказав:

– Сидите тихо, я сейчас вернусь.

На нас она не смотрела. А когда вернулась, устроила опрос на тему прошлого урока – и никаких придилок по поводу наших работ. Мы почти не верили в происходящее.

Со звонком на перемену волшебные чары не рассеялись: все работы висели на стендах по соседству со стендами других классов.

А через две недели мы узнали, что нас наградили поездкой в село Сымах Мегино-Кангаласского улуса – на родину Героя Советского Союза Федора Попова* (*Попов Федор Кузьмич (1921–1943) – рядовой 467-го стрелкового полка, при форсировании Днепра сумел в числе первых переправиться на занятый немцами берег, в рукопашной схватке уничтожил до 50 солдат и офицеров противника и удерживал плацдарм до подхода основных сил. Погиб при освобождении Белоруссии, похоронен в деревне Деражичи Лоевского района. После гибели Федора земляки-мегинцы собрали средства на строительство танка «Герой Советского Союза Попов». – Прим. авт.)

Сейчас мы больше всего интересуемся прогнозом погоды и мечтаем, чтобы ударили морозы покрепче и поскорее открылась ледовая переправа через Лену. А то пока не открылся зимник, не видать нам Сымаха. Так что держите за нас кулачки, ладно?

МАЙЯ ТОБОЕВА. ТАЙНА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ.

Владимир ПЕСТЕРЕВ,
кандидат
исторических наук

29-30 августа 2018 года состоялась общественно-научная конференция «Долгий путь к покаянию и примирению: Уроки гражданской войны в Якутии». Конференция была организована при деятельном участии известных краеведов А.В. Мигалкина и А.С. Павлова Якутским региональным отделением Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) (председатель С.А. Ларионов), отмечающим 125-летие со дня образования. В работе конференции приняли участие внуки и правнуки красного командира И.Я. Строда и белого генерала А.Н. Пепеляева: Ольга Новомировна Русина (Строд), Ян Сергеевич Строд, Виктор Лаврович Пепеляев, Игорь Викторович Пепеляев. В работе конференции принял участие заместитель председателя ИППО С.Л. Байдаков. Родственники Строда и Пепеляева посетили в Амгинском улусе местность Сасыл-Сысыы и на «Доме Строда» установили в знак исторического примирения мемориальную доску.

В БОРЬБЕ ЗА ПРАВДУ – ПОИСК ИСТИНЫ Судьбы красного командира Ионса СТРОДА и белого генерала Анатолия ПЕПЕЛЯЕВА на фоне гражданской войны в Якутии

К 1917 году Якутия, являясь составной частью Российской империи и, подчиняясь общим закономерностям общественно-политического, социально-экономического развития, влилась в общий революционный поток модернизации страны.

История гражданской войны в России – это не только история противоборства белых и красных, но и история самоорганизации народа с оружием в руках, защищавшего свои интересы в форме повстанчества в услови-

ях вооруженной борьбы за власть между большевиками и их противниками. Итогом гражданской войны явились колоссальные бедствия, понесенные народами разрушенной Российской империи. От голода, холода, болезней, террора (белого и красного) и в боях погибли (по разным данным) от 8 до 13 миллионов человек, из них 1 миллион 580 тысяч бойцов Красной армии. А потери белых и крестьян - повстанцев не были до конца подсчитаны. Около двух миллионов

человек эмигрировали из России, среди них много профессиональных военных, инженеров, ученых, деятелей культуры, многие из которых позже составили мировую славу США, государств Европы и Азии своими научными открытиями и деятельностью. Ущерб, причиненный народному хозяйству составил около 500 млрд. золотых рублей¹.

¹ В.И. Пестерев. Гражданская война а северо-востоке России и антикоммунистические выступления в

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Сошли с исторической сцены России социальные группы – духовенство, дворянство, купечество, казачество. Идеальный раскол народа привел к тому, что, люди говорившие на одном языке, смотрели друг на друга как на врага. Хотя победа была одержана красными, пострадали от гражданской войны «наши и не наши». Это в лишний раз подтверждает истину, что победителей в гражданской войне не бывает. У каждого была своя правда, все дрались «за Россию», «за Родину».

В современных условиях развития государственности Республики Саха (Якутия) подрастающему поколению якутян необходима правдивая история гражданской войны. Только знание всей правды трагедии народа, сможет предостеречь от новых войн, распознать ее провокаторов и избежать повторения трагедии гражданской войны. А обстановка в мире накаляется, сегодня бушуют пожары гражданской войны в Украине, странах Африки, Азии и даже в благополучной Европе.

Гражданская война в Якутии началась с приходом интернационального отряда Красной армии под командованием поляка А.С. Рыздинского, вышедшего 28 мая 1918 года из Иркутска в Якутск для установления Советской власти. Под огнем жестокой борьбы за власть в Якутии заложником оказалось мирное население, состоящее из 85% саха, 8,2% русских, 6,4% эвенков и представителей других народов, ставшее жертвой, понесшее разорение и обнищание.

Беднейшие слои населения поддерживали идеи большевиков – коммунистов, выступили под красным знаменем, под лозунгом «Да здравствует Советская власть!». Другая часть – под руководством части на Якутии (1918-1930 гг.) . Я. 2008. Изд-во ЯНЦ СО РАН. С.5

циональной интеллигенции и бывших офицеров, лидеров ВЯОНУ под российским триколором за демократию под лозунгами «Долой Чека!», «Долой коммунистов!», «Да здравствует советская власть без коммунистов!». Большинство населения Якутии – представители духовенства, купечества, казачества, интеллигенции старались сохранить нейтралитет в вооруженной борьбе, что было сложно.

Военные действия гражданской войны нанесли большой ущерб народному хозяйству Якутии. Война прошла огненным вихрем по судьбам народов Якутии, нанесла непоправимый урон генофонду. Погибли в боях, по моим подсчетам, и расстреляны как враги около 3 тысяч человек. Это были молодые, талантливые пассионарии. Линия фронта зачастую пролегла между отцом и сыном, братьями, сестрами.

Первоначально амнистированные противники советской власти, повстанцы, пепеляевцы вновь подверглись репрессиям в 30-е годы. За ними были репрессированы победители – руководители правительства ЯАССР, красные командиры и партизаны. Родственники и члены семей репрессированных «врагов народа», контрреволюционеров лишались возможности получать образование, продвижения по службе. По отношению к ним применялись дискриминационные меры при приеме на работу, производилась конфискация имущества. В результате этих мер многие семьи умерли от голода.

Репрессии подверглось и якутское духовенство при отделении церкви от государства. Якутский военно-революционный штаб в марте 1920 года издал приказ об отделении церкви от государства и школы от церкви. Всего было репрессировано по Советскому Союзу 120 тысяч священнослужителей.

телей, по Якутии 292 священнослужителей. За этими цифрами скрыта трагедия конкретных людей и их семей. В годы гражданской войны Якутии стали невинными жертвами более десятка священнослужителей. Красными был расстрелян в 1922 году в Намцах купец Николай Винокуров за антисоветскую агитацию, во 2-м Жемконском наслеге Восточно-Кангаласского улуса в феврале 1922 года вместе с 22-мя мирными жителями был зарублен священник Иван Черных с сыном Григорием. В 1921 году в Нюрбе красными был расстрелян сын священника из Эльгяй 20-летний Попов. Там же в том же году были подвергнуты телесным наказаниям (пороли шомполом) священник Д.П. Протопопов, служивший в Верхневилуйске и Нюрбе, священник из Малыкая С.Н. Габышев, его брат И.Н. Габышев, священник В.К. Мартынов и другие.

Повстанцами в Аллаихе Колымского округа был расстрелян вместе с В.Д. Котенко, уполномоченным Якутского губревкома по Северным округам и Камчатке, в декабре 1921 года священник Леонид Синявин. В большинстве случаев священники старались примирить красных и белых, защитить мирное население от террора, но по закону гражданской войны «кто не с нами, тот против нас» они сами становились жертвами.

По воле истории территории Амгинского и Усть-Майского улусов стали местом, где зарождались и развивались события гражданской войны. Через наслега Амгинского улуса прошли огненным смерчем сражения: повстанчество (август 1921 – октябрь 1922 гг.), поход Сибирской добровольческой дружины Пепеляева (октябрь 1922 – июнь 1923 гг.), тунгусского восстания (май 1924–август 1925 г.) и вооруженная демонстрация

² В.Пестерев. Станицы истории земли Олонхо. Я. Бичик. 2013. С. 180

конфедералистов (ноябрь 1927 – февраль 1928 гг.) – жадно пожирая свои жертвы, как из рядов противоборствующих сторон, так и среди мирного населения.

Во всех этих событиях гражданской войны принимал активное участие И.Я. Строд, выходящий победителем. Если жертвы обеих враждующих лагерей приблизительно подсчитаны, то число невинных жертв среди гражданского населения еще требуют уточнения. По моим данным Амгинский улус потерял около 400 человек мирных жителей, ставших жертвами гражданской войны в разные годы. Война – это пик человеческой жестокости и в ней всегда гибнут невинные. В гражданскую войну вольно и невольно вовлекаются люди, помимо их желаний.

За установление советской власти в Якутии погибли в боях и были расстреляны повстанцами 145 амгинцев³. Амгинцы воювали за советскую власть в Средней Азии, на Дальнем Востоке и в Сибири. Например, Алексей Евсеевич Кралин, А.В. Жирков, И.Д. Емельянов, А.М. Семенов, И.И. Константинов, Еремей Г. Куличкин и многие другие. Первым из народа саха высшим знаком отличия – орденом Боевого Красного знамени награжден И.П. Михайлов – Харачаас в 1922 году. Его старший сын Прокопий сражался в рядах повстанцев против красных и был убит. Харачаас через председателя ревкома П.А. Ойунского добился отпевания при похоронах, что в то время было очень сложно и доказывает, что не все в условиях гражданской войны забыли нравственные ценности. Волею судьбы командир повстанцев со своим отрядом поддержал дружину А.Н. Пепеляева.

Амгинец Асклиопиодот Афанасьевич Рязанский провел ряд лет в эмиграции в
³ В.Пестерев. Амга в вихре гражданской. Я. Бичик. 1997. С. 105-114

ЭККУРС В ИСТОРИЮ

Китае, США, Австралии. В годы Второй мировой войны воевал в составе английской армии с гитлеровцами. Всего из-за гражданской войны эмигрировали за пределы России десятки якутян. Многие семьи амгинцев и усть-майцев бежали в Аян и Охотск, напуганные красным террором.

В судьбе каждой семьи якутян саднит рана гражданской войны. Сегодня пришла пора вылечить ее, перестать делиться на красных и белых.

Уроженцы Амгинского улуса – командиры повстанческих отрядов М.К. Артемьев, Н.И. Алексеев-Ууттуур Уола, В.Д. Борисов и другие также поддержали Пепеляева. Жители Амгинской слободы и ближних наслегов относились к дружинникам дружелюбно, так как они за взятые у них фураж, продукты и одежду платили. Более того, полковник Худояров отпустил на свободу попавших в плен 17-18 января 1923 года П.А. Слепцова-Ойунского и брата командующего вооруженными силами Якутии К.К. Байкалова И.К. Жарных.

Амгинский волостной исполком в своей переписке с комиссией по борьбе с последствиями голода при ЯЦИК по вопросам повстанческого движения указал расходы к августу 1923 года по всем 18 наслегам в сумме 290293 руб. 29 коп., это при годовом бюджете ЯАССР равной примерно 2 млн. рублей⁴. Документы о понесенных расходах по Якутии при уничтожении дружины А.Н. Пепеляева пока не найдены. И белые и красные обычно грабили те селения, жители которых ушли к противникам или были угнаны.

Основные сражения с Сибирской добровольческой дружиной генерала-лейтенанта А.Н. Пепеляева были на амгинской земле – взятие, освобождение Амгинской

⁴ Там же. С. 8

слободы и ледовая осада Сасыл-Сысыы, бои в Билистяхе, Элэсине, Толоне, Сасыл Уйалах. Ледовая осада Сасыл-Сысыы вошли в историю гражданской войны в Сибири, как яркий пример мужества, стойкости и героизма красных бойцов под командованием Ивана Яковлевича Строда. Впервые юбилей Сасыл-Сысыы был отмечен в связи с 10-летием образования ЯАССР в 1932 году, где принимали участие И.Я. Строд, и Е.И. Курашов. В 1963 году был отмечен 40-летний юбилей осады Сасыл-Сысыы, организованный по инициативе амгинского учителя Дмитрия Семеновича Лонгинова. В 1998 году во время пожара основные здания, существовавшие по время осады, сгорели.

Данный этап гражданской войны в Якутии хорошо изучен исследователями. О «пепеляевщине» статьи написали современники, участники описываемых событий В.В. Никифоров-Кюлюмнюр, председатель Якутского ревкома и ЯЦИК П.А. Слепцов-Ойунский, секретарь бюро Якутского РКП (б) М.К. Аммосов, командующий вооруженными силами Якутского края К.К. Байкалов и многие другие. Свой вклад внесли известные ученые-историки – первый биограф И.Я. Строда, уроженец Эмисского наслега, кандидат исторических наук В.Н. Чемезов, доктора исторических наук Г.Г. Макаров, Г.П. Башарин, Е.Е. Алексеев, Р.В. Шелехова и другие, краеведы Г.Ф. Алексеев, Д.Н. Павлов, Д.Н. Гаврильев, Д.С. Лонгинов, К.Г. Кайдалов, А.Х. Лавыдов и другие амгинцы. Свои воспоминания о И.Я. Строде как талантливом красном командире, «якутском Чапаеве» оставили красноармейцы, воевавшие под его командованием в Сасыл-Сысыы и других местах, и хорошо знавшие его, а также сотрудник Якутского ГПУ А.А. Струлевич и другие.

В литературе и научных работах со-

Слева направо: правнук А.Н. Пепеляева Игорь Викторович Пепеляев, внук Виктор Лаврович Пепеляев, внучка И.Я. Строда Ольга Новомировна Русина (Строд), правнук Ян Сергеевич Строд.

ветского периода генерал А.Н. Пепеляев характеризовался как антигерой гражданской войны, колчаковец. Его поход в Якутию, «пепеляевщина», был заклемен авантюрой. В.В.Никифоров-Кюльмнюр – современник описываемых событий писал: «Каждому не лишнему некоторого здравого смысла человеку ясна была вся абсурдность похода этого выбитого из колеи общественной жизни генерала, который, влекомый только своей слепой ненавистью к советской власти, бессмысленным честолюбием и жадной борьбой с большевиками, затеял без всякой

поддержки общественных кругов и средств на авось авантюры»⁵ Но у А.Н. Пепеляева и у дружинников было великое простое человеческое желание вернуться домой к своей семье, женам и детям.

О разгроме Сибирской добровольческой дружины написал И.Я. Строд в своей многократно переизданной книге «В якутской тайге». Тему героической обороны Саясыл-Сысыы не обошли вниманием кино и литература. Народный писатель Якутии С.П.

⁵ В.В.Никифоров.-Кюльмнюр. Солнце светит всем. Я. Бичик. 2001. С. 295

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Данилов написал роман «Красавица Амга». Были выпущены в 70-х годах прошлого века на экраны Советского Союза кинофильмы «Утро долгого дня» и «Якутск. Губчека. Секретно», воспевавшие героизм красноармейцев в борьбе за советскую власть.

В годы перестройки и демократии стали доступны широкой публике книга «Дневник генерала А.Н. Пепеляева», а также книга генерала Е.К. Вишневого «Аргонаты белой мечты», изданная в Харбине 1933 году. Известным журналистом Якутии П.К. Конкиным написаны многие статьи, посвященные жизнеописанию генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева, где по-новому освещаются многие известные и неизвестные факты.

Молодого генерала А.Н. Пепеляева, подошедшего ближе всех белых генералов к Москве, в годы гражданской войны современники называли «сибирским Суворовым». Солдаты его любили, уважали и называли Пепеляева «мужицким генералом».

В 2015 году была издана книга Л.А. Юзифовича «Зимняя дорога», в этом документальном романе писатель исследовал взаимоотношения анархиста-коммуниста И.Я. Строда и белого генерала А.Н. Пепеляева. Описание темной и светлой сторон войны и их участников раскрывают истинную натуру человека, трагизм и драматизм человеческой души и судьбы. Если, благодаря дворянскому воспитанию, А. Пепеляев получил прекрасное общее и военное образование, то И. Строд имел всего три класса образования. Но талантливо написанные им книги и воспоминания восхищали не одно поколение читателей. А.Н. Пепеляев был глубоко верующим человеком, за все годы войны им не был подписан ни один смертный приговор. Более того, после взятия г. Перми им были отпущены на свободу более 12 тысяч попавших в плен красноармейцев

и более 800 бывших офицеров. Хотя по законам гражданской войны все они подлежали смертной казни. И.Я. Строд также был противником бессмысленных казней, хотя однажды он лично расстрелял красноармейца Гомартели за мародерство и насилие над олекминскими якутами. А.Н. Пепеляев будучи генералом тяготился военной службой, И.Я. Строд был человеком войны. Как В.И. Чапаев и С.М. Буденный он стал полным георгиевским кавалером. У И.Я. Строда, как и у Пепеляева, не было ни мстительности, ни ожесточения, он легко сходил с недавними врагами за столом переговоров.

В момент противостояния в Сасыл-Сысы А.Н. Пепеляеву было 31 год, И.Я. Строду 28 лет. Строд был холост, Пепеляев женат на Нине Ивановне, дочери купца, имел двух сыновей: Всеволода 1913 года рождения и Лавра 1922 года рождения. Оба противника владели высшими человеческими качествами, были верны своим идеям и идеалам. А.Н. Пепеляев был сторонником идеи Сибирского областничества, И.Я. Строд через идеи анархии пришел к коммунистам. В 1927 году был принят в члены РКП (б), в 1931 году вышел из партии, так как был не согласен с политикой ЦК ВКП (б).

Провидению было угодно, чтобы они встретились на завершающем этапе гражданской войны России. Это знаковая встреча, означающая конец гражданской войны в России, состоялась 17 июня 1923 года.

В июне 1922 года прибывшие в разное время во Владивосток представители В.А. Коробейникова П.С. Куликовский и ВЯОНУ Г.С. Ефимов, С.П. Попов, Г.В. Никифоров – Манньяттаах Уола, Антипин, Яковлев добились от представителей Временного Приамурского правительства братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых, затем М.К. Дитерихса

разрешение на формирование отряда добровольцев в помощь повстанцам Якутской области под командованием генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева. Они убедили его, что восставшее против коммунистов население Якутии, ждет его помощи.

Пепеляевцы выступили против большевиков под бело-зеленым флагом Сибирских областников, переделанным А.Н. Пепеляевым: на бело-зеленом флаге областников по диагонали проходила широкая красная полоса – символ революции. На другой стороне флага были изображены православный крест и лик Спаса Нерукотворного – в знак того, что «революция заканчивается обращением к Христу».

С лозунгом «Через Автономную Якутию к Автономной Сибири» А.Н.Пепеляев планировал после взятия Якутска созвать народное собрание и на основе всеобщего голосования без различия пола, вероисповедования и национальности определить форму народовластия без коммунистов. В свое время он предлагал Верховному правителю А.В. Колчаку заключить мир с В.И. Лениным и организовать Сибирскую республику до Урала по примеру Дальневосточной Республики. А.Н. Пепеляев признал верховенство гражданской власти во главе с П.А. Куликовским и, став во главе тобольских, енисейских, иркутских и пермских крестьян, рабочих уральских заводов, солдат и офицеров, ветеранов Первой мировой войны, бывших колчаковцев во имя своих демократических идей, рассчитывая на помощь и поддержку якутского народа, согласился на поход в Якутию. Большинство добровольцев записались в дружину в надежде вернуться домой, на родину, к семьям.

В своем дневнике 6 февраля 1923 года он написал: «Моя мечта выйти в Сибирь, освободить Сибирь, собрать Всесибирское уч-

редительное народное собрание, передать всю власть представителям народа и дальше, как они решат...»⁶

В снаряжении и вооружении отряда принимали участие якутские купцы-эмигранты П.А. Кушнарев, Г.В. Никифоров, С.П. Попов и другие. Предоставили кредиты фирмы: американские «Олаф Свенсон и Ко», «Братья Холмс», английская «Гудзон Бей», Британская дальневосточная компания, японские «Арай Гуми», «Никон Моохи» и правительство Н.К. Дитерихса⁷.

Сибирская добровольческая дружина в составе 650 (720 по Е.К.Вишневному) прибыли в Аян 6 сентября 1922 года, где встретились с В.А. Коробейниковым⁸. 7 сентября А.Н. Пепеляев провел совещание, где было принято решение о начале похода на Якутск. Он организовал «Совет народной обороны» из числа местных коммерсантов и «общественных деятелей», задачей которых было формирование отрядов из местных жителей и снабжение Сибирской дружины продовольствием и транспортом (лошадьми и оленями). Позже в Амге 5 февраля Совет народной обороны был переизбран. Председателем стал М.К. Артемьев, членами В.Д. Борисов, Г.П. Грачев, В.Е. Ощепков, В.И. Попов. В Охотске, Аяне, Усть-Мае, Татте, Чурапче, Амге к дружине присоединялись остатки разбитых отрядов повстанцев. В Охотске и Аяне в дружину записались около 200 повстанцев в надежде вернуться домой в свои улусы.

⁶ В.И. Пестерев. Исторические миниатюры о Якутии. Я. Нац.книжное изд-во. 1993. С. 94

⁷ В.И. Пестерев. Гражданская война на северо-востоке России и антикоммунистические выступления в Якутии (1918-1930 гг.) . Я. 2008. Изд-во ЯНЦ СО РАН.с.241

⁸ Там же. С.244

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

11 сентября Сибирская дружина выступила на поход в направлении Нелькана по заброшенному и заросшему Аянскому тракту (от Аяна до Якутска было 1200 км).

Командование 5-й Красной армии с самого начала было в курсе целей и задач похода Сибирской дружины на Якутск. Поэтому был отдан приказ Якутску снабдить военную экспедицию в составе 300-350 «лучших красноармейцев с лучшим командованием и снаряжением» навстречу пепеляевцам. В этот момент отряды красных, преследующие отступающих повстанцев «народной армии» В. Коробейникова, находились в Аллах-Юне, другой отряд под командованием И. Л. Карпеля – в Нелькане.

25 сентября 1922 года в Нелькан к И. Карпелю появился перебежчик из отряда генерала Пепеляева поручик, латыш Мартынов Наха Бернгард. Затем в Усть-Мае появились перебежчики – рядовые добровольцы Алексей Вычужанин и Богдашкин, которые сообщили о приближении пепеляевцев. И. Карпель вернулся в Якутск. Из-за отсутствия войск в Якутске К.К. Байкалов и правительство ЯАССР под руководством И.Н. Барахова начали формирование отряда ЧОН из комсомольцев и коммунистов, отдельную Якутскую национальную роту из красных партизан и добровольцев под командованием комсомольца Кеши Алексева. Создавались красные партизанские дружины в Чурапче под руководством Н.Д. Кривошапкина-Субурусского, в Тюнгиюлю Л.Н. Фадеева, Бютейдяхе Т.Е. Сосина и другие. Вопреки указаниям командования 5-й Красной Армии из Иркутска правительство ЯАССР начало формирование добровольческого отряда из числа бывших повстанцев – Якнарревдот, численностью 130 человек под командованием Г.Ф. Сивцева⁹. Начальником штаба был

⁹ В.И.Пестерев. Гражданская

назначен И.Л. Карпель, свободно владеющий якутским, комиссарами назначили М.К. Аммосова, А.И. Софронова, командирами отрядов – бывших повстанцев С.М. Михайлова, С.И. Михайлова, Устинова и Широких. Впоследствии численность Якнарревдота увеличилась, по центральным улусам для бойцов Якнарревдота население добровольно собирала лошадей, продовольствие, одежду. П.А. Слепцов-Ойунский в октябре-ноябре 1922 года лично выезжал в Амгинский, Мегинский, Восточно-Кангаласский, Таттинский и Чурапчинский улусы для организации сбора средств. В Мяндингинском наслеге, Арылахе Амгинского улуса П.А. Ойунский признал факт сожжения 5 ноября отрядом красных Е.И. Курашова около десяти домов, амбаров и коровников местных жителей. Тем не менее, он призвал жителей поддержать советскую власть, а не белого генерала. Красные до этого выполняли приказ К.К. Байкалова о сожжении имущества наслегов, чтобы лишить пепеляевцев базы. Роль Якнарревдота в разгроме дружины Пепеляева еще досконально не изучена. А.Н. Пепеляев принял несколько безуспешных попыток по привлечению на свою сторону бойцов Якнарревдота. Бойцы Якнарревдота, расположившиеся в местности Марылах, прикрыли путь Пепеляеву к Якутску. Бойцы Якнарревдота помогли разведчикам-связным И.Я. Строда сильно уставшим за пять суток зимней дороги Алексею Вычужину и Сергею Мирушниченко добраться до Тюнгиюлю и передать пакет И.Я. Строда К.К. Байкалову с сообщением об осаде в Сасыл-Сысыы.

1 съезд Советов Якутии, проходивший

война а северо-востоке России и антикоммунистические выступления в Якутии (1918-1930 гг.) . Я. 2008. Изд-во ЯНЦ СО РАН с. 270

с 27 декабря 1922 года по 19 января 1923 года поставил главной задачей правительства ЯАССР ликвидацию Сибирской дружины Пепеляева.

Дружина заняла покинутый Карпелем Нелькан, испытывая голод и холод, без продовольствия и зимнего обмундирования. По воспоминаниям Е.К. Вишневого «из кожаной обивки дверей варили суп».

По приказу командующего войсками ЯАССР К.К. Байкалова навстречу Пепеляеву для вручения письма председателя ревкома ЯАССР И.Н. Барахова от 14 декабря 1922 года «Гарантия генералу Пепеляеву, офицерам и солдатам отряда генерала Пепеляева» был направлен отряд численностью 40 человек под командованием И.Я. Строда. В письме гарантировалась при сдаче на милость советской власти амнистия всем дружинникам и право выезда на любое место жительства. Отряд И. Строда выступил из Якутска, проезжая, он указал на недостатки в обороне и возможность взятия Амги пепеляевцами. Однако его советы были игнорированы командованием гарнизона во главе с П.И. Бариновым.

22 декабря 1922 года отряд Строда вышел из Амги в направлении Усть-Миль. Там Строд оставил в юрте письмо Якутского СНК А.Н. Пепеляеву и вернулся в Петропавловск Усть-Майского улуса. В письме было сообщено о падении Владивостока и установлении советской власти, о чем Пепеляев узнал еще ранее. В Усть-Миле А.Н. Пепеляев провел съезд алданских якутов, получил от них мясо, фураж и лошадей. До Якутска оставалось 400 км, и он решает направиться через Амгу в Якутск.

В этот момент отряд полковника Андерса 2 февраля 1923 года захватил слободу Амга, часть красноармейцев попали в плен, часть отступили к Якутску.

Пепеляевцы в Амге захватили богатые трофеи: семь пулеметов, 150 гранат, 27000 патронов трехлинейки, 1000 пудов сена, 5 лошадей, 65 оленей, 800 пудов хлеба, 1375 пудов мяса, 40 пудов масла, в Абаге 1000 пудов хлеба и различный инвентарь¹⁰. Прибыв в Амгу А.Н. Пепеляев назначил время наступления на Якутск – 15 февраля.

В с. Петропавловск, куда 3 февраля прибыл отряд Строда, красноармейцы Петропавловского гарнизона по получении известия о взятии Амги пепеляевцами 7 февраля провели стихийное общее собрание и, отстранив от командования С.П. Дмитриева, избрали командиром Строда. На собрании было принято предложение И.Я. Строда выступить на Амгу, чтобы помешать пепеляевцам двинуться к Якутску.

8 февраля сводный отряд в составе 282 бойцов с обозом в 100 саней выступил из Петропавловска к Амге¹¹. В пути И. Строд умело обошел засаду М.К. Артемьева, выполнявшего приказ А.Н. Пепеляева о преграждении пути отряду Строда на Амгу. И.Я. Строд обманым маневром и дезинформацией о возврате отряда в Петропавловск прибыл в Абагу через пять суток, пройдя днем и ночью 200 километров от Петропавловска.

Возле села Абага 13 февраля житель этого наслега Николай Гаврильевич Аммосов – Мокооноп через старика Птицына предупредил Строда о засаде генерала Е.К. Вишневого у Абаги, посоветовал повернуть к Сасыл-Сысы на ночевку по речке Моохулу. Место засады возле Абаги в Улахан Аласе пепеляевцам подсказал бывший князь Стручков. По приказу А.Н. Пепеляева

¹⁰ В. Пестерев Амга в вихре гражданской. Я. Бичик. 1997. С. 48

¹¹ В. Пестерев Амга в вихре гражданской. Я. Бичик. 1997. С. 49

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

полковник Суворов организовал засаду отрядом численностью 260 человек и ожидал Строда. По совету Н.Г. Аммосова Строд повернул отряд к Сасыл-Сысыы, не доходя 2 км до засады. В Сасыл-Сысыы были деревянные строения, позволявшие укрыться. Было семь домов русского сруба, 8 юрт с хотоном, мельница, пять амбаров и другие постройки – всего 25 домов. В приходе отряда Строда Сасыл-Сысыы жили в четырех домах и трех юртах 11 семей. После боя с генералом Вишневым население переселилось из Сасыл-Сысыы в Абагу, но в южной части аласа в двух юртах до конца осады оставались жители Иванов Антон, Гаврильев Алексей, Емельянов Семен и Птицына Прасковья. В усадьбе Карманова Александра Николаевича было три амбара, сарай и дом с хотоном. Отряд И. Строда выдержал в усадьбе Карманова три штурма. Осада Сасыл-Сысыы обернулась кошмаром и для красных и для белых. Баррикада из ста мерзлых трупов врагов и своих, трупов лошадей и быков, едва ли не единственный случай в истории войн.

14 февраля 6 часов утра пепеляевцы начали первый штурм на спящих красноармейцев. 18 дневная «Ледовая осада» Сасыл-Сысыы, продолжавшаяся до 4 марта, описана историками наиболее подробно. В этой битве в нечеловеческих условиях, подробно описанных в книге И.Я. Строда «В якутской тайге», победителем вышел Строд. Смелость и храбрость одних православных русских разбилось о мужество и героизм других православных русских в глухой якутской тайге в аласе Сасыл-Сысыы, при активном содействии обеих воюющих сторон местным населением.

После освобождения Амги 2 марта 1923 года Сибирская добровольческая дружина отступила к Аяну, где были взяты

плен 17 июня отрядом С.С. Вострецова 103 офицера и 230 солдат во главе с генералом Пепеляевым. Итогом похода Пепеляева стали потери убитыми 188, ранеными 161, пленными 319 человек. В боях в местности Элэсин пепеляевцы потеряли убитыми и ранеными около 60 бойцов. В местности Би-листях у белых убито 85, ранено 75 человек. Потери у красных составили убитыми 43, ранеными 26 человек. Всего при ликвидации Сибирской дружины красные потеряли убитыми 192, ранеными 25912.

Расстрелов мирного населения дружинники и красные не производили. В феврале 1923 года житель Эмисского наслега Петр Николаевич Бубякин был обвинен дружинниками отряда М.К. Артемьева в том, что с целью помощи красным он спрятал лошадей, и был приговорен к расстрелу. В этот момент в с. Олом-Кель, отстоящий от Амги 80 км, от Якутска 100 км, прибыл А.Н. Пепеляев и отменил приговор. Однако в боях в Амге погибли от случайных пуль десять человек, о чем написал в своих воспоминаниях К.К. Байкалов.

Командир красного отряда С.С. Вострецов во время пути по морю из Аяна во Владивосток хорошо узнал Пепеляева и сочувствовал ему, впоследствии он ходатайствовал о досрочном освобождении генерала и направлении его на командирские курсы преподавателем по тактике, как и белого генерала Слащева. Это стало основанием появления в народе легенды о встрече Строда и Пепеляева в военной академии им. М. Фрунзе, где Строд ему напомнил о Сасыл-Сысыы.

¹² В.Пестерев. Гражданская война а северо-востоке России и антикоммунистические выступления в Якутии (1918-1930 гг.) . Я. 2008. Изд-во ЯНЦ СО РАН. С. 360

Строд и Пепеляев впервые встретились на суде в городе Чите, состоявшемся с 15 января по 3 февраля 1924 года. Выступая свидетелем, И.Я. Строд ни разу не обвинил и не оскорбил ни одним словом побежденного генерала, подробно рассказывал о трудностях и нечеловеческих условиях осады Сасыл-Сысыы.

Генерал А.Н. Пепеляев после показаний Строда сделал следующее заявление «мы, все подсудимые, знаем о необычайной доблести отряда гражданина Строда и выражаем ему искреннее восхищение. Прошу это мое заявление не считать попыткой облегчить нашу участь»¹³. Т.е. бывшие враги при жизни помирились. После ликвидации Сибирской дружины 200 рядовых бойцов были отпущены по домам, 162 – подвергнуты административной ссылке.

Военный трибунал 5-й Краснознаменной армии, рассмотрев дело №880 по обвинению А.Н. Пепеляева и его соратников (всего 78 человек), приговорил А.Н. Пепеляева и 21 офицер к смертной казни, впоследствии замененной 10 годами лишения свободы. Правительство ЯАССР после разгрома дружины Пепеляева приняло постановление об амнистии всех якутян, принявших участие в походе Пепеляева.

Президиум ЯЦИК постановлением от 1 мая 1923 года наградил пятерых особо отличившихся командиров Красной армии и Якнарревдота именными серебряными наградными знаками с золотой надписью «ЯЦИК», в том числе И.Я. Строда, Е.И. Курашова и др.

Фактически А.Н. Пепеляев провел в тюрьме 13 лет, так как по окончании срока ему ежегодно срок продлевали на один год. Был кратковременно в апреле 1936 года ос-

¹³ Л.А.Юзефович. Зимняя дорога. М. 2015. С. 361

вобожден и поселен в г. Воронеж для подставной операции НКВД, что, находясь в тюрьме, якобы переписывался с японским консулом по вопросам создания КРО и свержения советской власти. Итогом этого подставного дела стало уничтожение в Сибири 15203 бывших белых офицеров и представителей буржуазии как членов контрреволюционной организации под руководством колчаковского генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева (по материалам, найденным якутскими журналистами Иваном Николаевым и Иваном Ушницким¹⁴).

А.Н. Пепеляев на основании спецсообщения о заговоре РОВС от 13 декабря 1936 года секретарю ЦК ВКП (б) И.В.Сталину был снова арестован в августе 1937 года и доставлен в Новосибирск, где ему было представлено обвинение в создании контрреволюционной организации.

7 декабря Пепеляев был приговорён к смертной казни через расстрел. Приговор был приведён в исполнение 14 января 1938 года в тюрьме города Новосибирска. Белый генерал А.Н. Пепеляев был расстрелян через пять месяцев после расстрела красного командира И.Я. Строда в Москве. Если А.Н. Пепеляев боролся против советской власти, то мы можем только представить, что чувствовал И.Я. Строд перед казнью от власти, за которую боролся, за которую он мог погибнуть в Сасыл-Сысыы вместе с врагами – если бы пепеляевцам удалось ворваться к ним, он планировал взорвать заранее подготовленные заряды. Это предложение Строда было принято единогласно на совещании всеми осажденными. И.Я. Строд за все вре-

¹⁴ Газ. «Криминологическая Якутия». 6 марта 2018 г. Сталин лично приказал расстрелять Пепеляева. И.Николаев, И. Ушницкий.

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

мя военной службы был 8 раз ранен, из них 5 раз тяжело. В Сасыл-Сысы был дважды ранен, пуля застряла у него в груди, несмотря на это он руководил обороной.

И.С. Строд был арестован 4 февраля 1937 года. Ему было предъявлено обвинение по ст.ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР (участие в антисоветской террористической организации). 18 августа 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к высшей мере наказания. В тот же день был расстрелян. Реабилитирован 23 июля 1957 года. По признанию его внучки Ольги Новомировны Русиной (Строд) в семье существует легенда, что И.Я. Строд покончил собой, сбросившись с лестницы, не выдержав пыток. Со Строда выбивали показания на М.К. Аммосова, П.А. Слепцова-Ойунского, И.Н. Барахова, К.К. Байкалова и многих других руководителей республики. Немногие выдерживали пыток и не давали требуемых показаний. И.Я. Строд не запятнал свое имя. По свидетельству Д.С. Лихачева, в основном, только священнослужители не ломались и оставались честны перед Богом и людьми.

Не избежал репрессий и сын Строда Новомир Иванович.

20 октября 1989 прокуратура Новосибирской области реабилитировала А.Н.Пепеляева. Однако, амгинский краевед Д.Н. Гаврильев отправил запрос в Центральный архив ФСБ России о реабилитации А.Н. Пепеляева и получил следующий ответ: «Заключением Главной военной прокуратуры РФ от 26 июня 1999 года Пепеляеву Анатолию Николаевичу в реабилитации отказано».

В июле 2011 года Президиум Восточно-Сибирского окружного военного суда на запрос внука генерала Пепеляева – В.Л. Пепеляева ответил, что белый генерал А.Н. Пепеляев не подлежит реабилитации.

По данным, установленным якутским журналистом, краеведом П.К. Конкиным, не избежали ареста родные и близкие А. Пепеляева. Брат Аркадий, врач, участник I мировой войны осужден в 1942 году, умер в Сиблаге в 1946 году. Михаил, штаб-ротмистр армии Колчака погиб в застенках НКВД в тридцатые годы. Логгин погиб в 1919 году в бою с минусинскими партизанами. Мать Клавдия Георгиевна умерла в Харбине в 1939 году, жена Нина Ивановна, пройдя ссылку, умерла в 1979 году в г. Гагры. Сестра Екатерина Шуман была артисткой, работала в театрах Читы и Якутска. Ее сын Николай эмигрировал в Австралию из Харбина. Вторая сестра Вера проживала в Харбине с семьей до конца 50-х годов.

Прошли через ГУЛАГ оба сына Пепеляева Лавр и Всеволод. Оба получили по 25 лет лагерей. Лавр, арестованный в 1945 году в Харбине, умер в Ташкенте в 1991 году. Всеволод был арестован в 1947 году, затем жил в Черкесске, он реабилитирован в восьмидесятые годы. В своем письме Петру Конкину Всеволод Пепеляев от 16 июля 1997 года писал: «Я знаю только одно: в лице семьи Пепеляевых Россия, особенно Сибирь, потеряла честных людей, беззаветно любящих Родину...»¹⁵

Горькая ирония судьбы заключается в том, что оба представителя противоборствующих сторон И.Я. Строд и А.Н. Пепеляев были расстреляны как враги народа. Суд человеческий поступил крайне несправедливо в отношении до конца преданных Родине людей – красного командира Ивана Строда и белого генерала Анатолия Пепеляева. Сегодня же происходит переоценка событий гражданской войны в России. Но есть еще и Божий суд. Сегодня, спустя 95 лет, настало время исторического примирения. Время

¹⁵ П.К. Конкин. Драма генерала.

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

лечит раны, прошлое уходит, но мы должны вынести урок и не наступать «на грабли истории».

В годы массовых репрессий были расстреляны поддержавшие А.Н. Пепеляева М.К. Артемьев, командиры Якнарревдота С.М. Михайлов, С.И. Михайлов, Г.Ф. Сивцев и многие другие якутяне. Не избежали репрессий красные командиры К.Л. Карпель, К.К. Байкалов, руководство правительства ЯАССР того периода М.К. Аммосов, П.А. Ойунский, С.И. Барахов и другие. Застрелился из-за угрозы репрессий С.С. Вострецов. В Якутии в те годы были репрессированы 7424 человека, из них 95 амгинцев. Для многих якутян участие в походе генерала Пепеляева означало смертный приговор.

Красный командир Е.И. Курашов избежал репрессий, работал в Якутии на разных

должностях, участвовал в Великой Отечественной войне, обучая ополченцев Москвы. Скончался в Москве 21 октября 1946 года. На его могиле установлен мраморный памятник с надписью «Командиру воинской части, полковнику Ефиму Ивановичу от Совета Министров ЯАССР».

В годы гражданской войны в России каждый искал и боролся за свою правду. У всех народов во все времена были и будут вечными ценностями добро и истина. Истина там, где справедливость, человеколюбие, милосердие и миролюбие, покаяние и сострадание. Пусть минует нынешние и будущие поколения россиян пожары и трагедии гражданской войны.